

Книга предназначена для учителей литературы и учащихся старших классов средней школы. Содержание этой книги можно воспринимать как методическое пособие для учителей. Воспоминания о писателе воссоздают особенности характера, личности, жизненного пути М.М.Шолохова. Помещённые в книгу фрагменты писем Шолохова отражают творческие интересы, гражданскую позицию писателя и сложность исторической эпохи, в которую были написаны известные нам произведения. Статьи учёных, выступавших на конференции, дают представление о самом литературном творчестве Шолохова, о литературном процессе, участником которого был сам М.Шолохов. Наконец, доклады учителей содержат конкретный методический материал, который, безусловно, облегчит изучение творчества М.Шолохова в современной школе.

МГДУ выражает искреннюю благодарность Государственному музею-заповеднику М.А.Шолохова за оказанную помощь в предоставлении материалов к конференции.

**ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ДОМ УЧИТЕЛЯ**

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше...

**Материалы открытой гуманитарной конференции,
посвящённой творчеству М.А. Шолохова.
Филологическое образование в современной школе.
Теория и практика.**

Москва 2015 год

К читателю

Постоянно ускоряющийся темп нашей жизни назойливо подталкивает нас к полному погружению в повседневные заботы. «Не тормози! - вот лозунг нового поколения!». Недосуг нам углубляться в размышления о прошлом, да и о будущем. Ощущение жизни как чего-то сиюминутного все больше и больше охватывает нашего современника. И вдруг... юбилейный праздник Великой Победы, никого не оставивший равнодушным, заставил всех нас остановиться, оглянуться и задуматься. Все пережитое нами в мае 2015 года дает огромный духовный импульс для преодоления бешеных водоворотов 21 века.

Грандиозное шествие «Бессмертного полка» возвращает нас к пушкинскому: «Куда ж нам плыть?» и неизбежному следующему вопросу: «Кто будет тем кормчим, который укажет нам ориентиры движения и поможет не сбиться с пути?».

В этом смысле почти совпавшее с юбилеем Великой Победы празднование 110-летнего юбилея лауреата Нобелевской премии по литературе М.А. Шолохова служит достойным продолжением великого праздника и может стать для читателя нравственным ориентиром. Недавно ушедший от нас В.Г. Распутин в одном из выступлений сказал: «Художника можно сравнить с проводником, указывающим не приблизительные, а правильные пути. Это уж дело публики - следовать или не следовать им, но художнику неплохо бы знать их безошибочно». Шолохов эти пути знал. Видимо поэтому с такой искренностью в этом году и был отмечен юбилей писателя.

Шолохов не забыт. Величие этого писателя определяется величием его мысли. По остроте и глубине социального анализа, по богатству художественных образов писатель Шолохов далеко превосходил многое из того, что было создано в мировой литературе 20 столетия. Трагизм эпохи, сложные человеческие судьбы, картины природы наполнены в его произведениях жизненной правдой. Эту обнаженную правду о жизни и человеке несут в себе романы «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», знаменитый рассказ «Судьба человека» и другие рассказы, публицистика Шолохова. В творчестве писателя угадывается борьба вселенских начал. Быть может, высшая мудрость, высший смысл творений Шолохова состоит в изображении мятежного и страдающего человека, осознавшего необходимость милосердия и истинной любви к ближнему. Как не хватает этого осознания

нашему современнику! Конференция, посвящённая юбилею писателя, отразила духовный запрос наших учителей к писателю.

Проведенная конференция по творчеству Шолохова дала возможность учителям, ученикам и ученым поговорить не только о великом писателе и его героях, но и задуматься о себе, о своих жизненных выборах и приоритетах. В то же время работа над докладами, проектами, связанными с произведениями Шолохова, помогла узнать педагогам и учащимся много нового, в частности, расширить свои знания творческой биографии писателя и его общественной деятельности. Конференция продолжила поиск новых путей и методов изучения творчества Шолохова в школе. Конференция способствовала расширению фундаментальных литературоведческих знаний участников, познакомила с богатым наследием отечественного шолоховедения, обобщила методический опыт изучения произведений М.А. Шолохова в школе.

I. СЫН СВОЕГО НАРОДА...

(развёрнутые тезисы докладов и исследований)

SVENSKA AKADEMIEN

HAR VID SAMMANTRÄDE DEN 15 OKTOBER 1965
I ÖVERENSSTÄMMELSE MED FÖRESKRIFTERNA I DET AV

ALFRED NOBEL

DEN 27 NOVEMBER 1895 UPPRÄTTADE TESTAMENTE
BESLUTAT ATT TILLDELA

MICHAIL
ALEXANDROVITJ
SJOLOCHOV

1965 ÅRS NOBELPRIS I LITTERATUR FÖR DEN KONST-
NÄRLIGA KRAFT OCH ÄRLIGHET VARMED HAN I SITT
DÖNSKA EPOS GESTALTAT ETT HISTORISKT SKEDE I
DET RYSKA FOLKETS LIV.

STOCKHOLM DEN 10 DECEMBER 1965

Mikhail Sjolochov

Anders Österlund

Нобелевская речь

На этом торжественном собрании считаю своим приятным долгом еще раз выразить благодарность Шведской Королевской Академии, присудившей мне Нобелевскую премию.

Я уже имел возможность публично свидетельствовать, что это вызывает у меня чувство удовлетворения не только как международное признание моих профессиональных заслуг и особенностей, присущих мне как литератору. Я горжусь тем, что эта премия присуждена писателю русскому, советскому. Я представляю здесь большой отряд писателей моей Родины.

Я уже высказал также удовлетворение и тем, что эта премия является косвенно еще одним утверждением жанра романа. Нередко за последнее время приходилось слышать и читать, по совести говоря, удивлявшие меня выступления, в которых форма романа объявлялась устаревшей, не отвечающей требованиям современности. Между тем именно роман дает возможность наиболее полно охватить мир действительности и спроецировать на изображении свое отношение к ней, к ее жгучим проблемам, отношение своих единомышленников.

Роман, так сказать, наиболее предрасполагает к глубокому познанию окружающей нас огромной жизни, а не к попыткам представить свое маленькое "я" центром мироздания. Этот жанр по природе своей представляет самый широкий плацдарм для художника-реалиста. Многие молодые течения в искусстве отвергают реализм, исходя из того, что он будто бы отслужил свое. Не боясь упреков в консерватизме, заявляю, что придерживаюсь противоположных взглядов, будучи убежденным приверженцем реалистического искусства.

Сейчас часто говорят о так называемом литературном авангарде, понимая под этим моднейшие опыты преимущественно в области формы. На мой взгляд, подлинным авангардом являются те художники, которые в своих произведениях раскрывают новое содержание, определяющее черты жизни нашего века. И реализм в целом, и реалистический роман опираются на художественный опыт великих мастеров прошлого. Но в своем развитии приобрели существенно новые, глубоко современные черты.

Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни", переделки ее на благо человеку. Я говорю, разумеется, о таком реализме, который

мы называем сейчас социалистическим. Его своеобразие в том, что он выражает мировоззрение, не приемлющее ни созерцательности, ни ухода от действительности, зовущее к борьбе за прогресс человечества, дающее возможность постигнуть цели, близкие миллионам людей, осветить им пути борьбы.

Человечество не раздроблено на сонм одиночек, индивидуумов, плавающих как бы в состоянии невесомости, подобно космонавтам, вышедшим за пределы земного притяжения. Мы живем на земле, подчиняемся земным законам, и, как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра. Гигантские слои населения земли движимы едиными стремлениями, живут общими интересами, в гораздо большей степени объединяющими их, нежели разъединяющими.

Это люди труда, те, кто своими руками и мозгом создает все. Я принадлежу к числу тех писателей, которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу.

Отсюда проистекает все. Отсюда следуют выводы о том, каким мыслится мне, как советскому писателю, место художника в современном мире.

Мы живем в беспокойные годы. Но нет на земле народа, который хотел бы войны. Есть силы, которые бросают целые народы в ее огонь. Может ли не стучать пепел ее в сердце писателя, пепел необозримых пожаров второй мировой войны? Может ли честный писатель не выступать против тех, кто хотел бы обречь человечество на самоуничтожение?

В чем же состоит призвание, каковы задачи художника, считающего себя не подобием безучастного к людским страданиям божества, вознесенного на Олимп над схваткой противоборствующих сил, а сыном своего народа, малой частицей человечества?

Говорить с читателем честно, говорить людям правду - подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее. Быть борцом за мир во всем мире и воспитывать своим словом таких борцов повсюду, куда это слово доходит. Объединять людей в их естественном и благородном стремлении к прогрессу. Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека. Думаю, что художником имеет право называться тот, кто

направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества.

Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору.

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив.

Благодарю всех, кто находится в этом зале, всех, кто прислал мне приветствия и поздравления в связи с Нобелевской премией.

Первоистoki личности и судьбы К творческой биографии М.А. Шолохова

Одной из важнейших задач современного шолоховедения является разработка вопросов научной биографии писателя. Многие еще предстоит открыть и осмыслить в этой великой, поистине трагедийной судьбе большого русского художника, сполна вобравшей муки и радости отпущенного ей Времени. Полная драматизма и часто неожиданная в своем движении и переходах, она таит в себе немало загадок. Исследователи до сих пор, например, почти не обращали внимания на некоторые судьбоносные моменты в шолоховской биографии. Осмысление их позволяет внести существенные уточнения в понимание творческого развития писателя.

Интерес к долитературной биографии Шолохова побуждает нас пристально всматриваться в эпоху – события и реалии, формировавшие вектор его личной и творческой судьбы. Остановимся на тех из них, которые, на наш взгляд, имели решающее значение в становлении Шолохова как в личностно-психологическом, так и в мировоззренческом плане и не учитывались в должной мере при изучении его творчества.

Как формировалось шолоховское «русло представлений» о мире и человеке? Как складывался его жизненный путь?

«Я вырос в среде трудового казачества, – с гордостью говорил писатель в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды», – того, которое потом, в годы гражданской войны, называлось красным за поддержку Советской власти... Обновлялась жизнь, обновлялся Дон и его обитатели – люди трудолюбивые, упорные, с характером. Часть этой жизни, этого обновления – в моих произведениях».

Изначально жизнь Шолохова была связана с Доном – своеобразным степным регионом России. Как личность он формировался в специфичной среде казачества, взаимодействие с которой во многом предопределило его судьбу, направленность творческих поисков. На основе непосредственного и целостного восприятия этой среды – со всеми особенностями ее социального

бытия, традициями, богатством и многооттеночностью языка – складывался крестьянский в своей основе художественный мир писателя.

Дон, как и каждая российская область, будь то Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, по-своему необычен – в географическом, историческом, экономическом, этнографическом и других отношениях – и накладывает свой отпечаток на жизнь человеческую.

На Дону исторически сложился особый тип «землевладения за службу», определивший сохранение в казачьем быту многих средневековых черт. Ленин отмечал, что казачество является «привилегированным крестьянством», характеризующимся сословной и областной замкнутостью, типичной для феодальных отношений. Он относил область Войска Донского к числу самых патриархальных.

Специфический жизненный уклад этого военно-земледельческого сословия («народа в народе», или субэтноса, если прибегнуть к точному научному определению) сохранился в почти неизменном виде до 1917 года.

Своеобразие экономического положения казачества состояло в том, что патриархальный семейный уклад (крестьянский труд, всецело подчиненный природному календарю, вносил в жизнь казака подлинно эпический элемент) сочетался с укладом сословия (военная служба, лагерные сборы, походы и т. д.). С раннего детства и до глубокой старости казак ощущал себя хлеборобом и одновременно профессиональным воином. Этим объясняется сила и глубина связей казака с семьей, миром природы, натуральным хозяйством и конечно же с профессиональным военным коллективом, каким было Войско Донское.

Бурные события капиталистической эпохи существенно меняли уклад сословия. К тому моменту, когда Шолохов вступал в жизнь, казачество уже не представляло собой, как прежде, единого целого: с каждым годом усиливался процесс разложения казачьей земельной общины. В казачьих хуторах и станицах, с одной стороны, вырастала и укреплялась зажиточная верхушка, с другой стороны, увеличивалось количество маломощных хозяйств. Как и крестьянство Центральной России, казачество делилось на кулаков, середняков и бедняков.

Находясь в стесненном экономическом положении, казачья беднота не имела средств для выполнения священной для сословия обязанности – снаряжать своих сыновей, идущих на военную службу, конем и амуницией. (Вспомним в этой связи Андрея Разметнова, которому, дабы не посрамить хутор, коня «справили» на общественные деньги.)

Резко ухудшила положение трудящихся масс казачества империалистическая война, ускорившая процессы классовой дифференциации. Масштабы мобилизации казачьего населения в этот период были значительно выше, чем где бы то ни было. Подавляющее большинство хозяйств осталось без рабочей силы.

И все же, несмотря на это, значительная часть казачества продолжала оставаться мелкими привилегированными землевладельцами. Величина казачьего пая, вплоть до Октябрьской эволюции, превышала средний земельный надел крестьянина почти в 10 раз. Казачья беднота не знала той крайней нужды, какую испытывали коренные крестьяне («мужики»), иногородние, «тавричане», составлявшие большую часть населения Донской области.

Гражданская война на Дону, резко размежевавшая население области, не была, однако, войной сословной («всех казаков против всех иногородних»), как утверждали некоторые историки 20-х годов, а войной классовой, принявшей невиданно жестокие формы.

Казачество воспринимало перспективы всякого рода преобразований и новшеств, особенно в землевладении, весьма враждебно. Старое на Дону держалось особенно долго, новое приживалось медленно и болезненно.

Все эти бурные исторические процессы начала XX века послужили социально-историческим фоном, на котором разворачивалась шолоховская биография. Выросший в среде казачества, он явился живым свидетелем распада казачьей земельной общины. Перевернутая революцией жизнь поражала контрастами и противоречиями, побуждала к размышлению над социальной природой разворачивающихся в быту человеческих драм.

Социальные перемены в народной жизни, происшедшие в результате революции и войн – империалистической и гражданской, – создали предпосылки для самоопределения шолоховского таланта, одновременно наделив его драматической, трагедийной силой.

На примере детства и юности писателя воочию убеждаешься, как общественные и экономические сдвиги сказались на человеческой биографии, вторглись в нее.

Шолоховская биография поражает своей необычностью. Происхождение писателя, его семейное положение в первые годы жизни заслуживают гораздо большего внимания, чем им обычно уделяют исследователи.

Шолоховы не принадлежали к казачьему служилому сословию, были «иногородними». Корни семейного рода – в старинном подмосковном городе Зарайске, некогда входившем в состав Рязанской губернии. По платежным, ревизским и писцовым книгам литературовед В.И. Стариков установил, что упоминания о первых Шолоховых, живших в Пушкарской слободе, относятся к 1715 году. Здесь жили прапрапрадед писателя Сергей Фирсович Шолохов, прапрадед Иван Сергеевич, прадед Михаил Иванович.

Подростком приехал на Дон дед писателя, Михаил Михайлович Шолохов. Он поступил по найму приказчиком в лавку к местному купцу Мохову. Женившись позднее на его дочери, Марии Васильевне, сам вышел в купцы. Их второй сын, Александр Михайлович Шолохов (1865–1925), и был отцом великого писателя.

Александр Михайлович продолжил торговые традиции шолоховского рода. Он служил приказчиком в мануфактурной лавке отца, в хуторе Кружилине. Недвижимой собственности Александр Михайлович не имел, но, будучи человеком предприимчивым, с хозяйской сметкой, он всячески стремился обрести экономическую самостоятельность: сеял хлеб на арендованной казачьей земле, торговал мелкими хозяйственными товарами, разъезжая по хуторам и станицам, был «шибаем» (скупщиком скота). Он мог бы составить себе хорошую партию – жениться, например, на одной из дочерей местной помещицы Поповой из хутора Ясеновка, в доме которой был частым и желанным гостем, однако купеческий сын сделал иной выбор. У Поповых ему приглянулась горничная – крестьянская девушка Анастасия Черникова, происходившая из многодетной семьи бывших крепостных переселенцев Черниговской губернии. Она отличалась природным умом и сильным характером. Их знакомство переросло в глубокое взаимное чувство. Эта романтическая история заслуживает особого внимания.

Александр Михайлович намерен был жениться на Анастасии, но для купеческого сына женитьба на бесприданнице, да еще иногородней, как называли на Дону тех, кто не имел собственного пая земли, было, по законам патриархальной морали, неслыханной дерзостью. Родители А.М. Шолохова решительно воспротивились этому неравному браку и, прибегнув к хитрости – помощи наказного атамана, насильно выдали Анастасию Даниловну за вдовца, казака Кузнецова. (Иногородняя, выходящая замуж за казака, становилась казачкой.) Александр Михайлович в знак протеста обозлился на отца. Вроде бы и конец этой истории.

Однако вскоре Анастасия ушла от Кузнецова и под видом экономки поселилась в Кружилине, в доме Александра Михайловича. Здесь и родился 24 мая 1905 года будущий писатель.

Восемь мучительно долгих лет переживала Анастасия Даниловна унижительное положение «двухмужней», пока неожиданная смерть ее первого мужа, Кузнецова, не избавила ее от страданий. Родители Шолохова обвенчались лишь в 1913 году.

В «Метрической книге бракосочетавшихся в 1913 году» церкви хутора Каргинского краеведом П.Я. Донсковым обнаружена следующая запись: «Мещанин Рязанской губернии города Зарайска Александр Михайлович Шолохов, православного вероисповедания, первым браком. Лет жениху 48».

О невесте сделана такая запись:

«Еланской станицы (хутора Каргина) вдова казака Кузнецова, православного исповедания, вторым браком. Лет невесте: 42».

Обряд венчания совершали священник Емельян Борисов и псаломщик Яков Проторчин в присутствии поручителей: от жениха – «мещанин Иван Сергеев Левочкин и мещанин Петр Михайлов Шолохов», от невесты – «крестьянин Тамбовской губернии Шацкого уезда Атиевской волости Козьма Кондрашев и мещанин Воронежской губернии города Острогожского Владимир Николаев Шерстюков».

Подписи: «*Священник Емельян Георгиев Борисов и псаломщик Яков Проторчин*».

В графе «месяц и день» отмечено: «июль, 29».

Первоначально жизненные обстоятельства складывались отнюдь не в их пользу. Казалось, нельзя соединить «несоединимое» – сына купца и простую крестьянку-бесприданницу. Но жизнь диктует свои, иные законы. По прав условности среды, женщина уходит от законного мужа и возвращается в дом того, кому по праву принадлежало ее сердце. Так, вопреки всему, соединили свои судьбы русский и украинка, сын купца и простая крестьянка. Непредсказуемостью развязки этот жизненный сюжет напоминает скорее сюжет новеллистический. Возможно, этот биографический факт (а его отзвуки угадываются в ранних рассказах «Двухмужняя», «Нахаленок», а также в «Тихом Доне» (линия отношений Григорий Мелехов – Аксинья – Степан Астахов) послужил толчком для многих раздумий Шолохова над социальной диалектикой бытия и, художественно переосмысленный, явился одним из определяющих мотивов шолоховского творчества – соединение подчас несоединимого среди взаимоисключающих начал жизни. (Вспомним в этой связи Дуняшку Мелехову, вышедшую замуж за убийцу брата – Мишку Кошевого.)

В художественном мире Шолохова этот мотив всегда соотнобразуется с логикой развития характера, поставленного обстоятельствами в нравственную коллизию выбора.

Весьма любопытна и история женитьбы самого писателя на М.П. Громославской, дочери станичного атамана, выпускнице епархиального училища, которая связала свою судьбу с ним также вопреки, казалось, привычным представлениям о морали. «При моем участии когда-то, – рассказывал Шолохов Е.Г. Левицкой, – отца моей жены теперешней приговорили к расстрелу, а мы после этого познакомились и поженились»¹. Писатель даже шутил по этому поводу: «Ты же епархиалка. Тебя в жены попу готовили»⁵. В самом деле, какие поистине неожиданные повороты открывает в себе шолоховская биография!

Особая реакция Шолохова на семейные конфликты времени, его тревожно-трагическое восприятие мира, столь поражающее нас в его произведениях, восходит, очевидно, к остро прочувствованной в пору детства известной дисгармонии человеческих отношений. Нельзя не видеть определенной приверженности писателя к семейным мотивам собственной биографии, угадываемой в сюжетах его произведений.

Семью – своего рода барометр экономического и нравственного самочувствия общества – Шолохов поставит в центр своего художественного мироздания. Именно через семью – завязь жизни – в годы революции и гражданской войны проходила равнодействующая истории, определяющая главное русло ее течения.

Вернемся, однако, к факту, связанному с рождением Шолохова. Не в меньшей мере, чем его мать, тягостное ощущение «незаконности» своего положения («нахаленка») пережил он в раннем детстве, находясь «на грани двух начал», – формально считаясь казаком, а реально – сыном купца («мещанина»). До того момента, как мальчика усыновил его фактический отец (А.М. Шолохов), он, считавшийся казачьим сиротой, носил фамилию первого мужа матери – Кузнецов, имел пай земли и все казачьи привилегии. Писатель сообщает в автобиографии: «До 1912 года и она (Анастасия Даниловна. – В. З.) и я имели землю. Она как вдова казака, а я как сын казачий, но в 1912 году (здесь Шолохов допускает неточность: родители его обвенчались в 1913 году. – В. З.) отец мой, Шолохов, усыновил меня (до этого он был не венчан с матерью), и я стал числиться сыном «мещанина».

За этими скупыми строчками автобиографии стоит трудное детство, сложность, а подчас и жестокость первых жизненных впечатлений. Нетрудно себе представить, как больно резало слух мальчика колкое и обидное прозвище «нахаленок». Шолохову, уязвленному до слез насмешками своих сверстников и пересудами хуторян, приходилось терпеливо переживать в душе горькие, незаслуженные обиды. Любопытен в этой связи один исторический факт. Когда-то Петр I издал специальный указ о том, чтобы всех незаконнорожденных записывать в художники. Кстати, тема судеб незаконнорожденных в русской культуре (в этот ряд можно поставить В.А. Жуковского, Н.Ф. Федорова, А.И. Герцена, А.А. Фета, художника В.Г. Перова и других) могла бы стать объектом специального исследования.

Уже ранняя биография Шолохова говорит о том, что он изначально формировался как художник широкого диапазона чувств и мысли. Вероятно, прав был И. Бунин, говоривший о типе физической организации как предпосылке «обостренного ощущения Всебытия».

Шолохову часто задавали вопрос о его социальном происхождении. В письме к М.И. Гриневой от 28 декабря 1933 года он на этот вопрос ответил

так: «Напрасно вы меня оказали. Я никогда казаком не был. Хотя и родился на Дону, но по происхождению – «иностранец»».

Такой вопрос был задан и на одной из встреч со студентами Упсальского университета (Швеция): «В «Истории советской литературы», вышедшей на Западе, профессор Струве пишет, что вы полуказак. Там написано, что ваша мать казачка, а отец – нет. Шолохов ответил: «В какой-то мере это так. Дело в том, что моя мать (она украинка) вышла замуж за казака и рано овдовела. Потом она жила с моим отцом, как говорится, гражданским браком, не венчанные были. Сколь я родился, а она была, так сказать, вдовой, я по формуляру числился казаком, имел пай земли, все привилегии казачьи. Затем отец меня усыновил. Уже после моего рождения они перевенчались с матерью и (по документам) я стал числиться уже русским... У нас таких людей называли иностранцами. Вот я – иностранец».

Не в этих ли хитросплетениях судьбы, сложных перипетиях шолоховской биографии следует искать отчасти объяснение литературной позиции писателя, его беспристрастного реализма? Изображая казачество, уходящий с исторической арены опыт военно-земледельческого сословия, он сумел посмотреть на этот своеобразный мир как бы с двух точек зрения – глазами казака («Он пишет как казак, влюбленный в Дон». *М. Горький*) и одновременно глазами «иностранца» – человека иной среды.

Детство оставляет у человека множество впечатлений разного свойства. Годы просеивают эти впечатления, что-то забывается, уходит в небытие, а что-то навсегда остается в памяти, – как общий душевный фон, как нравственная атмосфера пережитого.

Страдания и духовные раны часто открывают путь в искусство и становятся сильной действенной пружиной художественного творчества. Трагическое, выражая собой предельное и конфликтное в жизни, делает искусство особенно трепетным, живым и незабываемо впечатляющим и глубоким.

Двойственность положения («грань двух начал»), остро прочувствованная Шолоховым в детстве, была следствием реальных жизненных противоречий и контрастов, за которыми стоит глубокий социальный смысл.

Пережитое остропамятливым детским сердцем состояние «незаконности» своего положения Шолохов художественно воссоздал в рассказе «Наха-

ленок», о котором в беседе с Е.Г. Левицкой говорил, что это «отчасти автобиографический рассказ.

В нем воссоздан портрет вихрастого Мишки – «нахаленка»:

«Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нарастаявшие крупинки речного льда».

«Для отца он – Минька. Для матери – Минюшка. Для деда – в ласковую минуту – постреленыш, а в остальное время, когда дедовские брови седыми лохмотьями свисают на глаза – «эй, Михаиле Фомич, иди я тебе уши оболтаю!».

А для всех остальных: для соседок-пересудок, для ребятишек, для всей станицы – Мишка и «нахаленок».

Девкой родила его мать. Хотя через месяц и обвенчалась с пастухом Фомою, от которого прижила дитя, но прозвище «нахаленок» язвой прилипло к Мишке, осталось на всю жизнь за ним».

Психологическая достоверность биографических деталей органично входит в художественную ткань произведения. Совершенно очевидно, что в творчестве Шолохова детские впечатления получили художественное осмысление и повлияли на характер его художественного мировидения. Для Шолохова-художника крайне важна детская точка зрения на происходящее, ибо в детском сердце, как в фокусе, своеобразно пересекаются и сходятся реалистическое и романтическое в жизни. Через детское незамутненное сознание (оно выступает как форма воссоздания и осмысления действительности) писатель стремится показать большой мир, рост в человеке чувства социальности.

Вспомним в этой связи и рассказ «Семейный человек». У паромщика Микишары нет ни тени сомнения и раскаяния в содеянном. (Ради того, чтобы отвести от голодной смерти семерых малолетних детей, он по принуждению

белоказаков убил двоих сыновей.) «Жестко и нераскаянно» из-под напухших век смотрят глаза Микишары: «...Через кого все так поделалось? Да все через них же, через детей!» «Вот ты и рассуди нас, добрый человек! Я за детей за этих сколько горя перенес, седой волос всего обметал. Кусок им зарабатываю, ни днем, ни ночью покою не вижу, а они...»

Вопрошая, Микишара твердо убежден, что его жестокий поступок spolна оправдывает закон обстоятельств. Однако Шолохов судит героя иным судом, нравственным, вкладывая приговор в уста ребенка, дочери Натальи: «Гребостно мне с вами, батя, за одним столом исть. Как погляжу я на ваши руки, так сразу вспомню, что этими руками вы братьов побили; и с души рвать меня тянет...»

В рассказе «Семейный человек» звучит мотив нравственной ответственности человека за свои деяния. Шолохов не снимает этой ответственности с человека даже тогда, когда, казалось, возможности противостоять обстоятельствам исчерпаны spolна и выбора нет.

Образ Микишары взят писателем из жизни. В своих записках Е.Г. Левицкая приводит такой разговор Шолохова с председателем Плешаковского сельсовета: «А как поживает Микишара?» – вдруг спросил М.А. Тот (председатель. – В. З.) замялся. «Приходил ко мне, просил дать свидетельство о политической благонадежности, хочет охотой заняться, ружье купил, – говорит: «У меня сын был красноармеец...» «Да ведь ты сына-то убил, – говорю ему. – Не дал ему свидетельства», – закончил председатель».

В развитии детской темы Шолохов явился продолжателем традиций русской классики. В художественном мире русской литературы дети живут в тесном и чаще всего очень драматичном для них соприкосновении с миром взрослых. Именно в детских судьбах русские писатели открывали особенно веские, неотразимые аргументы для критики существующего социального строя¹⁴. Достоевский считал страдание детей великой темой.

Достоевский выверял нравственные истины отношением к этим истинам детей, размышляя о детях как о будущем человечества. Князя Мышкина он оставил взрослым ребенком, сохранившим по-детски невинное, естественное восприятие мира, людей.

Детство Шолохова прошло на степном приволье. Будни донских хуторов и станиц, быт казаков, их нелегкий каждодневный крестьянский труд в поле и тяжелая военная служба – вот атмосфера, которая с детства окружала будущего писателя. Это была жизнь, близкая к земле, крестьянскому труду, неброской степной природе, включавшая в себя не только крестьянские будни, но и яркие впечатления от шумных ярмарок, народных игрищ и представлений. Она закладывала основы подлинного демократизма, пробуждала внимание к духовной деятельности народа. Красочная панорама глубинной народной жизни, замечательное искусство народа открылись Шолохову в самую отзывчивую, самую чуткую пору детства. Именно в эти годы в душу впечатлительного ребенка входит еще не осознанное, но цементирующее весь строй личности, представлений, ценностей народное начало, – возникает завязь чувства стихийного историзма. Уже в долитературный период он столкнулся со всеми особенностями социального, нравственного облика жителей Донского края, традициями и канонами казачьей народной культуры.

Это был период скорее эмоционального, чем рассудочного постижения мира, весьма богатый событиями, встречами с контрастными характерами, стилями поведения людей, знакомством с жизнью разных классов и сословий, национальностей, породивший у будущего писателя особую восприимчивость к калейдоскопически меняющемуся богатству и многообразию явлений.

Отец Шолохова часто менял профессии и место жительства, много кочевал по Донской области, таким образом будущий писатель, переезжая с семьей с места на место, познакомился с жизнью и бытом многих хуторов и станиц Верхнего Дона. Каковы были маршруты этих передвижений?

В 1910 году, прожив в Кружилине пять лет, семья Шолоховых переехала в хутор Каргин (позднее он будет переименован в станицу Каргинскую), где Александр Михайлович получил место приказчика в лавке купца Левочкина. С Каргиным связаны значительные события детства и боевой юности писателя. Здесь, в 1911 году, он будет брать первые уроки у сельского учителя Т.Т. Мрыхина, а через год, освоив начальный курс, поступит в Каргинское приходское училище. В 1920-е годы юный Шолохов с оружием в руках будет участвовать в становлении Советской власти. В Каргине будут написаны первые рассказы из донской жизни. Хутор Каргин часто упомина-

ется в «Тихом Доне», события «Донских рассказов» происходят в основном в этом же хуторе.

Раннее детство писателя не ограничивается только донскими впечатлениями. Гимназический период его биографии, заложивший основы интеллектуального роста писателя, насыщен событиями, он прожит на *стыке сельской и городской жизни*. Так, в 1914 году, когда Шолохов заболел, отец отвез его, не успевшего закончить второй класс Каргинского приходского училища, в Москву, в глазную клинику доктора Снегирева. Остро переживалась девятилетним мальчиком разлука с семьей, родными местами. Непривычной для него, провинциала, была обстановка большого города.

После излечения Шолохов был определен в подготовительный класс частной мужской гимназии имени Григория Шелапутина. Во время учебы он жил на квартире у родственника по линии отца – А.П. Ермолова.

Отдельные московские впечатления этих лет отражены в «Тихом Доне». В клинику доктора Снегирева приедет с фронта на лечение Григорий Мелехов.

В связи с тревожной обстановкой, а также возникшими материальными затруднениями в 1915 году родители перевели мальчика в мужскую гимназию тихого провинциального городка Богучара, Воронежской губернии. В период обучения он жил в семье священника Д. Тишанского¹⁵. С домом соединяла мальчика переписка. Ради этого мать выучилась грамоте, чтобы самостоятельно читать письма сына.

Революционные события прервали обучение. Правда, некоторое время Шолохов учился во вновь открытой Вешенской гимназии, но полный гимназический курс ему завершить не удалось: в эти годы Дон явился ареной жестокой классовой борьбы.

В 1918 году, когда на Дон, нарушая условия Брестского мира, пришли немецкие оккупационные войска, семья переехала в хутор Плешаков (здесь отец писателя работал управляющим паровой мельницей), а через год – перебирается в хутор Рубежный. С начала 1920 года – вновь в Каргин.

Детство будущего писателя совпало со временем социальной революции и войн – империалистической и гражданской, на Дону особенно жесто-

ченной, временем коренной ломки старого жизненного уклада, начавшейся задолго до этих грандиозных событий.

Оно прошло в хуторской глуши, удаленной на сотни верст от промышленных центров, в обстановке устного живого слова, овеванное романтикой воспоминаний служилых казаков об их славных походах по военным дорогам Турции, Галиции, Восточной Пруссии; детство между казачьим курением и тихим Доном, коридорами московской, богучарской, вешенской гимназий и бесконечной лазоревой степью, военно-земледельческим укладом крестьянско-казачьей жизни и бытом вольных хуторян, – детство между городом и селом, на стыке мирной и военной жизни. Эта жизнь, полная контрастов и противоречий, явственно показывала значение окружения, в которое погружен человек. Все это готовило и обещало специфическое, шолоховское восприятие мира.

Детские впечатления, повлиявшие на характер художественного мировидения писателя, в известной мере дают материал для отыскания истоков характерных особенностей его будущего творчества. Разве такие черты шолоховского дарования, как, например, познание самого языка степной природы, тонкое чувство красок, вплоть до тончайших, почти неразличимых оттенков и переходов, обостренное внимание к граням времени, преимущественно внешняя изобразительность и высокая степень эстетизации мира – не предвосхищены впечатлениями детства?

«Если биография художника, – проницательно заметил К. Федин, – служит коренным руслом его представлений о мире, – а это действительно так, – то на житейскую долю Шолохова выпало одно из самых глубоких, самых бурных течений, какие знает социальная революция в России».

Нравственное самоопределение Шолохова произошло в годы гражданской войны. В беседе с Ф. Кубкой писатель обронил такое признание: «Поэты рождаются по-разному. Я, например, родился из гражданской войны на Дону».

Шолохов оказался в самом эпицентре событий. Живя на территории белого казачьего правительства (1918–1920), он видел белый стан изнутри. Возможно, это обстоятельство повлияло на выбор ракурса художественного исследования в «Тихом Доне» и обусловило особую трудность в работе над романом.

В марте 1919 года юный Шолохов был очевидцем трагических событий Вешенского восстания, вспыхнувшего в тылу Красной Армии и создавшего реальную угрозу существованию Советской власти на Дону. В этой социальной «коловерти» он видел, как по-разному умирали люди: красные и белые, мужчины и женщины, старики и дети. «Во время гражданской войны был на Дону, – писал он в автобиографии. – С белыми ни разу никто из нашей семьи не отступал, но во время Вешенского восстания был я на территории повстанцев» (Знамя. 1987. № 10. С. 174).

Начиная с 1920 года, «с момента окончательного установления Советской власти на юге России», Шолохов, «будучи пятнадцатилетним подростком», работал «учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения» в хуторе Латышеве (февраль – сентябрь 1920 г.), служащим в станичном ревкоме (с сентября и до конца 1920 г.). «Сумел... изучить изрядное количество профессий», – писал он в автобиографии. Работал «учителем в низшей школе», «продовольственным инспектором». Принимал активное участие в общественной, хозяйственной и культурной жизни станиц Каргинской и Букановской. Это событийная канва, за которой стоит многое.

В своеобразном ритме смены профессий (статистик, учитель, продовольственный инспектор, журналист, служащий, актер драматического народного кружка, а позднее, в Москве, – каменщик, грузчик, счетовод и – писатель) угадывается своя закономерность, отражающая не только ход калейдоскопически меняющегося бытия, но и поиск себя, своей жизненной стези, а также меру причастности Шолохова к миру перестраивающейся на новый лад жизни. Все это можно назвать своеобразными этапами постижения будущим писателем сложнейшей науки народознания.

Думается, у некоторых «исследователей» не возникло бы двусмысленных вопросов о том, где молодой писатель мог почерпнуть столь глубокое знание многих пластов русской простонародной и литературной речи, народного быта, психологии простых казаков, если бы они не пытались предвзято интерпретировать факты шолоховской биографии.

Выросший в казачьей среде, Шолохов не только превосходно знал фольклор, специфику старого жизненного уклада, но и стоял у истоков экономического и культурного созидания сельской нови, видел разные ее фазы,

наблюдал за тем, сколь много неожиданных, непредсказуемых поворотов открывает в себе сама жизнь, как круто она ломает порой человеческие судьбы.

Давление жестоких жизненных обстоятельств Шолохов познал на собственной судьбе.

В годы продразверстки для борьбы с бандитизмом на Дону были сформированы части особого назначения – ЧОНЫ, в которых довелось служить Шолохову. Он писал в автобиографии: «С 1920 года служил и мыкался по донской земле. Долго был продработником. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами. Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетах». Один из таких «переплетов» едва не стоил ему жизни. Осенью 1920 года продармеец Шолохов попал в плен к Махно и лишь по счастливой случайности (во время допроса, который вел сам атаман, за Шолохова заступилась хозяйка хаты) избежал смерти. Махно отпустил юношу, пригрозив в случае повторной встречи виселицей. Отсвет драматических событий этих дней угадывается в повести «Путь-дороженька» (1925), где герой ее, Петька Кремнев, оказался в ситуации, пережитой несколько лет назад самим писателем.

Период службы Шолохова в продовольственных органах – еще одна драматическая страница его биографии.

В мае 1922 года, после окончания краткосрочных курсов продовольственной инспектуры в г. Ростове, Шолохов был направлен в станицу Букановскую, где работал станичным инспектором.

После голодного 1921 года положение со сбором налога в станице Букановской было критическим. Вспомним начало шолоховского рассказа «Продкомиссар».

«В округ приезжал областной продовольственный комиссар.

Говорил, торопясь и дергая выбритыми досиня губами:

– По статистическим данным, с вверенного вам округа необходимо взять сто пятьдесят тысяч пудов хлеба. Вас, товарищ Бодягин, я назначил сюда на должность окружного продкомиссара как энергичного, предприимчивого работника. Надеюсь. Месяц сроку... Трибунал приедет на днях. Хлеб

нужен армии и центру во как... – Ладонью чиркнул по острому щетинистому кадыку и зубы стиснул жестко. – Злостно укрывающих – расстреливать!..

Головой, голо остриженной, кивнул и уехал».

Продовольственные органы требовали собирать налог. Время было напряженное. Сельское хозяйство Верхнего Дона, пережившего страшный голод 1921 года, находилось в трудном положении. В тех исключительных условиях важное значение придавалось разъяснению народу смысла продовольственной кампании. Страна крайне нуждалась в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах.

В Букановской Шолохов оказался лицом к лицу со сложными проблемами крестьянской жизни, решение которых требовало от него не только глубоких знаний, но прежде всего смелости и решительности.

Важную информацию об этом периоде содержит документ – отчет Шолохова о положении со сбором налога в станице Букановской. Сквозь строки документа, написанного кровью сердца, просвечивает глубокое знание хозяйственных нужд казачества, внимание к народному быту, понимание основы взаимоотношений Советской власти с крестьянством в период нэпа. Живой документ эпохи убеждает в том, что писатель изначально принадлежал к разряду тех людей, которых беспокоили вопросы практического созидания сельской нови. Суровая действительность обязывала молодого Шолохова видеть и понимать противоречивость психики и поведения крестьянина в первые годы Советской власти. За цифровыми налоговыми показателями Шолохов разглядел сложные человеческие характеры и судьбы людей, трудно пробивающих свой путь к новой жизни.

Шолохов писал в докладе окружному продовольственному комиссару Шаповалову, что, несмотря на проведенную им разъяснительную работу среди населения, призывы «давать правдивые и точные» сведения о площади посева, хлебробы «чуть ли не поголовно скрыли» истинную цифру засеваемой площади и что все старания пошли насмарку. Пришлось начинать все сначала.

Какие же формы и методы работы использовал семнадцатилетний инспектор Шолохов? Он пишет в докладе: «Путем агитации в одном случае,

путем обмера – в другом, и, наконец, путем... показаний и опроса... местный пролетариат сопоставлялся с более зажиточным классом посеvщиков...»¹⁷

В ходе тщательной проверки поступивших от хлеборобов сведений о размерах посева Шолохов пришел к выводу, что налоговое задание для станицы Букановской значительно завышено и установлено окружными продовольственными органами без учета реального состояния дел.

Характеризуя Букановскую как самую бедную в экономическом и агрономическом отношении по сравнению с другими станицу, Шолохов с болью сердца поведал о человеческой трагедии – голоде, выявив истинную причину того, почему хлеборобы, прикрываясь круговой порукой, давали заведомо неверные сведения о размерах посевной площади. Защищая своих земляков, взывая к справедливости, Шолохов писал в докладе: «Семена на посев никем не получались, а прошлогодний урожай, как это нам известно, был выжженным: песчаные степи. В настоящее время смертность на почве голода по станице и хуторам, особенно пораженных прошлогодним недородом, доходит до колоссальных размеров. Ежедневно умирают десятки людей. Съедены все корни, и единственным предметом питания является трава и древесная кора. Вот та причина, из-за которой задание не сходится с цифрой фактического посева».

Доклад Шолохова о сборе продналога в станице Букановской сыграл важную роль в судьбе его земляков. Это был крик души человека, решительно протестующего против волюнтаризма, грубости и бездушия в аграрной политике. В документе красной нитью проходит мысль о бережном, внимательном отношении к крестьянину-казаку, о необходимости понимания специфики его труда. Позднее она будет выражена в рассказе «О Донпродкоме и злключениях заместителя Донпродкомиссара товарища Птицыиа», сюжет которого генетически восходит ко времени обучения Шолохова на курсах продовольственной инспектуры.

Рассказом «О Донпродкоме...» Шолохов решительно осуждал «партизанские» методы руководства аграрной политикой.

Однако вернемся к истории со сбором продналога в станице Букановской.

Несмотря на чрезвычайность сложившейся обстановки, Шолохов, имея полноту власти, хотя и вел жесткую «линию», все же не прибегал к судебным санкциям, обходился без крайних мер. Между тем тогда не обошлось без драматических моментов. В письме к Левицкой от 22 июля 1929 года Шолохов писал об этой поре так: «Я работал в жесткие годы, 1921–1922 годах, на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; *шибко* я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти...»

Что стоит за словами «шибко комиссарил», «превышение власти»?

Мария Петровна, работавшая в то время под началом Шолохова статистиком, рассказывала автору настоящих строк в апреле 1986 года, что, организовывая тщательную проверку поступавших от хлеборобов сведений, Михаил Александрович не допускал формализма, в отдельных, особых случаях снижал налоговые показатели. Нельзя забывать того факта, что в станице Букановской властями была установлена сильно завышенная цифра продналога.

Действия Шолохова по сбору налога в этих чрезвычайных условиях были истолкованы как попустительство («превышение власти»). Состоялся суд. В горячке семнадцатилетнего подростка приговорили к расстрелу. Два дня он сидел «в темной» под арестом в ожидании исполнения приговора, однако, принимая во внимание его несовершеннолетие, а также историю с явным завышением налога, в которой были прежде всего повинны окружные продовольственные органы, ревтрибунал счел возможным заменить расстрел условным сроком наказания. Об этом факте Шолохов сообщает в обнаруженной нами автобиографии: «В 1922 году был осужден, будучи продкомиссаром, за превышение власти: 1 год условно».

Мария Петровна на мой вопрос, в чем состояло «превышение власти», в сердцах сказала: «Какое там превышение власти! Михаил Александрович пострадал за человечность свою. Ведь налог-то со своих земляков собирал! Старался всех понять, быть справедливым...» Далее она добавила: «Принимая во внимание несовершеннолетие, дали год условно – таково было решение суда».

И вновь, как в плену у Махно, Шолохов оказался перед лицом смерти, не раз по-девичьи засматривавшей ему в глаза. Впоследствии он так рассказывал об этом драматичном эпизоде писателю А. Софронову: «Два дня ждал

смерти... А потом пришли и выпустили... Жить очень хотелось...» (Огонек. 1961. № 10. С. 16).

Вдумаемся, что пережил семнадцатилетний юноша в ожидании приговора? Что в те дни и часы, показавшиеся тогда не одной прожитой жизнью, ему представлялось? Возникает весьма интересная историческая параллель. В 1849 году другой русский писатель, Ф.М. Достоевский, и также в самом начале пути пережил страшное потрясение, во многом предрешившее его духовное развитие, дальнейшую его судьбу. Оно явилось началом перелома в мировоззрении Достоевского, который довершила каторга. Речь идет об ожидании смертного приговора, который лишь в последний момент заменили другим – каторгой. Однако промежуток в десять минут между этими приговорами, показавшийся вечностью, имел решающее значение в судьбе писателя. Из социалиста, члена кружка Буташевича-Петрашевского, Достоевский стал позднее едва ли не самым радикальным оппонентом Чернышевского, звавшего к топору Русь.

Хотя рассматриваемые явления и факты и находятся в разных временных плоскостях и социальных сферах, они таят в себе некоторое типологическое сходство. Соотнесение этих историко-литературных фактов помогает рельефнее высветить характерное, глубже понять судьбоносные моменты в писательских биографиях.

Ю. Бондарев заметил по этому поводу: «Правда – это жестокая красота. Познать ее – значит прикоснуться к вершинам духа. Я уверен, что без тюрьмы, без десяти смертельных минут на семеновском плацу, внезапного помилования и тяжелой каторги был бы другой Достоевский-писатель. Как был бы другой Толстой без севастопольских бастионов. Они еще молодыми стояли на пороге жизни и смерти, перед бездонными глазами небытия. В конце концов действительность рождает писателя. Но потом писатель создает действительность, характеры, красоту, которая становится одухотворенной реальностью».

То, что пришлось пережить Шолохову в годы детства и боевой юности, убеждает нас в подлинной глубине социально-нравственных прозрений, которые видны уже в ранних произведениях писателя.

Драматизм и острота жизненных переживаний в самые молодые и детские годы наложили особый отпечаток на характер художественного мировидения писателя, трагедийного в своей основе.

Пережитое составило основной запас жизненных впечатлений, добытых ценой личного участия в грандиозных событиях. Богатый опыт Шолохова оказался созвучным духу эпохи, отразился в его литературной практике.

На многих произведениях Шолохова лежит отсвет его трагедийной судьбы. Лично-биографическое и региональное (донское), своеобразно преломляясь в его художественном мире, становится важным элементом философско-художественной системы писателя.

*Г.Н. Воронцова,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Музея-заповедника М.А. Шолохова*

Научная биография писателя: мифы и реальность

Показателем уровня изучения жизни и творчества писателя является его научная биография, для которой обязательны научная объективность, строго-документальная подача материала, отказ от субъективных вольностей в анализе и домысла как средства восполнения имеющихся лакун.

Анализ состояния современного шолоховедения дает нам возможность говорить о его готовности или неготовности к созданию такого рода исследования. Я думаю, все мы согласимся с тем, что научная биография писателя еще не написана.

Однако на протяжении двух последних десятилетий была существенно расширена документальная основа изучения жизни и творчества Шолохова. Достаточно назвать введенные в научный оборот рукописи первых двух книг романа «Тихий Дон», ценнейшую переписку писателя с женой Марией Петровной Шолоховой, эпистолярный, связанный с темой «Шолохов и Сталин», а также издание «Шолоховской энциклопедии», мощного свода фактических сведений о писателе и его эпохе. Тем не менее, мы по-прежнему в целом ряде случаев предпочитаем оставаться в плену устоявшихся мифов, в основе которых лежит, как правило, устное предание или априори авторитетное мнение кого-либо из наших предшественников. Тем важнее представляется нам попытка научного осмысления целого ряда вопросов, связанных с вольной или невольной мифологизацией жизненного и творческого пути Михаила Александровича Шолохова.

Отправной точкой данного исследования стало обращение к казалось бы детально разработанной в отечественном литературоведении теме личных и творческих контактов Шолохова и Горького, что потребовало уточнения некоторых сведений, в основном биографического характера.

Тема «Шолохов и Горький» относится к числу наиболее приоритетных в шолоховедении. Редкий исследователь, так или иначе, не коснулся ее в процессе изучения жизни и творчества писателя. Пристальный интерес к содержательным аспектам взаимоотношений двух классиков советской литерату-

ры обусловлен, в том числе, тем, что с именем Горького связана драматическая история публикации третьей, центральной книги «Тихого Дона». Однако, как оказалось, этот сюжет в истории русской литературы 1930-х гг. до сих пор не до конца прояснен. Во всяком случае, в шолоховедении он подернут определенным флером мифа, который плохо согласуется с реальными фактами и событиями.

С историей публикации третьей книги «Тихого Дона» самым непосредственным образом связан факт личного знакомства писателей, которое, по мнению исследователей жизни и творчества Шолохова, произошло в апреле 1931 г. на подмосковной даче Горького в Красково. В основе этой версии лежат строки из письма Шолохова Горькому от 6 июня 1931 г., посвященного судьбе третьей книги романа: «Изболелся я за эти 1 ½ года за свою работу, и рад буду крайне всякому Вашему слову, разрешающему для меня этот проклятый вопрос. В апреле я уехал от Вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать».

Однако фраза «В апреле я уехал от Вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать» в «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» имеет помету составителей: «вероятно в 1929 г.», – за которой, как мы теперь знаем, стоит учет всех обстоятельств жизни Горького конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Действительно, встреча Горького и Шолохова в апреле 1931 г. не могла состояться, и в основном, по двум причинам: во-первых, в апреле 1931 г. Горький все еще был в Италии (в Москву он приедет только 14 мая); и во-вторых, в 1931 г. дачей в Красково писатель уже не пользовался, ее заменила дача в Горках.

Рискнем только предположить, что в начале июня 1931 г. Шолохов запомнил (а у него, как мы знаем, была отличная память), что встречался он с приехавшим из Италии Горьким не в апреле, а во второй половине мая, и не в Красково, а в Горках... Тогда бы у него не было необходимости писать пространное письмо с объяснением своей позиции по Верхне-Донскому восстанию 6 июня из Вёшенской. В тех обстоятельствах главной темой личной встречи с Горьким в 1931 г. неминуемо стал бы вопрос о публикации третьей книги «Тихого Дона».

Не мог Шолохов встретиться с Горьким и в апреле 1930 г., так как в этом году последний вообще не приезжал в Советский Союз. Таким образом, действительно, наиболее убедительным выглядит лишь 1929 год, когда, видимо, и произошло личное знакомство писателей, но, опять же, не в апреле,

так как Горький, в силу специфики своего заболевания, всегда приезжал на родину в середине или в конце мая. Авторы-составители «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» сделали предположение, что встреча и личное знакомство писателей произошли в период с середины июля до середины августа 1929 г., когда большую часть времени Горький проводил на даче в Красково. И эта дата гораздо точнее объясняет дальнейшие события в развитии отношений Горького и Шолохова, в том числе связанные с историей публикации третьей книги «Тихого Дона».

Испытывая неподдельный интерес к личности и творчеству Шолохова со времени публикации первых глав его романа, Горький часто упоминает писателя в своих выступлениях. Так, 7 июля 1928 г. в Курске, беседуя с молодыми поэтами, он говорит об успехах молодой советской литературы: «Талантливых писателей в советской литературе много. Всех не перечислишь. Назову для примера безусловно даровитого Шолохова».

В середине лета 1930 г. Горький пишет Сталину о необходимости привлечения наиболее талантливых писателей к литературной обработке материалов «Истории гражданской войны», называя имя Шолохова в одном ряду с именами А.Н. Толстого, К.А. Федина, А.А. Фадеева, Л.М. Леонова, Вс.В. Иванова, Н.С. Тихонова, О.Д. Форш и др., которые «должны придать "Истории" удобочитаемость, яркость, картинность, эмоциональную заразительность художественного произведения». Всех их Горький знает не только по работам, но и лично. Впоследствии Шолохов войдет, в качестве литературного редактора, в авторский коллектив третьего тома издания.

Познакомившись с молодым писателем летом 1929 г., Горький приглашает его к себе в Сорренто. В конце 1930 г. Шолохов вместе с Василием Кудашевым и Артемом Веселым едет в Берлин, но так и не получив визы в фашистскую Италию, возвращается домой. Остается только констатировать: если бы виза была получена и Шолохов в декабре 1930 г. добрался до виллы «Иль Соррито», разговор с Горьким о судьбе третьей книги «Тихого Дона» мог состояться на полгода раньше.

В первой половине 1931 г., через год после сдачи рукописи, переговоры Шолохова с «Октябрем» окончательно зашли в тупик. Вот почему, как только Горький в середине мая 1931 г. приезжает в Москву, писатель обращается к нему с просьбой прочитать шестую часть романа, которую, без доработки, отказывается печатать журнал «Октябрь», напоминая при этом о встрече в 1929 г. в период активной работы над третьей книгой «Тихого Дона». Слова из письма Шолохова: «...я уехал от Вас из Краскова с большой зарядкой

бодрости и желания работать», – могут свидетельствовать и о том, что Горький два года назад в какой-то мере благословил писателя на работу над очередным томом романа.

Как это следует из принятой в шолоховедении версии развития событий, несмотря на позицию Горького, выраженную в его письме Фадееву, ему не удалось повлиять на редколлегию «Октября», которая требовала коренной переделки произведения. И только обеспеченное Горьким вмешательство Сталина, с которым писатель встретился летом 1931 г., поставило точку в истории публикации третьей книги романа. Как мы хорошо знаем, однако, летом 1931 г. последняя точка в истории публикации третьей книги «Тихого Дона» поставлена не была. И здесь мы сталкиваемся с еще одной не до конца проясненной страницей жизни и творчества Шолохова.

О встрече Шолохова, Сталина и Горького летом 1931 г. известно со слов людей, входивших в ближний круг общения автора «Тихого Дона» в послевоенные годы. Не существует ни одного документа, подтверждающего этот важный факт в творческой истории произведения. Ничего не известно об этой встрече исследователям жизни и творчества Горького, не находит она подтверждения и в документальной литературе о Сталине.

Версии того, где и как проходила встреча, были опубликованы в разное время К.И. Приимой в его книге «С веком наравне», вышедшей первым изданием в Ростовском книжном издательстве в 1981 г., фактически за три года до смерти писателя; и Ф.Г. Бирюковым в статье «Горький – Серафимович – Шолохов (К истории творческих взаимоотношений)» в сборнике «Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы» (М., 2003). Я намеренно оставляю в стороне биографические книги о Шолохове В.О. Осипова, где этот факт также упомянут, но каждый раз в измененном виде.

Как пишут Прийма и Бирюков, о встрече рассказал им сам писатель в одном и том же 1972 г., что само по себе могло бы стать предметом исследования. Совпадающие в главном, их рассказы разнятся в незначительных деталях. Так, например, Прийма пишет, что встреча Шолохова, Сталина и Горького проходила в июне 1931 г. «на даче А.М. Горького под Москвой». Бирюков местом встречи называет дачу Горького в Красково. Как бы там ни было, оба они упоминают о том, что разговор, в основном, вели Шолохов и Сталин (Горький лишь слушал и изредка вставлял реплики), что завершилась встреча достаточно категоричным высказыванием Сталина за публикацию третьей книги «Тихого Дона». При этом обращает на себя внимание излишне

беллетризованное изложение беседы писателя и вождя в книге Приимы, что может быть следствием художественного домысла автора:

«Трудно сказать, какова была бы судьба «Тихого Дона», если бы в июне 1931 года не состоялась встреча Михаила Шолохова с И.В. Сталиным на даче А.М. Горького под Москвой.

30 сентября 1972 года в станице Вешенской Михаил Александрович сказал мне, что значение этой встречи было очень велико <...>

Войдя в гостиную Горького, где сидел Сталин, он сразу понял, что они вели разговор о его романе.

– ...И когда я присел к столу, – рассказывал Шолохов, – Сталин со мною заговорил... Говорил он один, а Горький сидел молча, курил папиросу и жег над пепельницей спички. Вытаскивал из коробки одну за другой и жег – за время беседы набросал полную пепельницу черных стружек <...>

Сталин подымял трубкой, а потом сказал: «А вот некоторым кажется, что третий том "Тихого Дона" доставит много удовольствия белогвардейской эмиграции... Что Вы об этом скажете?» – и как-то уж очень внимательно посмотрел на меня и Горького. Погасив очередную спичку, Алексей Максимович ответил: «Белогвардейцы даже самые положительные факты о нас могут перевернуть и извратить, повернув их против Советской власти». Я ответил Сталину: «Хорошее для белых удовольствие! Я показываю в романе полный разгром белогвардейщины на Дону и Кубани!» Сталин снова помолчал. Потом сказал: «Да, согласен! – и, обращаясь к Горькому, добавил: – Изображение хода событий в третьей книге "Тихого Дона" работает на нас, на революцию!» Горький согласно кивнул: «Да, да...» За всю беседу Сталин ничем не выразил своих эмоций, был ровен, мягок и спокоен. А в заключение твердо сказал: «Третью книгу "Тихого Дона" печатать будем!»

И сейчас вижу, – продолжал вспоминать Михаил Александрович, – это давнее летнее утро, длинный стол в гостиной, на нем – сияющий самовар, стаканы с чаем, Максима Горького, который сидит на торце стола и молча жжёт спички, и Сталина – с дымящейся трубкой...».

Как это следует из дальнейшего развития известных событий, твердая позиция Сталина в этом вопросе вовсе не исчерпала конфликта Шолохова с «Октябрем». В начале декабря 1931 г. автор «Тихого Дона» писал в Москву Е.Г. Левицкой: «Получил от Панферова письмо. 6 ч. (исправл<енная>) не удовлетворила некоторых членов редколлегии "Октября", те решительно за-протестовали против печатания и 6 часть пошла в культпроп ЦК. Час от часу не легче и таким образом 3 года». Пытаясь объяснить этот явный диссонанс,

Г.С. Ермолаев писал: «По всей вероятности, редакция "Октября" не была уведомлена о сталинском решении», – что кажется нам совсем уж невероятным.

Оставляя в стороне вопрос о том, имела ли место в действительности встреча Шолохова, Сталина и Горького летом 1931 г., остановимся лишь на одном из ее аспектов. Видимо, все-таки высказывание Сталина за публикацию третьей книги «Тихого Дона» не было столь категоричным, как об этом пишут Прийма и Бирюков. Скорее вмешательство генсека, также как и письменное обращение Горького к Фадееву, способствовало достижению определенного компромисса между Шолоховым и руководством журнала. Обратим внимание на то, что в письме к Левицкой Шолохов пишет об «исправленной» шестой части, которая, тем не менее, «не удовлетворила некоторых членов редколлегии "Октября"».

Вновь обратиться за помощью к Горькому в декабре 1931 г. Шолохов не имел возможности. Тот 18 октября уехал в Италию и оттуда вряд ли мог повлиять на ситуацию с публикацией романа. Однако в конце 1931 г. Шолохов мог обратиться к Сталину и напрямую во время встречи, которая в соответствии с записью в регистрационном журнале состоялась 28 декабря 1931 г. в кабинете вождя в Кремле. Последние десять минут она проходила в присутствии К.Е. Ворошилова, в то время наркома по военным и морским делам, а в годы Гражданской войны заместителя командующего и члена Военного совета Южного фронта. В какой-то степени это может указывать на то, что одной из тем разговора писателя и вождя стала судьба третьей книги «Тихого Дона», где речь идет о событии, сквавшем наступление красных в 1919 г. на Южном фронте.

На этот раз вмешательство Сталина было, видимо, более адресным. 17 февраля 1932 г. вышел из печати первый номер журнала «Октябрь» с опубликованными там очередными главами третьей книги «Тихого Дона».

Приведенные выше сведения, конечно, не исчерпывают всей проблемы, обозначенной в названии статьи, но они указывают на то обширное поле деятельности, без освоения которого дальнейшее движение вперед отечественного шолоховедения представляется нам затруднительным. Значение расширения документальной основы изучения жизни и творчества Шолохова переоценить невозможно, особенно учитывая тот патологический интерес к личности писателя со стороны определенных групп исследователей, позиции которых, надо отдать должное, в последнее время сильно пошатнулись. И свя-

зано это, в первую очередь, с введением в научный оборот обширного массива документальных материалов.

Давыдова О.А.,
кандидат филологических наук

Военная служба – главное дело мужчины-казака

Михаил Александрович Шолохов открыл всему миру, в том числе и русскому читателю, особый мир – мир донских казаков. Кто же такие русские казаки? Это представители особого (военного) сословия, основным занятием которых была военная служба. Энциклопедические познания о казаках приведены в основной дефиниции слова *казак*: 'В до-революционной России с XVIII в. - представитель военного сословия – уроженец войсковых областей (области Войска Донского, Кубанской, Терской, Оренбургской и др.), обязанный нести службу в особых войсковых частях за льготное пользование землей' (ССРЛЯ, 5: 653). К началу XX века казак служил 18 лет (когда-то служба казака была пожизненной, потом составляла 25, 20) лет. Конечно, не весь этот большой срок казак находился в действующей армии, или, как говорили казаки, на действительной службе. Там казаки были только четыре года, четыре года *ломали службу*, (казачий фразеологизм *ломать службу (службицу)* 'Служить в армии' (БТСДК, 267), активно использует Шолохов: *От Григория Аксинья нечасто получала коротенькие письма, извещавшие о том, что он пока жив-де и здоров, службу ломает*. Тих.Дон, 3, XIX (Здесь и далее все цитаты даны по следующему изданию: Шолохов М.А. Собр. Соч. В 8-ми т. М., 1985. После цитаты указано название произведения, арабскими цифрами часть, римскими глава романов); *Григорий, давным-давно не видевший Мишки Кошевого, подошел к нему. – Здорово, полчок* (одна из многочисленных «военных» лексем в говоре казаков: *полчок, полчан, односум* 'Сослуживец по полку' БТСДК: 398)! – *Слава богу. – Где пропал? Под каким знаменем службицу ломал? – Григорий улыбнулся, сжимая руку Мишки, засматривая в голубые его глаза*. Тих.Дон, 6, XVIII).

Когда казак отслужил *действительную*, «отломал службицу», он становился на четыре года *второочередником*: жил уже дома, но раз в год проходил «переподготовку» на общих сборах в лагерях, *второочередник* должен был иметь строевого коня, обмундирование и исправное холодное оружие, через четыре года казак становился *третьеочередником*, мог уже не проходить обязательных лагерных сборов, но должен был выступить в поход в случае объявления мобилизации, затем еще пять лет казак числился в запасе и его также могли призвать на службу при необходимости, и только затем казак считался отслужившим и его могли призвать только в составе ополчения. В шолоховских текстах есть многочисленные упоминания о казаках разного вида службы: когда читатель знакомится с семьей Мелеховых, то Петро уже отслужил действительную службу и является казаком-второочередником, как и Степан Астахов: *До хутора Сетракова – места лагерного сбора – шестьдесят верст. Петро Мелехов и Астахов Степан ехали на одной бричке. С ними еще трое казаков-хуторян: Федот Бодовсков – молодой калмыковатый и рябой казак, второочередник лейб-гвардии Атаманского полка Хрисанф Токин, по прозвищу Христоня, и батареец* (обычно казаки служили в кавалерии, но были среди казаков и артиллеристы (*батареицы*), которые проходили лагерные сборы в другом месте. – О.Д.) *Томилин Иван, направившийся в Персиановку. Тих.Дон, 1, V.*

Особенностью казачьей службы было и то, что первый год после принятия присяги казаки жили еще дома и готовились к действительной службе. В «Тихом Доне» писатель, в деталях описывая принятие присяги Григорием и его одноклассниками, приводит заключительную речь урядника, в которой тот говорит, что предстоит сделать молодым казакам за год до ухода на действительную службу, в том числе и о двух важнейших составляющих будущего призыва – семья казака должна была купить строевого коня, к которому предъявлялись особые требования (такие кони были очень дорогими), и все положенное казаку обмундирование, или, по-казачьи, *справу*: *Урядник <> начал речь: - Теперя вы уже не ребята, а казаки. Присягнули и должны знать за собой, что и к чему. Теперича вы произросли в казаков, и должны вы честь свою соблюдать, отцов-матерей слушать и все такое прочее. Были ребятами – дурковали, небось, на дорогу чурбаки тягали, а после этого должны подумать о дальнейшей службе. Вот через год идтить вам в действительную. <> И должен ваш отец-мать подумакивать об справе. Чтоб коня строевого приобрести, ну и вообще... А теперича с богом, молодцы, по домам!* Тих.Дон, 2, X. Приобрести необходимые коня и справу было очень

обременительно для семьи казака. Внимательный читатель «Тихого Дона», помнит, что, когда Григорий сбежал из дома с Аксиньей в Ягодное (имени Листницких), его жизнь с любимой отравлял вопрос, где достать деньги, чтобы уйти на службу, как полагается казаку: *Одно беспокоило его – предстоящая служба. Не было ни коня, ни sprawy, а на отца плоха была надежда. Получая за себя и за Аксинью жалованье, Григорий скупился, отказывая себе даже в табаке, надеялся на сколоченные деньги, не кланяясь отцу, купить коня. Обещался и пан помочь.* Тих.Дон, 2, XX. Худшие предположения Григория подтвердил приехавший проведать его брат: *Предположения Григория, что отец ничего не даст, вскоре подтвердились. В конце июня приехал Петро проведать брата, в разговоре упомянул, что отец гневается на него по-прежнему и как-то заявил, что не будет справлять строевого коня: пусть, дескать, идет с местную команду (служба в местной команде считалась позором для казака, там служили больные и неимущие. – О.Д.).* Тих.Дон, 2, XX. Григорий решил сделать все, чтобы уйти в армию, как должно казаку: - *Ну, это он (отец. – О.Д.) пуцай не балуется. Пойду на службу на своем, - Григорий подчеркнул это слово, - коне. – Откель возьмешь? Выпляшешь? – пожевывая ус, улыбнулся Петро. – Не выпляшу, так выпрошу, а то и украду. – Молодец! – На жалование куплю, - уже серьезно пояснил Григорий.* Тих.Дон, 2, XX. К счастью для Григория, все закончилось хорошо. Пантелей Прокофьевич сменил гнев на милость и привез сыну необходимое обмундирование: *Пантелей Прокофьевич сунул Григорию мерзлую руку, сел на край лавки. <...> - Собираешься на службу? – А то как же? <...> - там привез тебе справу: два шинеля, седло, шаровары. Возьми...* Тих.Дон, 2, XXI – и даже, когда строгий ветеринар забраковал купленного на жалованье коня, отец привел из дома строевого коня Петра.

У неимущих казаков была одна возможность уйти на действительную службу в кавалерию, как и подобало казаку, коня и справу им приобретало станичное общество, а за это пай земли, который бесплатно давался в пользование каждому казаку, забирали из семьи и сдавали в аренду. Так ушел служить росший без отца Андрей Разметнов, герой «Поднятой целины»: *Андрея Размётнова провожали на действительную военную службу в 1913 году. По тогдашним порядкам должен он был идти в строй на своем коне. Но не только коня, - и полагающееся казаку обмундирование не на что было ему купить. От покойного отца осталась в наследство одна дедовская шашка в отерханных, утративших лоск ножнах. Век не забыть Андрею горького унижения! На станичном сборе старики решили отправить его на службу*

за счет войска: купили ему дешевого рыженького конька, седло, две шинели, двое шаровар, сапоги... «На общественные средства справляем тебя, Андрюшка, гляди, не забудь нашу милость, не страми станицы, служи царю справно...» - говорили старики Андрею. Подн. цел, 1, V.

Хотя строгий урядник в речи на принятии присяги детство казаков характеризует как несерьезную игру («дурковали»), но на самом деле подготовка к службе у казачат начиналась задолго до принятия присяги.

Воспитание воина начиналось буквально с рождения мальчика. Этнографы свидетельствуют, что родившемуся мальчику «на зубок» клали стрелу (потом пулю к ружью), а ручкой давали потрогать лук или ружье. Сорокадневному казачонку прицепляли шашку сбоку, и отец возвращал его матери со словами: «Вот тебе казак». До 7 лет казаченок обычно воспитывался матерью, но воинские ритуалы сопровождали его и в это время. Обычно в год мальчика первый раз стригли (делала это крестная), и волосы эти всю жизнь хранились за именной иконой. Подстриженного казачонка передавали мужчинам, и те первый раз сажали его на неоседланного коня, внимательно наблюдая за действиями будущего воина, стараясь по ним определить дальнейшую судьбу казака. Именно по тому, что маленький Гришка смело ухватился за гриву коня, отец понял, что из него выйдет хороший воин. В романе «Тихий Дон» Пантелей Прокофьевич, гордящийся сыном, первым в хуторе Георгиевским кавалером, вспоминает этот эпизод из детства: *- Я знал, Гришка, - подвыпив, на прощанье говорил Пантелей Прокофьевич и, волнуясь, гладил серебряные с чернью волосы, - знал давно, что из тебя добрый казак выйдет. Год от рождения тебе сравнялся, и по давнишнему казачьему обычаю вынес я тебя на баз – помнишь старуха? – и посадил верхом на коня. А ты, сукин сын, цап его за гриву ручонками!.. Тогда ишо смекнул я, что должен из тебя толк выйтить. И вышел.* Тих.Дон, 4, IV. Но еще раньше в рассказе «Родинка» (первом из опубликованных «Донских рассказов») герой рассказа Николка Кошевой вспоминает такой же эпизод из своего детства: *Казак Николкин отец, а по отцу и он – казак. Помнит, будто в полусне, когда ему было лет пять-шесть, сажал его отец на коня своего служивского. – За гриву держись, сынок! – кричал он, а мать из дверей стряпки, улыбалась Николке, бледнея, и глазами широко раскрытыми глядела на ножонки, окарачившие острую хребтину коня, и на отца, державшего повод.* Родинка, I.

Чуть подросшие казачата весь день на улице, играют в подвижные игры: *По хутору Сетракову рассасывалась предвечерняя прохлада. <> С выгона, перебрехиваясь новостешками, погоняя коров хворостинами, или казач-*

ки. По проулкам босые и уже загоревшие казачата козлоковали ('Прыгать при игре в чехарду' БТСДК: 223) в чехарде. Старики степенно сидели на завалинках. Тих.Дон, 5, XXI. На одну из традиционных казачьих игр дзигу, или кубарь, намекает урядник в уже приведенной речи на принятии присяги «на дорогу чурбаки тягали». Суть игры состояла в том, что специально изготовленную игрушку, похожую на шпульку от ниток, подхлестывали кнутами. Стараясь не уронить кубарь, его гоняли по маршруту, гоняли наперегонки и т.п. Эта старинная пастушья игра не только развивала глазомер, ловкость, но и обучала владению кнутом и боевому владению нагайкой.

Казачата постоянно на улице, наблюдают за жизнью хутора. С детства осознавали мальчишки, что они казаки, а казак – всегда отличный наездник, поэтому, когда видели человека, неловко держащегося в седле, откровенно и даже зло смеялись над ним, над его неловкой посадкой: *Сидел он* (Гетько. – О.Д.) *на лошади присущей неказакам неловкой посадкой, болтал на рыси рваными локтями и, провожаемый назойливыми криками игравших на прогулке казачат, ехал шибкой рысью. – Хохол!.. Хохол!.. – Хохол-мазница! – Упадешь!..* Тих.Дон, 2, XVIII. Обучение обращению с конем и верховой езде начиналось с раннего детства: лет с трех – пяти (после праздника первых штанов, когда старший в роду мужчина дарил мальчику шаровары). В десять лет казачонок уже ловкий наездник: *Около плотины, держа в поводу оседланную лошадь, стоял десятилетний мальчишка Обнизов. <> Приподнимаясь на цыпочки, мальчишка взнуздал лошадь, взял в руки прядку гривы и с дьявольской ловкостью вскочил на седло. От пруда он поехал – как рассудительный хозяин – шагом, но спустя немного оглянулся на Аксинью и поскакал так, что на спине его пузырем вздулась выцветшая голубенькая рубашонка.* Тих.Дон, 8, I. К семнадцати годам Григорий Мелехов стал отличным наездником, выигрывавшим состязания не только в скачках, то и в джигитовке: *Мирону Григорьевичу в душе Гришка нравился за казацкую удаль, за любовь к хозяйству и работе. Старик выделил его из толпы станичных парней еще тогда, когда на скачках Гришка за джигитовку снял первый приз.* Тих.Дон, 1, VIII. Рисует нам писатель и скачки молодых парней, на которых Митька Коршунов на своем резвом жеребце обскакал сотника Листницкого, ехавшего на племенной кобыле (Тих.Дон, 1, VIII). Писатель показывает нам, как Григорий приучает к обращению с конем подростка сына: *Утром он посадил верхом на коня своего подростка Мишатку, приказал съездить к Дону и напоить.* Тих.Дон, 6, XLVI.

Стрелять казачонка начинали учить лет с семи, а рубить шашкой – с десяти. Важно было правильно поставить руку, для этого тонкой струйкой лили воду, клинок должен был входить в воду так, чтобы не было брызг. Потом учили «рубить лозу», сидя на бревне, а лишь потом уже рубить лозу с коня. М.А.Шолохов показывает, как, тоскуя по Аксинье, Григорий «без причины злобствовал, рвал зло на Дуняшке, на матери, а чаще всего брал шашку, уходил на задний баз и, омываясь потом, двигая желваками скул, рубил понатыканные в землю толстые хворостины. За неделю нарубил ворох. Пантелей Прокофьевич ругался, сверкал серьгой и желтыми белками глаз. – Нарубил, дьявол паршивый, на два плетня хватило бы! Ишь чжигит нашелся, мать твоя курица. Вон в хворост поезжай и чжигитуй... Погоди, парень, пойдешь на службу, там нарубись!.. Там вашего брата скоро объезжают... Тих.Дон, 1, XX. Видевшие с детства холодное оружие (в казачьем доме шашка часто висела на стене), казаки владели им, многие обладали совершенно особыми ударами. Григория уже в армии старший сослуживец Чубатый научил особому удару: *А баклановский удар знаешь? Гляди! Чубатый выбрал росшую в палисаднике престарелую березку, пошел прямо на нее, сутулясь, целясь глазами. Его длинные, жилистые, непомерно широкие в кисти руки висели неподвижно. – Гляди! Он медленно заносил шашку и, приседая, вдруг со страшной силой кинул косой взмах. Березка, срезанная на два аршина от корня, падала, цепляя ветвями рамы окон, царапая стену дома. – Видал? Учись. Бакланов-атаман был, слышал? Шашка у него была – на стоке кровь залитая, поднимать тяжело ее, а рубанет – коня пополам. Вот! Григорий долго не мог усвоить сложной техники удара. – Сильный ты, а рубить – дурак. Вот как надо, - учил Чубатый, и шашка его в косом полете разила цель с чудовищной силой.* Тих.Дон, 3, XII. Григорий полностью овладел техникой этого удара, знал он и многие другие хитрости, помогавшие казаку в бою: *Со времени, когда Чубатый учил Григория рубке, «баклановскому» удару, ушло много воды. За два года войны Григорий «наломал» руку. Шашкой владеть – не за плугом ходить. Многое постиг он в технике рубки. Никогда не продевал кисти в темляк: чтобы легче было кинуть шашку из руки в руку в короткий, неуловимый миг. Знал он, что при сильном ударе, если неправильный будет у шашки крен, вырвет ее из руки. А то и кисть вывихнет. Знал прием, очень немногим дающийся, как еле заметным движением выбить у врага оружие или коротким, несильным прикосновением парализовать руку. Многое знал Григорий из той науки, что учит умерщвлять людей холодным оружием.* Тих.Дон, 6, XXXVII.

Многим премудростям военной жизни молодые казаки обучались в лагерях, куда они попадали после принятия присяги и где их старшие братья и друзья (казаки-второочередники) поддерживали свои военные навыки: *Лагерь зажили обычной для мая месяца, ежегодно однообразной жизнью. По утрам команда казаков, караулившая на попасе лошадей, пригоняла их к лагерям. Начинались чистка, седловка, перекличка, построения. Зычно покрикивал заведующий лагерями штаб-офицер, шумоватый войсковой старшина Попов, горланили, муштруя молодых казаков, обучавшие их урядники. За бугром сходились в атаках, хитро окружали и обходили «противника». Стреляли по мишени из дробовиц. Казаки помоложе охотно состязались в рубке, постарше – отвиливали от занятий.* Тих.Дон, 1, XI.

Владели молодые казаки и приемами рукопашного боя, ему начинали учить с трех лет, передавая особые приемы, которые были в каждой семье. Применить изученные хитрые приемы молодые могли на традиционном развлечении – кулачных боях, особенно славились бои стенка на стенку на масленицу. Лучших бойцов знал весь хутор. Одним из них был Алексей Шамиль, у которого не было левой руки: *Хоть и безрукий, а первый в хуторе кулачник. И кулак не особенно чтоб особенный – так с тыкву-травянку величиной; а случилось как-то на пахоте на быка осерчать, кнут затерялся, стукнул кулаком – лег бык на борозде, из ушей кровь, насилиу отлежался.* Тих.Дон, 1, II. Бились по-настоящему: *На масленице в кулачной стенке не пожалел Алешка Шамиль молодых Митькиных зубов, махнул наотмашь, и выплюнул Митька на сизый, изодраный коваными каблуками лед два коренных зуба.* Тих.Дон, 1, II. О кулачном бое женатых казаков с неженатыми вспоминает и Степан Астахов, когда пожалел сосед молодого парнишку: *- Жалкую я об одном, парень... дюже жалкую... Помнишь, в позапрошлом годе дрались мы в стенках? <> Холостые с женатыми дрались, помнишь? Помнишь, как я за тобой гнал? Жидковат ты был, куга зеленая супротив меня. Я пожалел тебя, а ежели б вдарил на бегу – надвое пересек бы! Ты бег шибко, напружинился весь: ежели б вдарить с потягом по боку, - не жил бы ты на свете!* Тих.Дон, 2, XIX. Лучших кулачников называли биток по кулачкам: *Казак попался добродушный, молодой; служба, видно, не замордовала еще. Ответил, что он из станицы Усть-Хоперской и биток по кулачкам.* Тих.Дон, 3, XI. Позже, в романе «Поднятая целина» М.А.Шолохов еще раз расскажет, как тяжел удар кулака казака: *Но наши донские и кубанские трошки приобыкли в чужих краях и начали им (иностранцам. – О.Д.) подвешивать! <>*

По-русски даст наш биток какому-нибудь англичанину, а он с ног – копырь, и лежит за голову держится, тяжело вздыхает. Подн. цел., 1, XXVII.

Обучение военному мастерству продолжалось на действительной службе. В казачьих войсках существовала дедовщина, старые казаки имели власть над молодыми, что поощрялось командирами: *Крючков был «старый» казак, то есть дослуживавший последний год действительной, и по неписанным законам полка имел право, как и всякий «старый» казак, гонять молодых, вымуштровывать, за всякую пустяковину ввалить пряжек. Было установлено так: провинившемуся казаку призыва 1913 года – тринадцать пряжек, 1914 года – четырнадцать. Вахмистры и офицеры поощряли такой порядок, считая, что этим внедряется в казака понятие о почитании старших не только по чину, но и по возрасту. Тих.Дон,3, VII* Во время гражданской войны и верхнедонского восстания (о котором повествует 3-я книга «Тихого Дона»), когда казаки не служили на действительной, шефство над ними брали более опытные, побывавшие на войне фронтовые казаки: *Молодые, лет по шестнадцати-семнадцати парнишки, только что призванные в повстанческие ряды, шагают по теплему песку, скинув сапоги и чиричонки. <> Им война в диковинку, вроде ребячьей игры. Они в первые дни и к посвисту пуль прислушиваются, подымая голову от сырого бугорка земли, прикрывающего окопчик. «Куга зеленая!» - пренебрежительно зовут их фронтовые казаки, обучая на практике, как рыть окопы, как стрелять, как носить на походе служивское имущество, как выбрать прикрытие получше и даже мастерству выпаривать на огне вшей и обворачивать ноги портянками так, чтобы нога устала не слышала и «гуляла» в обувке, учат несмысленный молодежь. Тих.Дон, 6, XLVI.*

В приведенном тексте и в тексте о кулачных боях встретился один из донских фразеологизмов, имеющий значение «молодой, неопытный человек, в том числе и неопытный воин»: *куга зеленая*. В прямом значении *куга* 'Камыш озерный' (БТСДК: 247). На базе фразеологизма возникли слова, аккумулирующие значение ФЕ: *кугарь*: *Григорий услышал доносившуюся из соседнего двора песню. Пели, судя по ребячески чистым, хорошим голосам, молодые казаки: - Служивого, должно, провожают, - сказал Прохор. <> Григорий согласился пойти взглянуть, как провожают «кугаря».* Тих.Дон, 7, XIX и *кужонок*: *И до тех пор «кужонок» смотрит на окружающий его мир войны изумленным, птичьим взглядом, до тех пор подыкает голову и высматривает из окопчика, сгорая от любопытства, пытаясь рассмотреть «красных», пока не щелкнет его красноармейская пуля.* Тих.Дон, 6, XLVI. Иссле-

дователь донского казачьего диалекта А.В. Миртов писал об этом слове: так в насмешку называют в полках вновь прибывших молодых казаков (Мирт.: 158). ФЕ *куга зеленая*, слова *кугарь* и *кужонок* были любимы М.А. Шолоховым, их он употреблял и в первом из опубликованных «Донских рассказов»: - *Мальчишка ведь, пацаненок, **куга зеленая**, - говорят шутя в эскадроне* (о Николке Кошевом. – О.Д.), - *а подыщи другого, кто бы сумел почти без урона ликвидировать две банды и полгода водить эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира. Родинка, I и неоднократно в «Тихом Доне» и в «Поднятой целине»: Макар раздул побелевшие ноздри, в мутных глазах его плеснулось бешенство: - Ты (Найденков. – О.Д.), **кужённок**, молодой меня учить и заметки мне делать! У тебя ишо пупок не просох, а я уже бился в то время за Советскую власть и в партии состоял... Так-то! Подн. цел, 1, XXVIII.*

Постоянное обучение военному ремеслу не проходило даром. В запоминающемся эпизоде, в котором Григорий спасает Степана Астахова, когда под ним убили лошадь, а потом и уступает ему свое место в седле, когда Степана ранили в ногу и он уже не мог бежать, держась за стремя, есть немаловажная деталь: казаков немцы в плен не брали: *Степан, хромая, подбежал к кусту, швырнул в него казачью фуражку, сем, торопливо стягивая алевшие лампасами шаровары. Из-под бугра перебежали звенья немецкой пехоты, и Григорий понял: хочет Степан жить, - для того рвет с себя казачьи шаровары, чтобы сойти за солдата: **казаков не брали тогда немцы в плен...*** Тих.Дон, 4, IV. Казаки были отличными воинами, что признавали не только противники, но и союзники: *Мистер Кэмпбелл говорит, что очень уважает казаков, что, по его мнению, они **отличные кавалеристы и воины.*** Тих.Дон, 7, XIX.

Как храбрые воины, казаки с уважением относятся к боевым наградам, а отцы гордятся сыновьями, заслужившими такие медали и ордена: *Он (Григорий. – Ред.) вспомнил те недели, которые провел на хуторе Татарском, <...> почет, с каким встречали хуторные первого георгиевского кавалера. Григорий всюду, даже в семье, ловил боковые, изумленно-почтительные взгляды. <...> С ним, как с равным, беседовали на майдане старики, при встрече на его поклон снимали шапки, девки и бабы с нескрываемым восхищением разглядывали бравую, чуть сутуловатую фигуру в шинели с приколотым на полосатой ленточке крестом. Он видел, что Пантелей Прокофьевич явно гордился им, шагая рядом в церковь или на плац. Тих. Дон, 4, IV.*

Михаил Александрович Шолохов, знакомя читателей с самобытной жизнью донских казаков, рассказывает нам и о мире детства, важное место в котором, наряду с учебой в школе (о том, что казачата учатся, свидетельствует, в частности, эпизод, когда Митька Коршунов, отговаривая сестру от замужества, говорит, что он Григория хорошо знает, так как они учились вместе: - *Я-то подюжей знаю. В школу вместе ходили.* Тих.Дон, 1, XIX; Наталья, Аксинья и Дуняшка пишут и читают письма), занимала подготовка к военной службе, которая вместе с земледелием была основным делом жизни русских казаков. Подготовка смелого воина велась разными способами в течение детства и юности. Писатель рисует нам некоторые из казачьих традиций и обычаев, связанных с ней.

Мир и человек в огне гражданской войны. Михаил Шолохов «Донские рассказы»

Имя Михаила Шолохова неразрывно связано с историей русской литературы XX века, которую принято называть советской. Книги писателя – это история нашего народа на разных этапах его исторического пути, книга, отразившая в художественных образах узловые моменты нашей истории, боль о человеке, поставленном перед трудным этическим выбором условиями меняющейся действительности и сдвига нравственных ценностей.

Произведения М. Шолохова уподобляются гигантским фрескам, а роман «Тихий Дон» по силе художественного обобщения становится в один ряд с «Войной и миром» Л.Н. Толстого. «Шолохов не знает себе равных в русской литературе. В искусстве XX века он взмыл как Василий Блаженный, и мир ахнул от восторга и изумления. Писательская карьера Шолохова ошеломляющая, фантастична...» - писал Федор Абрамов.

Весь мир знает Шолохова как лауреата Нобелевской премии, а также других зарубежных и советских премий и почетных званий. Однако жизнь его прошла не в столице, а в небольшой казачьей станице Вёшенской, на берегу тихого Дона. Неиссякаемый источник творчества М. Шолохова – жизнь, и писатель знает ее не хуже любого краеведа, диалектолога, этнографа, фольклориста.

В 1925 г. в издательстве “Новая Москва” вышли “Донские рассказы” М.А. Шолохова. Несмотря на то что их автору был всего 21 год, за его плечами стояли потрясения гражданской войны, перечеркнувшие детство казака Миши Шолохова.

(Казачество - с XVI в на окраинах Русского государства - на Дону, Волге, Тереке, Яике (Урал) - стал складываться особый слой русского общества - казачество (от тюркского "казак" - "вольный человек", "удалец"), живущий по своим законам. Происхождение казачества до сих пор не выяснено. Наиболее распространенной является точка зрения, что казаками становились беглые из центральных районов России, Украины. Казаки создавали самоуправляющиеся общины - казацкую вольницу с выборным старшиной. С XVII в. пра-

вительства России, Речи Посполитой стали привлекать казачество для несения пограничной службы, взяв их на казенное содержание. В России в XVIII - XIX вв. казачество - привилегированное сословие, не знавшее крепостной зависимости, жившее ценностями крестьянского труда, любви к родной земле и патриархальными семейными ценностями. Долгом каждого казака была обязательная военная служба, возведенная в ранг привилегии. Правительство стремилось использовать казаков для охраны границ, в войнах и т. д. и в XVIII в. подчинило его, превратив в военное сословие. В начале XX в. существовало 11 казачьих войск. В I мировую войну казаки выставили около 300 тыс. человек. В 1920 г. казачество как сословие упразднено, но в 1936 г. были созданы донские, кубанские, терские кавалерийские казачьи соединения, участвовавшие в Великой Отечественной войне. Сегодня казачество в России возрождается. (Исторический словарь)).

В трудное время революции и гражданской войны белые и красные волны захлестывали Донщину, и ужасы военных будней передавались из уст в уста.

Будущий писатель не только жадно вслушивался в рассказы бывалых казаков, он ходил смотреть на возвращавшихся с фронта, видел исхудалые и обескровленные лица раненых бойцов, читал газеты. Обстановка на Дону постоянно менялась, усложнялась, Шолохов служил статистиком по переписи населения, учителем школы ликвидации безграмотности, делопроизводителем в заготконторе, вступив в продотряд, стал продкоммисаром. Обязанности заставляли ездить по станицам, по хуторам, выступать на собраниях, агитировать казаков помочь голодным городам. “Приходилось бывать в разных переплетах”, - позже писал он в автобиографии.

Тема интервенции и гражданской войны, как и тема революции, была одной из центральных для советской литературы 20-х гг. XX века, все жанры которой отзывались на трагедию России начала XX века. Одним из наиболее лаконичных, мобильных и поэтому распространенных прозаических жанров является рассказ, к такому способу изображения действительности и обратился М.Шолохов, продолжая намеченную в 20-е гг. XX века традицию изображения гражданской войны как человеческой трагедии.

Материал художественной действительности найден писателем в родных донских степях. Его герои – донские казаки. Точность деталей, речевые характеристики, психологические особенности, общее мироощущение рождается именно вследствие детального знания автором того, о чем он пишет. В

цикле «Донские рассказы» стиль М. Шолохова приобретает то своеобразие интонаций, которое отличает его позднюю прозу: это обилие колоритных казачьих словечек и их точное сочетание с общей стилистикой текста. Мера «чужеродного», местного очень точна: с одной стороны, автор достигает максимальной выразительности, с другой, не нарушает общего впечатления литературности.

Ранняя проза Шолохова отличается жесткостью интонаций: накал классовой борьбы в изображении писателя достигает максимума. Сын идет против отца, брат против брата, граница классовой ненависти проходит через человеческие сердца.

Смерти, убийства, картины жесточайших мук переполняют тексты, вражда не знает пощады, но это только на первый взгляд. Глубинное содержание текстов цикла гуманистическое. Знающие, казалось бы, только одну, классовую, правду герои М. Шолохова в экстремальной ситуации оказываются способными на глубокие чувства.

В изображении М. Шолохова именно простые казаки способны на сохранении в себе человеческого начала, несмотря на жестокость исторической ситуации, в которой они вынуждены существовать.

Их моральные ориентиры – ориентиры, выработанные вековым народным укладом, а ценности гуманизма – традиционные ценности русского национального характера. Обратимся к содержанию «Донских рассказов» писателя. ” («Родинка» 1924 г., «Шибалково семя» 1925 г., «Чужая кровь» 1926 г.)

Цикл рассказов - традиционное для русской классики литературоведческое понятие – это объединение нескольких художественных произведений, *каждое из которых имеет самостоятельное значение*, в единое целое жанровым, тематическим или содержательным замыслом; одним рассказчиком, исторической эпохой, местом действия. В мировой литературе циклы обнаруживают себя на всем протяжении ее развития («Повести Белкина» А.С. Пушкина, «Записки охотника» И.С. Тургенева, «Конармия» И. Бабеля). Циклом является и книга М.Шолохова «Донские рассказы».

Каждое из произведений углубляет представление читателя о человеке в огне гражданской войны. Так, в рассказе «Родинка» интересным для анализа является наличие двух сюжетов: истории Николки Кошевого и истории атамана белой банды. Но есть и другое видение сюжетного содержания рас-

сказа : жизнь героев в настоящем и воспоминания Николки о детстве, о мирной жизни и повествование о чудной, непонятной боли, что точит атамана. Это не только повествование о событиях, происходящих на Дону, но и трагедия человека. Николка Кошевой в свои 18 лет едва умеет читать и писать, мучительно страдает, каждый раз отправляясь на новое задание, мечтает о мирной жизни, о работе на земле.

Не менее трагично и душевное состояние атамана. Оторванный от родной земли и привычного образа жизни Первой мировой войной, в течение семи лет скитавшийся по свету, он и рад бы сменить винтовку на плуг, но нет места ему на родной земле, вот и приходится заливать самогоном душевную боль и отнимать зерно у казаков. Драматизм ситуации усугубляется еще и тем, что классовая борьба размежевала не только Дон, но и казачьи семьи: отец и сын в последнем бою оказываются воюющими друг против друга.

Особенный трагизм достигается в финале рассказа, когда убийство врага, оправданное ситуацией войны, осознается героем как детоубийство, грех, которому нет оправдания, которое можно искупить только смертью. Раскаяние атамана оказывается сильнее классовой ненависти, и атаман, узнав сына, сраженного рукой отца, выстрелил себе в рот.

М. Шолохов фиксирует трагическую вину героя и ее не менее трагическое искупление. Катарсис (*душевное состояние, вызванное произведением искусства, которое, как указывает само слово, очищает душу от ее страстей. Так, согласно Аристотелю, зритель, наблюдающий за трагедией, выплескивает наружу свои или преступные наклонности, скрытые в каждом человеке, видя, как их изображают перед ним*) – в добровольно избранной смерти. Велик грех детоубийства, но непомерно страшно и искупление.

Для произведения «Шибалково семя» М.Шолохов выбрал форму сказа: - весь рассказ от первого до последнего слова — это монолог главного героя Якова Шибалка, обращённый к заведующей детским приютом. Такая организация текста позволяет читателю выйти на новый уровень восприятия материала, с помощью приближения героя к читателю углубляется мера искренности повествования, тема человека, попавшего в череду испытаний, развивается, проблематика рассказа усугубляет трагический разлом жизни.

Герой произведения отдаёт в приют на воспитание своего годовалого сына и рассказывает историю своей любви и рождения ребёнка. Таким образом, композиционно произведение построено как рассказ в рассказе: слова,

обращённые к заведующей, как бы обрамляют историю любви — смысловой центр произведения.

Яков Шибалок немногословен, как и положено казаку. Излагая свою историю, он говорит только самое главное, опуская детали и подробности, лаконизм и точность речи — основная художественная ценность рассказа. Герой — человек добрый и доверчивый: ведь это он «поимел жалость» к Дарье, так как поверил в её выдумку (бандиты «снасильничали» и бросили), он первый предложил товарищам зачислить пострадавшую от банды женщину в сотню. Шибалок общался с Дарьей в течение года, пока она находилась при сотне, но из деликатности не выспрашивал о её прошлом. Дарья до конца рассказа остаётся загадочной личностью, читатель так и не узнает её историю.

Бойкая казачка и без этого полюбила Шибалку, и он, ради её блага, посоветовал ей вернуться домой, потому что жизнь при сотне очень беспокойная: в любом бою могут убить. Когда же она заменила убитого кучера на тачанке Шибалка, он в душе гордился её замечательным умением обращаться с лошадьми. Этот внешне наивный человек оказывается наблюдательным и чутким, так как вовремя замечает странное поведение Дарьи и догадывается, что её роды приближаются. О душевной отзывчивости героя свидетельствует не только его сочувствие к подобранной на дороге растерзанной женщине, но и его признание: после того, как бандиты в неравном бою изрубили половину согни, его «ущемил тоска—житья нет». Значит, бойцы сотни были для него близкими людьми, и он искренне переживал их гибель из-за чьего-то предательства.

Шибалок — неоднозначный герой — он и подлинный гуманист, и воин, и человек, вершащий жестокий суд. Трагедия гражданской войны, уничтожение близких и немыслимый выбор между сыном и возлюбленной, товарищами-казаками и семьей вот какие роли предлагает человеку гражданская война, но может ли он их исполнить? Шибалок страдалец, обличая жестокость, он страдает и раскаивается, но твердо верит, что казацкие законы товарищества и защиты своей земли незыблемы. Героизм его характера основан на том, что он сохранил в душе доброту, доверчивость, бесхитростность в условиях ожесточённой гражданской войны, когда вокруг царят ненависть, предательство, смерть. В том, что герой противопоставит всеобщему озлоблению, искренне любит и жалеет людей, Шолохов видит красоту и силу характера простого пулемётчика. Узнав о предательстве Дарьи (она признаётся,

что была любовницей и шпионкой атамана Игнатьева), Шибалок оказался в безвыходном положении, потому что для него один выход из сложившейся ситуации был страшнее другого. Простить смерть товарищей, с которыми он сроднился в боях, но тогда он должен предать память о них. Или отомстить за их смерть по законам войны, но тогда он должен убить любимую женщину. Правда, любимая женщина честно призналась: «Помираю, а то в дальнейшем я бы всю сотню перевела...». Простой казак поставлен перед нравственным выбором, который так любили изображать античные авторы, а потом и европейские классицисты: что предпочесть — долг или чувство? Простодушный Шибалок делает тот же выбор, что и доблестные литературные цари и герои: предпочитает долг и суровую справедливость. Выполнение страшного приговора далось ему нелегко, ведь в своём рассказе он даже не смог произнести «я убил» или «я выстрелил», так и оставил фразу неоконченной: «Отступил я на два шага, винтовку снял, а она ноги мне обхватила и сапоги целует...». Свои переживания он описывает сбивчиво, незаконченными фразами: «После этого иду обратно, не оглядываюсь, в руках дрожание, ноги подгибаются, и дитё, склизкое, голое, из рук падает.... Дён через пять тем местом назад ехали. В лощине над лесом воронья туча...».

Шибалок своими руками убил любимую женщину, оказавшуюся шпионкой, но в тяжелейших военных условиях сберёг ребёнка, хотя бойцы сотни не раз советовали ему: «За ноги его да об колесо!.. Что ты с ним страдаешь, Шибалок?». Нравственный закон не позволяет ему убить ребёнка вслед за матерью-предательницей, и на коленях просит он сотню о милосердии: «Моё это семя, и пуцай живым оно остаётся. У вас жёны и дети есть, а у меня, окромя его, никого не оказывается...». Целый год заботится Шибалок о сыне: выкармливает кобыльим молоком, шьёт нехитрую одежду, возит в своей тачанке среди боёв и погонь. В данном случае долг (борьба против врагов советской власти) и чувство (любовь к сыну) спокойно уживаются в душе героя. Но вот ребёнок подрос, уследить за ним трудно, и перед отцом опять встаёт дилемма: уйти из сотни и воспитывать сына или отдать его в детский приют и продолжать воевать с бандитами. Шибалок выбирает долг, но внутренняя борьба никуда не уходит, ещё раз проявляя свой характер настоящего, классического героя. В конце рассказа он обещает навестить сыночка после разгрома очередной (теперь фоминской) банды. Но уцелеет ли Шибалок на этот раз? Не останется ли ребёнок круглым сиротой? Писатель оставляет финал рассказа открытым.

Позиция автора выражена в рассказе косвенно и выявить ее помогает финал произведения. Писатель мог бы закончить рассказ тем, что заведующая детским приютом согласилась взять малыша - Шибалково семя - на воспитание, но Шолохов добавил маленькую сцену-эпилог. Если свою историю Шибалок излагает сдержанно, про свои чувства к Дарье предпочитает говорить коротко или нарочито грубо («Начали мы с ней путаться»), как бы стесняясь этой темы, то в сцене прощания с сыном он не скрывает своей любви и нежности. Так писатель ещё раз подчёркивает мягкость и доброту героя, который год назад, мстя за товарищей, убил мать своего сына.

Шибалок — наивный герой-простак. Форма сказа подчёркивает и внешнюю чужаковатость героя, человека малограмотного, на что указывает наивная логика его рассуждений («Образованная ты женщина, очки носишь...»), неправильные формы глаголов, существительных (она «пострадавши от банды», «не имен, патрон», «без опасениев»), диалектизмы (шлях, нехай, жалковать, заковырина, шуметь). Но главное, что он умеет любить Дарью, сына и дружить с товарищами по сотне, его чувства глубоки и серьёзны. И в его простоте есть неосознанная проницательность. Подлинные ценности человеческой жизни и утверждает в рассказе автор.

Рассказ «Чужая кровь» является венцом донского цикла в раскрытии нравственной проблематики. Изобразив бессмысленность гражданской войны, нечеловеческую жестокость обеих сражающихся сторон, М.Шолохов указал путь преодоления этой национальной трагедии. Это путь высокой христианской любви к ближнему, любви не только к другу, но и к врагу. Именно такую объединяющую любовь сумел пронести дед Гаврила через всеобщую вражду.

Война уводит родных людей навсегда – они не возвращаются, не возвращаются два сына старика Гаврилы - один «белый», другой «красный», один родной, один чужой. Сначала проводил родного сына Петра – первого и единственного. Работал на него не покладая рук. Отправляя на фронт против красных, отец Гаврила продал две пары быков, достал дедовскую уздечку и седло, а на прощанье дал наказ: не срамить тихий Дон и служить, как *«деды и прадеды службу царям несли»*.

Но пропал единственный сын, а в Филипповку пришли красные, *«вторглись в казачий исконный быт»*, *«вывернули наизнанку»* обычную дедову жизнь, как порожний карман. Зол был Гаврила на новую власть, погубившую его

единственного сына, ведь теперь кормильца нет, а сил уже нет, вот и рушилось хозяйство.

Так и доживали бы свой век осиротевшие старики, если бы не трагические события, развернувшиеся прямо во дворе. Злой на новую власть, на продотрядников, забиравших *«очищенную, смугло-золотую пшеницу»*, Гаврила все же был потрясен стычкой, которая произошла прямо на его глазах: кубанские казаки напали на отряд красноармейцев и жестоко расправились со всеми.

Глядя на мертвые тела, старик уже не ощутил в сердце прежней злобы. Вместо сердитого, с колючими глазами, продкомиссара он увидел мальчишку лет девятнадцати, а *«сквозь ледящий холодок»* голой груди прощупал *«потухающее тепло»*. Не смог Гаврила оставить умирать на морозе чьего-то чужого сына, выхаживал паренька самой весны. Понял старик, что невыплаканная любовь матери к Петру, покойному сыну, *«пожаром перекинулась на этого смертью зацелованного, чьего-то чужого сына»*. И этот рассказ продолжает внутренние борения...

Далее автору психологически точно удастся передать, как Гаврила привязывается к новому сыну, а образ первого, родного, тускнеет. Это вызывает ужас в душе старика, но он не может противиться новому чувству. При этом жена, неотступно сидящая у постели раненого, вызывала ревнивое чувство. Когда же встал новый Петро на свои ноги, провожал его Гаврила беспокойным взглядом: как бы не оступился да не упал. Вскоре между стариком и Николаем *«увязались простые и любовные»* отношения. Юноша рассказал, что он сирота, родом с Урала и до войны работал на чугунолитейном заводе.

Так потеряв родного сына, старый донской казак Гаврила привязывается сердцем к чужому человеку, заменившему родного: *«Белокурый, веселый, работающий, заслонил собой образ покойного Петра»*.

Однако чуда не случилось: *«не жить Петру в станице, не лохматить плугом степную целинную чернозёмь»*. Тянет его на завод, который удерживали от Колчака, а теперь рабочие голодают, но снова поднимают его на ноги.

И вновь с поразительной силой передает Шолохов трагедию расставания - старик, *«с усилием задушив рыдание»* и *«кривя изуродованное болью, мокрое лицо»* крикнул:

- *Прощай, родимый!.. Солнышко ясное смеркнется без тебя у нас...*

Название рассказа очень точно передает отношение автора к описываемым событиям: на первый план выступает не кровная, родственная связь, а человеческие отношения. Всепоглощающая ненависть к красным сменилась в душе старого казака Гаврилы любовью, и он смог изменить свое отношение к врагам.

Рассказ «Чужая кровь» помогает увидеть слезы оставшихся без поддержки стариков, разрушившийся уклад жизни, *«прахом дымящееся хозяйство»* - всё, что приносит с собой война, где бы она ни происходила. И в финале рассказа стучат болью в сердце читателя удаляющиеся шаги Николая по родной земле, главной ценности Шолоховского мира, кем-то расколотой надвое, но единой, цельной, а не красно-белой, потерянной в огне Гражданской войны.

М.А. Шолохов оценил Гражданскую войну как национальную катастрофу, в которой не может быть победителей. Это не только правда жизни, запечатленная рукой донского писателя, но и предупреждение, пророчество на будущее. И в этом можно увидеть еще одну грань актуального звучания «Донских рассказов» сегодня.

Тема гражданской войны была главной для множества литераторов, современников М.Шолохова. Созвучны мысли писателя и знаменитые строчки М. Волошина из стихотворения «Гражданская война»:

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптанных жнив.
И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
"Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами".
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других...

Обращение к Донским рассказам приглашает читателя к сочувствию, соразмышлению, формулированию своей точки зрения на происходящее, в современную эпоху дефицита любви и способности страдать подобные чувства особенно необходимы.

В моем учительском опыте были реализованы идеи творческого осмысления гуманистического содержания цикла «Донские рассказы» М.Шолохова. Учащиеся откликнулись на содержание урока в форме плача, сказа, т.е. фольклорного жанра, т.к. именно фольклор является воплощением общенародного идеала, являясь выражением эмоционального настроения учащихся. Несколько работ предлагаю вашему вниманию.

Автор Анна Рябчикова, ученица 11 класса

Страна наша помнит кровавый век,
Когда брат на брата встал.
Когда не знали, что есть человек,
А знали, что есть генерал.
Когда боялись стука в дверь,
Зажженных ночью свечей,
Когда даже самый лютый зверь
Был солдата-врага добрей.
Когда плач и стоны – привычный звук,
А взрывы качнут колыбель,
Когда грабит семью их старый друг,
Когда час длиннее недель.
Когда веры, надежды больше нет,
О покое лишь снятся сны.
Я не знаю других народных бед
Страшнее гражданской войны.

Автор Егян Гаяне, ученица 11 класса

– Ах, ветер, вертушко грозный, помоги, Расскажи мне, откуда же прилетели они, вороны революции, кто приманивал их, а кто сторонился?

– Ах, девица красная, вороны революции на нашей земле граяли за тьму лет до твоего рождения, да и сейчас темные их крылья тень рассыпают. Но всего страшнее люди, повернувшие лицом к бунту. Есть те, кто предался ко злу.

Но им была одна дорога - вон из Руси, ведь не было здесь житья человеку недоброму.

– Что же летописцы? Много ли преданий оставили?

– Много, дева ясная, страшных летописей тех дней, много правды в них, очень много... Не видела еще наша земля такой страшной правды, и нет на свете ее ужасней. Послушай, дева, названия глав этих летописей, и очи твои ясные откроются. А зовутся они «Днями окаянными», «Росиею, кровью умытою» и «Россиєю распятою». Слушай, девушка, эпос героический, не должен он пропасть в неизвестности.

– Спасибо тебе, ветер-ветрушко, послушаю повесть твою.

– Жилось нам непросто в годину ту, лучи солнышка не доходили до земли, не сушили море крови, пролитой людьми неразумными. Не было у них ни одежды, ни пропитания, но главное, души из тел улетели, словно жаворонки в небо. И пошел тогда брат на брата и сын на отца. Долго, ох как долго убивала вражда души человеческие и человеческое в душе...

Но однажды весной увидали люди стайку птичек, это души возвращались к людям. Но никто не решался принять душу обратно, боялись люди друг друга и горя вокруг. Забыли они, что если дети одной матери льют кровь друг друга, то нужно быть с матерью, а не с враждующими детьми...

– Ах, ветер-ветрушко, неужто не осталось тогда на Земле человека с душой?

– Были такие люди, принадлежали они могучему племени, с самого рождения берегли они свои души, сохраняя в них человеческое начало, становились они героями!

Травушка-муравушка шептала им сказки, ивушка плакучая протягивала веточки, птички-невелички гнездышко вили, чтобы показать молодцам картины вечной любви и свободы, радости мирного труда...

Тут герои подвиг свой и совершили, примиряя врагов и миру показывая, что вечная любовь да кровь родимая бессмысленному и беспощадному бунту всегда предпочитаются. Очнулись люди, ожили сердца их, разум о созидании шептал. И воцарился мир, и верить хочется, что на Руси душегубство такое не повторится никогда.

*Н.А. Дворяшина,
доктор филологических наук, профессор,
Почётный работник высшего образования РФ*

Феномен детства в творчестве М.А. Шолохова

Кризисная эпоха рубежа XIX–XX веков с её осознанием конца времён, их апокалиптичности, старческой усталости мира и надеждой на его перевоссоздание выдвинула в центр художественных поисков самое достойное в жизни – дитя. В творческих исканиях наступившего XX века ребенок предстал как отражение не только состояния общественного «здоровья», но и благополучия мира в целом, как точка отсчета в судьбе отдельного человека.

М.Шолохов, с его «мощным напором жизненной правды», по точному наблюдению П.В. Палиевского, глубинным постижением народного мира, конечно же, не мог оставить вне своего художественного сознания категорию детства, не только как непременно составляющую человеческого бытия, но и как доминанту, определяющую его содержание и смысл. Вопрос о постижении Шолоховым мира детства с разной степенью глубины рассматривался

в работах исследователей Балыбердиной Е.В., Сатаровой Л.Г., Литвинова В.М., Пономарёвой Е.В., Полозовой Т.Д., Муравьевой Н.М. Однако за пределами уже отмеченного остаётся ряд аспектов, требующих своего анализа.

Очевидно, что Шолохова нельзя назвать «детским писателем» в том узко-тематическом значении этого понятия, которое утвердилось в литературной науке. Это обстоятельство, вероятно, и стало одной из причин оттеснения исследователями проблемы «детства» на периферию художественного мира писателя. Между тем, есть основания, позволяющие обнаружить в этой теме самобытно целостное содержание.

Конечно, многие аспекты детской темы разрабатывались художником в русле традиций русской классической литературы. У Шолохова, как и у его предшественников, ребёнок, при всей своей малости и хрупкости, наделяется силой, способной вернуть закаменевшую, отчаявшуюся человеческую душу к свету, жизни, спасти от падения. Словами Достоевского – «через дитя душа лечится» – можно определить то, что происходит с шолоховским Шибалком (рассказ «Шибалково семя»). Появившееся на свет Божий дитя, мокрое, верещащее, «как зайчонок на зубах у лисы», словно диктует не только все дальнейшие поступки героя, но и его душевные движения. В противовес ожесточившимся в военное лихолетье казакам-сослуживцам, готовым расправиться с «новорождённым отродьем»: «За ноги его да об колесо», Шибалок уже не может переступить через детскую жизнь. Он не только молит, стоя на коленях, своих «братьев-товарищей» о пощаде, призывая их *«помочь... сердце к дитю»* (здесь и далее выделено мною. – Н.Д.), но и сам размягчается сердцем. Дитя не даёт герою озлобиться, спасает от очерствения. Сколько любви и тепла в тех словах-образах, которыми он называет своё "семя": *«мой сынишка»*, *«зайчонок»*, *«дитя»*, *«пострелёнок»*, *«сын»* и несколько раз – *«дитё»*. Опять нельзя не вспомнить Достоевского – пережитое Митей Карамазовым после увиденного во сне плачущего ребёнка: «И чувствует он ещё <...>, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё... <...> **И вот загорелось всё сердце его и устремилось к какому-то свету...**». Шибалок у Шолохова проникается такой же жалостью, сердечным теплом, преображающими его, определяющими главные жизненные ценности. Его признание: «слезьми плакал с ним, даром что извеку допрежь слёз не видал» (Т.7. С.261), поцелуй в детскую маковку, ласковое «воркование» в момент прощания с сыном – убедительно говорят о том, с чем возвращается в отряд шолоховский герой: бесприютная, одинокая душа,

отогретая дитём, обрела жизненный смысл: «...*не бурьяном помру*, – говорит Шибалок, – *потомство оставлю*» (Т.7. С.261).

Героиню другого рассказа («Двухмужняя»), готовую уже было к детоубийству, останавливает от последнего шага детский плач. «Стыд, – пишет Шолохов, – горячей волною плеснул Анне в лицо» (Т.7. С.425). Ребёнок помогает измученной, отчаявшейся женщине сделать необходимый выбор. Предупреждающий крик: «Дитё убьёте!» – в одно мгновение заставил изменить уже принятое решение героев рассказа «Алёшкино сердце». Во имя дитя они готовы были и свои жизни отдать. Они, как и герой Достоевского, тоже пошли за «дитём». И в романе «Поднятая целина» дети Аникея Девяткина, погубившего жену Андрея Разметнова, остановили обезумевшего от горя, раздираемого жаждой мести шолоховского героя, не дали ему переступить черту, совершить убийство, которое видится возмездием за зло: «*Счастье твое!.. Детишки ...*», – скажет он старику Девяткину (Т. 5. С. 43). Он и позднее откажется от участия в раскулачивании, ибо, по его словам, «с детишками не обучен воевать» (Т. 5. С. 65).

С малыми мира сего отечественная литература всегда связывала надежды на будущее. Этот мотив весьма значим и для Шолохова. Григорий Мелехов и Андрей Соколов именно в детях видят свою последнюю жизненную опору, возможность «возвращения к жизни». «*Ночью*, – признаётся герой "Судьбы человека", – *то погладишь его сонного, то волосики на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится легче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...*» (Т.7. С.635-536).

Несмотря на отмеченные точки соприкосновения, в шолоховском взгляде на детство всё же отчётливо обнаружилось своё, увиденное и открытое им. Детство в произведениях Шолохова не является вневременной категорией. Малые герои писателя глубоко погружены в стихию общественных сдвигов. В судьбе каждого из них запечатлелись суровые обстоятельства эпохи.

Героями большинства шолоховских произведений стали дети-сироты. «Я с малолетства сирота», – говорит о себе Николай Кошевой из рассказа «Родинка» (Т.7. С.230). Таким признанием могут охарактеризовать себя и другие герои писателя, живущие в «горькую годину». Среди них нередки круглые сироты, лишившиеся и отца, и матери, как, например, дитё из рассказа «Продкомиссар», всего-то и смогший выдохнуть о себе: «Я сирота... по

миру хожу» (Т.7. С.235). Круглым сиротой становится переживший смерть всех близких герой рассказа «Алёшкино сердце». Сиротствуют Григорий с Дуняткой (рассказ «Пастух»), осиротила, забрав всех родных, война и маленького Ванюшку из «Судьбы человека». Но и все остальные герои Шолохова – сироты либо по матери, как сынишка Шибалка или «сынушка» Игната, героя рассказа «Коловерть», а также дети Микишары – «семейного человека», трехлетний хлопчик тавриганина (рассказ «Обида»), мелеховские дети, либо сироты по отцу: такое сиротство принимают на себя герой «Нахалёнка», маленькие внуки Степана Прокофьевича («Обида»), дети Трофима, спасшего жеребёнка от гибели, но самого получившего смертельный выстрел в спину («Жеребёнок»), сын Ефима («Смертный враг»). Шолохов мастерски запечатлел и ещё один тип сиротства – одиночество при живых родителях. Кровавая коловерть революции и войн разрушила все семейные узы, привела к противостоянию родных людей, отторгла детей от родителей. Утрата родства оказалась губительной для всех. «Ты мне не сын, я тебе не отец», – говорит сыну, проклиная его, старик Бодягин («Продкомиссар»). Развела по разным полюсам отца и детей Гражданская война в рассказе «Бахчевник», завершается этот разлад страшной картиной отцеубийства: четырнадцатилетний герой, спасая брата, «цепко ухватил стоящий у стенки топор, ухнул от внезапно нахлынувшего тошного удушья и, с силой взмахнув топором, ударил отца в затылок» (Т.7. С.296). Сиротство у Шолохова становится категорией вневозрастной, не связанной исключительно с детством: сиротствуют и стар, и млад. Дважды муку сиротства «в годину смуты» переживают старики из рассказа «Чужая кровь», сначала потеряв единственного сына, а затем расставшись и с тем, кого вопреки драматическому расколу признали своим. Нерв сиротства определяет судьбы едва ли не всех персонажей Шолохова.

Этот взгляд на мир через судьбы всех родных людей и, в первую очередь, детские, выявляет всю объёмность и сложность осмысления писателем трагических коллизий эпохи. Очевидно, что такой явный акцент на разрушительной силе революционных событий, уничтоживших основы основ человеческой жизни: семью, домашний очаг, детство, содержит вполне определённую писательскую оценку крутой революционной волны. Детство действительно играет роль нравственного критерия, но измеряется им не «общечеловеческая сущность революционного процесса», как считает Е.В. Балыбердина, а его бесчеловечная природа и, более того, пережитая народом национальная трагедия. Недаром страшные по своей жестокости

сцены озлобления, насилия, кровавых расправ, жутких смертей введены почти в каждое из произведений донского цикла писателя.

Дети предстают и как жертвы кровавого передела прежней жизни, и как их свидетели и судьи. Так, герой рассказа «Семейный человек» Микишара убивает родных сыновей якобы во имя спасения других своих детей, тех, что младше. Он убеждён в своей правоте и отстаивает её. Кажется, что заслуженный им приговор высшего судии вложен писателем в уста его же собственных детей: *«Гребостно мне с вами, батя, за одним столом исть... <...> и с души рвать меня тянет»*, – говорит Микишире дочь Наталья (Т.7. С.387). В этом обращении к отцу словно реализуется сказанное в Библии, в книге Премудростей Соломона: «Нечестивого отца будут укорять дети» (48:10). И приговор этот звучит вроде бы как окончательный и не подлежащий обжалованию. Не случайно Микишара и у читателя не вызывает явного сочувствия. И всё же было бы упрощением смысла рассказа сведение его сути к морально-этическому выводу о неизбежности греха детоубийства. Нельзя не заметить, что мысль и чувство автора произведения движутся как бы поверх этой извечной коллизии, конечно, не отрываясь от неё, но и выявляя в ней какое-то новое содержание. Какое? Дело в том, что в рассказе Шолохова Микишара не противостоит своим детям как олицетворение зла. Если бы это было так, то нравственный конфликт разрешался бы привычно, так как он разрешается во многих произведениях на эту тему до Шолохова – порицанием очевидного зла и утверждением пусть и поруганного в данной ситуации, но безусловного в своей правоте – добра. Герой рассказа «Семейный человек» имеет у писателя право на свою долю истины.

На каждом из детей в произведениях Шолохова лежит отпечаток эпохи, жадной до человеческой крови. Жертвой «расчеловеченных» людских отношений становится мальчонка-кроха в рассказе «Обида», на его глазах закалывают вилами отца, мстя за смертельную обиду. Вряд ли убийца осознавал в тот момент, что, расправляясь с отцом, он одновременно убивал и детскую душу. Несколькими выразительными штрихами писатель передал психологическое состояние дитя, ставшего очевидцем дикой расправы: выгибался в судороге, «закатывая глаза», рвался из рук, «визжал в залитую голубыми сумерками нерушимо спокойную степь: «Тато!.. Та-то!... Та-а-ато!...» (Т.7. С.445). Само графическое исполнение трижды звучавшего из детских уст слова «тато», словно проглоченного степью, приоткрывает страшную бездну, разверзшуюся в душе ребёнка, бездну, способную поглотить и само дитя, и

повинных в содеянном зле. Завершая рассказ детским образом, Шолохов определяет цену происходящему: злоба, ненависть губительны для детства как будущего народа. Детский крик *«Тато!»*, прозвучавший в рассказе Шолохова в начале его творческого пути, пройдет как некая парабола через всё творчество писателя и завершится в «Судьбе человека» звонящим криком маленького Ванюшки: *«Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдёшь! Все равно найдёшь! Я так долго ждал, когда ты меня найдёшь!»* (Т.7. С. 634). В этом детском стремлении к восстановлению целостности бытия обозначено шолоховское понимание того, как должно жить.

Страдания детей в произведениях предшественников писателя, казалось бы, невыносимые и непредставимые в человеческом общежитии, в сравнении с тем, что пришлось испытать маленьким героям Шолохова, вдруг утратили свою остроту и чрезмерность. Иным оказывается масштаб переживаемого ребёнком. И в самом ребёнке писатель открывает ранее не известные силы и возможности. Так, в сынишке Шибалка, рождённом между боями в лесном буреломе, кажется, само время, суровое и жестокое, определило недетскую самозащиту и от голодной смерти, и от людской враждебности: «Кусаться – кусается, – говорит о нём отец, – а слезу у него не вышибешь!» (Т.7. С.261). Словно понял этот «смышлёный», по словам отца, младенец, ещё только что появившийся на свет, что выживет он или нет в этом урагане войны, будет зависеть только от него самого, и слёзы здесь не помогут. Не плачет и «малюсенький» мальчонка из «Продкомиссара», может быть, понимая всю бесполезность этого извечного для ребёнка способа вызвать к себе жалость и тем самым защититься от возможных бед, выпросить сочувствие у мира.

В январе 1921 года А.Блок пророчески писал одной из своих корреспонденток, ожидавшей ребёнка: *«Жалейте и лелейте своего будущего ребёнка, если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за всё, что мы наделали...»*. Образы шолоховских детей – выразительный пример такой детской расплаты за свершённое, за то, что Блок назвал «всемирной заварушкой». Весьма показателен в этом смысле рассказ Шолохова «Алёшкино сердце». В нём создан детский образ, ставший, кажется, отражением того ужаса, о котором ещё только догадывался Блок. В судьбе Алёшки сошлось всё: и страшный голод, и кровавая драма гражданской войны, и, как её результат, людское расчеловечивание, и первые ещё про-

блески какой-то другой жизни, в которой, может быть, и придётся жить герою. Голод изуродовал мальчишку, оставив в нём подобие человека: «Уши Алёшки, нос, скулы, подбородок туго, до отказа, обтянуты кожей, а кожа – как сохлая вишнёвая кора. Глаза упали так глубоко внутрь, что кажутся пустыми впадинами...» (Т.7. С.269). Впадины вместо глаз – так говорят о покойниках, а сравнение кожи с «сохлой вишнёвой корой» рисует не детский образ, а отжившего свой век старика. Голод лишил ребёнка жизненных сил настолько, что, по собственному признанию Алёшки, его «ветер валяет». В расхожем выражении «ветер качает» Шолохов заменил одно слово, и найденное новое вносит в признание пухнувшего с голоду дитя особый смысл. «Валять», читаем у В.И. Даля, – буквально означает «повергать, опрокидывать боком, ронять, бросать лежа». Слово вобрало в себя весь спектр не только физических, но и духовных страданий, испытываемых ребёнком: хватало сил с трудом перемещаться в пространстве, ползти по земле.

Едва не отняла Алёшкину жизнь и людская жестокость. Избитый до полусмерти, он только и смог прошептать своей мучительнице: «А я живой, тётя...» (Т.7. С.273). И это не все муки, выпавшие на детскую долю. Но и о другой своей беде ребёнок говорит просто и деловито: «Меня Макарчиха убивала, теперь жарко, и в голове черви завелись» (Т.7. С.274). Кажется, у последней черты находится и это шолоховское дитя, но и оно, в отличие, скажем, от героев Ф.Сологуба, не даёт волю слезам. Ю.А. Дворяшин в одной из своих работ по этому поводу заметил: «И только дети в произведениях Шолохова почти никогда не плачут» и прокомментировал это следующим образом: «Шолоховские дети словно бы не устаивают издевающийся над ними мир своих слёз». Можно было бы поспорить с исследователем и указать на то, что у Шолохова всё-таки встречаются плачущие дети. Мишка-нахалёнок, например, не один раз заливается слезами, сталкиваясь с враждебными ему силами, и мелеховские детишки – Мишатка и Полюшка – могут «неутешно рыдать». Но в главном это суждение литературоведа справедливо, тем более, что оно дополнено уточнением: «Даже если они – слёзы – всё же прорываются, дети тщательно прячут их от окружающих, даже самых близких и родных». Вот как о страданиях осиротевшего внука рассказывает Ильинична: «Нынче ночью слыхала – Мишатка кричал потихоньку..., залез под подушку головой, чтобы его не слышать было... Я подошла, спрашиваю: “Ты чего, родненький? Может, со мной ляжешь?”. А он говорит: “Ничего, бабуня, это я, должно быть, во сне”. Сирота Алёшка тоже «кричит потихоньку», и метод всё тот же: «ночами короткими и душными <...> мочил подушку горе-

чью слёз» (или, совсем как Мишатка Мелехов, «лёг под дерюгу и голову подушкой накрыл...») (Т.7. С.278; 279). Многоточие в конце фразы красноречиво говорит о состоянии избитого ребёнка. Здесь тоже слёзы, но кто их видит? Это спрятанная в себе боль. И обездоленный войной приёмный сынишка Андрея Соколова в «Судьбе человека», «птаха малая», хотя тоже может «поточить» слёзы, остаётся в читательском сознании обезоруживающим и всё ставящим на свои места вопросом к заливающейся слезами квартирной хозяйке героя рассказа: «Тётя, зачем же вы плачете? Папа нашёл меня возле чайной, тут всем радоваться надо, а вы плачете» (Т.7. С.635).

Дети у Шолохова перед лицом жестокого мира обретают прежде по литературе не известный род трезвости, серьёзности. Наученные горьким опытом XX века, они вынуждены реагировать на жизнь иначе, чем их многочисленные литературные предшественники. Думается, что детство у Шолохова из мира страдательного, способного только на пассивно-жертвенное выражение своего неприятия жестокости, превращается в мир действенный, равнодостоинный миру взрослых. Однако, чрезвычайно важно при этом отметить, что дети у Шолохова не утрачивают своих исконных, дарованных Богом качеств: нравственной чистоты и добросердечия. Здесь снова хотелось бы уточнить одно суждение Ю.А. Дворяшина, который утверждает, что «шолоховский Мишатка запоминается читателю не только со слезами на глазах, а "угрюмоватым, с неласковым мелеховским взглядом". Этот взгляд устремлён, кажется, в самую душу людского мира. Что он несёт в себе, этот взгляд, что хочет сказать? Может быть, пушкинское "ужо тебе"?». Думается, что отмеченная в описании маленького Мелехова портретная деталь всё же, главным образом, – проявление мелеховской породы, а не идущее от ребёнка «ужо тебе», ибо в большинстве своём шолоховские дети – люди с добрым сердцем и взглядом без какого-либо намёка на месть за зло или предупреждение о ней. Как бы ни «валяла» их жизнь, через какое бы кровавое колесо ни пропускала, в них нет озлобленности, ожесточения. У Шолохова вообще нет злых детей, в отличие от его предшественников. Напротив, Шолохов даже подчёркивает детскую незлобивость, незащищённость. Трудно вообразить это «ужо тебе» исходящим, к примеру, от Мишки-нахалёнка, пострелёнка, непоседы. Два образа-сравнения в характеристике ребёнка – спит, свернувшись калачиком, и «маленький зябкий комочек», а также портретная деталь – «голубые, плутовские глаза» – снимают всякий намёк на возможность такого предупреждающего мир взгляда. Подтверждением служит замечание автора – «забыл про обиду». В другом герое-ребёнке Шолохов отметит «простецкое

сердце», пояснив при этом: «... сроду ни на кого не серчал» (Т. 7. С.279). Да и в сиротствующем Мишатке Мелехове, в его тихих словах об умершей сестрёнке Полюшке, в занятии, за которым его застаёт вернувшийся домой отец (отламывал и бросал сосульки, наблюдая, как они катятся вниз, под гору), во всём облике – «опущенных глазах», «розовых холодных ручонках» – видится то дитя, которому нужны отцовское плечо и защищённость, ибо самому не выстоять.

Происшедшее с малыми мира сего на драматическом этапе русской истории и художественно запечатлённое Шолоховым, кажется, очень точно определил Григорий Мелехов, думая о своих детях: *«Какие-то они стали не по летам сдержанные, молчаливые. Не такие, какими были при матери. Слишком много отняла у них смерть...»* (Т.4. С.376). Действительно, отнятыми у всех шолоховских детей оказалось не просто многое, а главное: дом, семья, любовь близких. Они приняли на себя неподъёмную тяжесть, равновеликую с тяжестью взрослого мира. Это-то и определило ту особую жизненную негромкость, серьёзность, трезвость ребёнка, которые в сочетании с детской незащищённостью и позволили писателю создать образ, во многом незнакомый до этого отечественной литературе.

По сравнению с предшественниками, повествование М.А. Шолохова о детях приобретает особую теплоту и сердечность, что проявляется в богатстве образных оценок и характеристик маленьких героев. Они названы (автором и героями) не только традиционно, знакомо: *дитё, дети*, но и любовно-пронзительно: *«дитёнок», «чадунюшка», «чадушка», «детва», «детушечки»,* чаще всего – *«детушки»,* а также – *«голубёночек», «жаль моя», «мой родимый», «парнишочка», «девчонушка», «птаха малая»* (не птичка, как, например, у Достоевского, Сологуба, Ремизова, а именно «птаха», что усиливает ощущение малости, хрупкости, незащищённости дитяти). При этом нельзя не услышать в самой тональности повествования проявление не только эмоций героев, но и чувств их создателя.

Так, в описании Аксиньи, стелющейся в плаче над умирающей дочкой, материнская боль словно сливается с болью самого автора, и в словах героини звучит и его голос, переходящий постепенно в лирическое отступление, проникнутое неприкрытым сочувствием к горю женскому: *«Зернышко мое, дочурка! – приглушённо звенела мать. – Цветочек мой, не уходи, Танюшка! Глянь, моя красотушка, открой глазки! Опомнись же! Гулюшка моя черноглазая... <...> Умерла она на руках у матери. Последний раз,*

всхлипывая, зевнул посиневший ротик, и тельце вытянула судорога; запрокидываясь, катилась с Аксиныной руки потная головка, прижмуренный, с мертвым зрачком, смотрел удивленно угрюмоватый мелеховский глазок» (Т.1. С.393-394).

Прощаясь с маленькой Танюшкой, дед Сашка говорит: *«Душа ангельская преставилась»* (Т. 1 С. 394). Во многом такое видение и самим автором детской души определило своеобразие имен маленьких шолоховских героев. В их структуре обязательно наличие уменьшительно-ласкательного суффикса: *Николка, Дуняшка, Минька, Минюшка, Ванюшка, Мишатка, Полюшка, Танюшка*. Они могут быть названы и иначе: Алёшка, Стёпка, Мишка, Сёмка, Игнашка, но суффикс «к» не есть здесь, по справедливому замечанию Л.Ф. Киселевой, припомнившей пушкинское перечисление своих детей: «Сашка, Машка, Гришка, Наташка», «факт отрицательного в этот момент отношения автора <...>, а, напротив, свидетельство его особой *нежности*, скрываемой за грубоватостью «домашнего» тона, родственной фамильярностью...».

Нельзя не заметить того, что мир взрослых в его отношении к детству претерпел в изображении Шолохова существенные изменения. Кажется, ни у кого, кроме Шолохова, взрослые без детей не ощущают столь остро и безысходно своего сиротства и незащитности. В «Тихом Доне» по детям тоскуют все: и Аксинья, изливающая свою нерастраченную материнскую любовь на мелеховского Мишатку, и Дарья, плачущая при виде купающихся в Дону «махоньких ребятишек»: *«Поглядела на них, сердце зашло, и разревелась»* (Т. 4. С.133), и даже Мишка Кошевой: «...Ильинична с удивлением заметила, что *потухшие глаза «душегуба» теплели и оживлялись, останавливаясь на маленьком Мишатке, огоньки восхищения и ласки на миг вспыхивали в них и гасли, а в уголках рта долго таилась чуть приметная улыбка»* (Т. 4. С.322).

Для М.А. Шолохова дети – высшая жизненная ценность. Всё уходит, становится прахом, но остается в человеческой жизни, надломленной страданиями, жизни, которая и сама уже в тягость, как у Ильиничны, сияющий свет детства – символ истинного счастья, которым был одарен человек: *«Все, что связывало ее теперь с жизнью, – скажет о своей героине писатель, – заключалось только в нем»* [сыне. – Н.Д.]. Знаковым в этом смысле является сон Ильиничны, когда она, молодая, улыбающаяся, счастливая, *«достает из <...> люльки крохотного, смуглого Гришатку. Придерживая зубами мок-*

рый от пота гайтан нательного крестика, она торопливо дает ему грудь, сквозь стиснутые зубы шепчет: «Милый ты мой, сыночек! Расхорош ты мой!». Гришатка, все еще блаженно всхлиывая, сосет и больно прихватывает зубками сосок. А рядом стоит, отбивая косу, молодой черноусый Гришаткин отец. Из-под опущенных ресниц она видит его улыбку и голубые белки усмешливых глаз...» (Т.1. С.331). Улыбающиеся, счастливые мать и отец. Ребенок у материнской груди. Почти святое семейство...

Осознание того, что дети – главный смысл жизни переживает и Григорий. Рождение детей изменило его отношение к дому, к семье, жене Наталье. Он вначале «не понимал, – замечает Шолохов, – как можно было так самозабвенно любить эти крошечные крикливые существа», но именно *«детская любовь*» возбудила у Григория ответное чувство, и это чувство, как огонек, перебросилось на Наталью» (Т. 4. С. 178). Дети привязывают его к семье, дому, становясь самым дорогим на этом свете.

Вернувшись домой после всех жизненных мытарств, страшно умирившийся душой, он мечтает об одном: *«...пожить возле своих детушек...»* (Т.4. С. 372). И этот мотив – быть с детьми, – все усиливаясь, становится доминантным в переживаниях шолоховского героя, достигая своего апогея в финале: *«Его неудержимо тянуло домой – к детям, к Аксинье»* (Т.4. С. 409); *«Там, за этой дымкой, был родной хутор, Аксинья, дети»* (Т. 4. С. 441). И первый вопрос после возвращения домой, заданный Аксинье, – это вопрос о детях: *«Детишки живы, здоровы?»* (Т. 4. С. 480). После гибели Аксиньи автор скажет о нем: *«Он лишился всего... Остались только дети»* (Т. 4. С. 491). *«Тоска по детям»* вытеснит все остальные чувства. Дети жили в его снах, мыслями о них заполнялось все его сознание, устремляясь к одному желанию: *«Походить ... по родным местам, покрасоваться на детушек...»* (Т. 4. С. 492-493). И, наконец, в финале романа: *«Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром»* (Т. 4. С. 495). Сын, дитя, ребенок – последняя ниточка, удерживающая героя на земле...

Есть еще один существенный мотив в осмыслении феномена детства у Шолохова, который зазвучит во второй части четвертой книги романа «Тихий Дон» настойчиво, призывно, почти плакатно, как указание не только героям, но читателям. Он впервые будет обозначен устами умирающей Натальи как просьба-наказ через сына – мужу: *«Скажи ему, чтоб он жалел вас»*

(Т. 4. С. 177). Об этом же, по сути, напомним Дуняшке прощающаяся с жизнью Ильинична: *«Детишек береги»* (Т. 4. С. 332). И Григорий, предчувствуя неизбежность расставания с родным домом, думает: *«Надо только сказать Аксинье, чтобы она жалела их»* (Т. 4. С. 376). Уходя из хутора, гонимый страхом ареста, целуя спящих детей, наказывает Аксинье: *«Береги детей»* (Т. 4. С. 396). В этом повторяющемся наказе – жалеть, беречь детей – обнажена и авторская позиция. Писатель разворачивает всех своих героев, а вместе с ними и всех нас, к детству, которое, по мысли художника, имеет непреходящее значение для судеб мира, определяет смысл человеческой жизни.

Если прежде в русской литературе дети и взрослые изображались зачастую в обстоятельствах противостояния, даже неразрешимого конфликта, то у Шолохова и взрослые, и дети устремлены, в конечном итоге, к преодолению этого конфликта, чувствуют его гибельность. Отнюдь не случайно главное шолоховское произведение – «Тихий Дон» – завершается мольбой отца, обращённой к сыну: «Сынок, сынок...». П.В. Палиевский справедливо называет это, «всего лишь одно слово», произносимое Григорием Мелеховым, пророческим. Но ведь и его сын, Мишатка, преодолевая разверзшуюся между ними пропасть расчеловечивания, устремляется к единственному оставшемуся у него «во всём этом огромном сияющем под холодным солнцем мире» родному существу: *«Он узнал в этом бородатом и страшном на вид человеке отца»* (Т.4. С.494). Как точно и сколь многозначительно в этом лаконичном шолоховском сообщении слово «узнал»! Оно ведь не ограничено смыслом прямого значения: «определить нечто уже знакомое, виданное» (В.Даль), в нём ощущается более ёмкое содержание, связанное с постижением сокровенной сущности судьбы человека.

В детской теме, условно говоря, Шолоховым выражено особое, собственное именно ему, представление о мире и человеке. Не выделяя детскую тему как локальную, замкнутую, писатель вводит её в контекст рассуждений о судьбе человека вообще. Осознание феноменальности детства с особой яркостью, особым поворотом выявляет самобытность художественного мира Шолохова.

*Воробьева Надежда Ивановна,
учитель русского языка и литературы
ГБОУ Кадетская школа-интернат №7
«Московский казачий кадетский корпус»
им. М.А.Шолохова*

Из опыта изучения произведений М.А.Шолохова в школе (Тема детства)

В произведениях М.А.Шолохова, адресованных взрослому читателю, дети - неперенные персонажи. Думы о детях, их будущем, отношение к ним старших характеризуют мир взрослых. Писатель создал яркие образы маленьких героев. Таков Миша Коршунов («Нахаленок»), Федотка Ушаков («Поднятая целина»), Ванюшка («Судьба человека»). Они трогательны своей непосредственностью, детской любознательностью, печалью и радостями. За их непростыми судьбами история нашей страны.

Детская тема в творчестве М.А.Шолохова – свидетельство любви и сострадания писателя, его гуманного отношения к детям, страстный призыв к милосердию, к сохранению в человеческом сердце доброты. В защите обездоленных, в убежденности, что стремление к лучшей жизни свойственно всем, в поддержке тех, кто нуждается в помощи, в преклонении перед душевной щедростью и благородством угадывается продолжение традиций русской классической литературы с её пушкинским заветом «милости к падшим», которым освещено творчество Гоголя и Тургенева, Некрасова и Достоевского, Толстого и Короленко, Лескова и Чехова. Показывая детские страдания в жестоком мире, порожденном злобой, эгоизмом и враждой, Шолохов ближе всего Достоевскому и Короленко, поскольку можно заметить акцентирование проблемы детского сиротства в творчестве этих писателей.

Программой по литературе для основной школы предусмотрено изучение рассказа «Судьба человека» в 9 классе, однако совершенно очевидна необходимость познакомиться учащихся с творчеством писателя гораздо раньше. На уроках литературы в 5 классе цель обращения к теме детства - пробуждение у школьников интереса к чтению произведений М.А.Шолохова. Учитель предлагает детям прочитать рассказ «Нахалёнок», фрагменты из романа «Поднятая целина», в которых писатель изобразил Федотку Ушакову, эпизод «Ванюшка находит отца» в рассказе «Судьба че-

ловека». На уроке учащиеся в сообщениях о прочитанных произведениях рекомендуют книги для чтения своим одноклассникам, в отзывах делятся впечатлениями, рассказывают о трудном детстве маленьких героев, о взрослых, которые оказались рядом с детьми.

В 7 классе, обращаясь к теме детства в произведениях Шолохова, учитель организует работу учащихся над анализом рассказов «Нахаленок», «Судьба человека». Цель работы – выяснить отношение писателя к изображаемым событиям и героям. Школьники замечают, что . взрослые, окружающие детей, разные: добрые и жестокие, равнодушные к детскому горю и способные жертвовать своей жизнью ради спасения ребенка. Учащиеся высказывают предположение: по отношению к детям Шолохов проверяет своих героев на человечность, способность к состраданию и милосердию.

Во вступительном слове учитель отмечает, что тема детства рассматривается М.А.Шолоховым в трёх аспектах. Во-первых, судьбы маленьких героев характеризуют трагический характер эпохи. В драматических жизненных обстоятельствах уязвимее всего оказываются дети. Они умирают от голода (рассказ «Алешкино сердце»), от болезней (дочка Григория и Натальи Мелеховых – роман «Тихий Дон»), остаются сиротами (рассказ «Нахаленок»). Это дети – страдальцы. Ненависть, разожженная пожаром классовой борьбы, переносится на детей.

Работа над рассказом «Нахалёнок» начинается с исторической справки о гражданской войне, её причинах, ожесточённой вражде. Учащиеся отвечают на вопрос:

Как писатель отразил в рассказе драматическое время гражданской войны?

Школьники указывают на рассказы отца Мишки, понимают атмосферу собрания по перевыборам председателя станичного Совета, называют проходящий отряд красноармейцев, продотряд, укрывательство зерна, банду, бесчинствующую в округе и нагрянувшую в станицу. Своеобразие рассказа в том, что события воспринимаются глазами семилетнего мальчика, трагически связаны с его судьбой. В детском мире отражается противостояние взрослых. Семилетний герой рассказа «Нахаленок» в среде своих сверстников оказывается на гребне классовой борьбы.

Учитель просит школьников найти доказательства в тексте: «Соседские ребятишки не водились с ним, к прозвищу «нахаленок» прибавилось еще одно, заимствованное от старших. Вслед Мишке кричали:

- Эй ты, коммуненок! Коммунячев недоносок, оглянись!..»

Дается задание проанализировать эпизод драки.

Детская драка, отражающая политическую расстановку сил в казачьей станице, начинается со словесной перепалки. Мишка еще не понимает, кто такие коммунисты, растерянно признается в своем незнании, коммунист ли его отец. Он всей душой любит отца, с которым так долго был в разлуке, и у него сжимается сердце от слов Витьки: «Батяньку его будут вешать – за что?»... Прошка, сын лавочника, раздувая ноздри, толкнул Мишку в грудь и крикнул:

- А ты не дюже со своим батянькой!.. Он у моего отца товары забирал, как поднялась революция, и отец сказал: «Ну, нешто не перевернется власть, а то Фомку-пастуха первого убью!..»

Наташка, Прошкина сестра, топнула ногой:

- Бейте его, ребята, что смотреть?!

- Бей коммунячьего сына!..

- Нахаленок!..

- Звездани его, Прошка!

Прошка взмахнул прутом и ударил Мишку по плечу, Витька-попович подставил ногу, и Мишка навзничь, грузно шлепнулся на песок.

Ребята заорали, кинулись на него. Наташка тоненько визжала и ногтями царапала Мишкину шею. Кто-то ногою больно ударил его в живот.

Мишка, стряхнув с себя Прошку, вскочил и, виляя по песку, как заяц от гончих, пустился домой. Вслед ему засвистали, бросили камень, но догонять не побежали».

Учитель спрашивает школьников:

- Как бы вы истолковали суть конфликта без учета идеологической оценки события?

Когда бьют одного, невинного, поступок, безусловно, требует осуждения. Когда злобой переполнены детские сердца и ненависть вложили старшие, не может быть оправдания взрослым.

Учитель просит прочитать фрагмент текста «После драки» и ответить на вопрос:

Как проявляется авторское отношение к изображаемым событиям и герою?

«Только тогда перевел Мишка дух, когда с головой окунулся в зеленую колючую заросль конопли. Присел на влажную пахучую землю, вытер с расцарапанной шеи кровь и заплакал; сверху, пробираясь сквозь листья, солнце старалось заглянуть Мишке в глаза, сушило на щеках слезы и ласково, как маманька, целовало его в рыжую вихрастую маковку».

Детские слезы от несправедливой обиды. Что может быть большим обвинительным приговором несовершенству мира людей? Отношение писателя к событиям выражается через сопоставление с природным миром. Из глубины веков у человека почтительное отношение к солнцу как источнику жизни, мудрому и справедливому вершителю жизненного цикла. Олицетворения, которые использует автор рассказа, изображая солнце, создают образ доброго защитника мальчика, способного утешить обиженного и смягчить переживаемое горе («старалось заглянуть в глаза, сушило слезы, ласково целовало»).

Далее проводится работа над портретом мальчика, указываются детали, определяется их роль. Учитель обращает внимание детей на назначение портретной характеристики персонажей в произведениях Шолохова. Через внешность автор раскрывает внутренний мир героя, состояние души, глаза как деталь портрета передают различные эмоции. Портретная характеристика говорит об отношении писателя к герою. Изображая внешность маленьких героев, М.А.Шолохов среди нескольких выразительных деталей обязательно укажет на глаза, сравнив их с предметами или явлениями, имеющими символическое значение чистоты, невинности, безгрешности. («Глаза, похожие на нарастаявшие крупинки речного льда» у Мишки Коршунова; «светлые, как небушко, как звездочки ночью после дождя» глаза Ванюшки). Мишка – невинная, ангельская душа. Крупинки льда отражают небо, безгрешный горный мир, и хранят чистоту воды, смывающей грехи человека. Главная роль в портретной характеристике отведена сравнениям, которые, во-первых, под-

черкивают близость героя с природой, а у природы, как известно, нет невыразительных красок, и, во-вторых, выражают авторскую любовь. Писатель убежден: все, что родилось под солнцем, живет назначенный ему срок в полной гармонии, без страданий и боли. И только в человеческом мире по-другому.

Не было сытым раннее детство Мишки - сына пастуха Фомы, никогда не видел малыш лакомств и тот старый-престарый зачерствевший вяземский пряник, что принес со службы ему в подарок отец, молотком раскрошил на пороге и съел до последней крошки. Рос он без особого догляда матери, занятой тяжелой полевой или домашней работой. И портрет героя, не привлекающего внешней красотой, отражает приметы бедной, обездоленной жизни: щуплый, с рыжими вихрами, не знающими расчески, веснушчатый и «колченогенький» (вероятно, одна ножка была чуть короче).

Учитель дает задание найти в тексте рассказа и прочитать описание внешности мальчика:

«Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нерастаявшие крупинки речного льда».

Учащиеся отвечают на вопрос:

Какие слова помогают понять отношение автора к маленькому герою?

Семиклассники указывают на сравнение, характеризующее глаза мальчика, называют оценочное слово (плутовские), слово с уменьшительным суффиксом (колченогенький), через которые выражается авторская любовь и нежность.

Центральный этап работы над рассказом – изображение Шолоховым взаимоотношений отца и сына. В начале рассказа сообщается о радостном событии – возвращении отца с войны.

Недолгой была у Мишки радость обретения отца, которого он успел забыть, но какое это было счастье.

Учитель дает задание найти в тексте цитаты, которые помогут доказать утверждение, что отец любит сына.

«- А помнишь, сынушка, как в позапрошлом годе я тебе пароходы делал? Помнишь, как мы в пруду их пущали?»

- Помню!.. крикнул Мишка и несмело обхватил руками батянькину шею.

Тут и вовсе пошло развеселье: посадил отец Мишку верхом к себе на шею, за ноги держит и по горнице кругом, кругом, а потом как взбрыкнет, как заржет по-лошадиному, у Мишки от восторга аж дух занялся».

Изображая взаимоотношения отца и сына, Шолохов продолжает традиции русской классической литературы. Можно заметить, насколько часто употреблено в рассказе «Нахаленок» слово батянька, подобно слову батюшка в повести Пушкина «Капитанская дочка». Первые уроки жизни, взгляд на мир сыновья воспринимают от отцов. Отец стал центром единения семьи, с ним Мишка обрел чувство защищенности. И когда отец идет воевать с объявившейся бандой, мальчик не понимает до конца смысла слов деда («Неровен час, убьют, пропадем мы тогда!..») Ужас и отчаяние переживает семилетний ребенок чуть позже, увидев безвольное неподвижное тело когда-то сильного родного человека. « Мишка, качаясь, подошел к повозке, заглянул в лицо, искромсанное сабельными ударами: видны оскаленные зубы, щека висит, отрубленная вместе с костью, а на заплывшем кровью выпученном глазе, покачиваясь, сидит большая зеленая муха.

Мишка, не догадываясь, мелко вздрагивая от ужаса, перевел взгляд и, увидев на груди, на матросской рубаше, синие и белые полосы, залитые кровью, вздрогнул, словно кто-то сзади ударил его по ногам, - широко раскрытыми глазами взглянул еще раз в недвижимое черное лицо и прыгнул на повозку.

- Батянюшка, встань! Батянюшка миленький!.. – Упал с повозки, хотел бежать, но ноги подвернулись, на четвереньках прополз до крыльца и ткнулся головой в песок».

И сжимается в тисках печали сердце читателя от отчаянного в своей беспомощности крика Мишки, который из детства, не пережив пору отрочества, вступает во взрослую жизнь.

Итог работы над рассказом - обсуждение авторской позиции при изображении событий гражданской войны. Практика работы показывает, что семиклассники понимают гуманистический пафос произведения, в своих ответах указывают на чувство жалости к герою, оставшемуся сиротой, говорят о том, что М.А.Шолохов выносит суровый обвинительный приговор войне, жестокому миру взрослых: «М.А.Шолохов показывает, что гражданская война – народная трагедия, она затрагивает всю нацию и не щадит малолетних детей» (Виктор Г.)

«Из-за войны страдают невинные дети, которые остаются сиротами. Писатель осуждает войну» (Олег М.)

«Рассказ «Нахаленок» очень грустный, Это история про семилетнего мальчика, у которого война отняла отца. Шолохов хочет вызвать у читателей сочувствие герою Мишки.» (Илья С.)

«Война отнимает жизнь, причиняет много горя, делает детей сиротами. Шолохов против войны» (Павел И.)

«Идея рассказа заключается в осуждении войны. Война приносит страдания и боль. За вражду взрослых расплачиваются дети. У Мишки погиб отец. Разрушилась семья. « (Филипп Н.)

Внимание школьников обращается на второй аспект темы детства – страстный призыв писателя к гуманизму. Автор судит взрослых по отношению к детям, проверяет, осталась ли в их сердцах способность к состраданию, готовность помочь осиротевшему ребёнку.

Учитель отмечает третий аспект детской темы в творчестве М.А.Шолохова. Именно дети наполняют жизнь смыслом, дают силы справляться с бедами, противостоять жизненным невзгодам. С наибольшей убедительностью все три аспекта темы детства раскрываются в рассказе «Судьба человека».

Работа над этим произведением начинается с ответа на вопрос:

Почему в начале рассказа писатель изображает весну, указывая, что это первая послевоенная весна?

В ответах учащиеся поясняют, что весна – время обновления в природе. Первая послевоенная весна - надежда на мирную жизнь, счастье, автор изображает «мир, готовящийся к великим свершениям весны, к вечному утверждению живого в жизни».

Учащиеся получают задание прочитать описание внешности отца и сына.

Работая над портретной характеристикой, школьники обращают внимание на такие детали, как глаза, руки, одежда отца и сынишки. «Он положил на колени большие темные руки, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.»

« ... я, украдкой рассматривая отца и сынишку, с удивлением отметил про себя одно, странное, на мой взгляд, обстоятельство. Мальчик был одет просто, но добротно: и то, как сидела на нем подбитая легкой, поношенной цигейкой длиннополая курточка, и то, что крохотные сапожки были сшиты с расчетом надевать их на шерстяной носок, и

очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве курточки - все выдавало женскую заботу, умелые материнские руки. А отец выглядел иначе: прожженный в нескольких местах ватник был небрежно и грубо заштопан, латка на выношенных защитных штанах не пришита как следует, а скорее наживлена широкими, мужскими стежками; на нем были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки изъедены молью, их не коснулась женская рука...»

Школьники устанавливают разительное несходство в одежде взрослого и мальчика, говорят о том, как много пришлось пережить отцу, что отражается в его глазах; судя по одежде, он фронтовик. Описание внешности позволяет школьникам понять взаимоотношения отца и сына, добротная удобная одежда мальчика говорит об отцовской заботе и любви. Рассказ Андрея Соколова подтверждает, какие невзгоды пришлось ему пережить: фашистский плен, гибель жены, дочерей, сына. Кажется, у осиротевшего героя нет опоры в жизни.

Проводится работа над портретом Ванюшки. Учащиеся отвечают на вопросы:

Каким увидел мальчика-сироту Андрей Соколов?

Какие чувства испытал?

Содрогнется сердце при виде маленького оборвыша, грязного, как прах, ночующего, где придется, приблудившегося к чайной провинциального городка. Трудно смириться даже с тем, если бы таким был один ребенок, а их сотни тысяч - масштаб трагедии детского сиротства в разоренной войной стране.

Каким образом автор выражает сочувствие маленькому герою?

Следует обратить внимание на лексику при описании портрета Ванюшки, выражающую авторское отношение: маленький оборвыш, личико в арбузном соку, покрытом пылью, глазёнки - как звёздочки ночью после дождя! Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами передают нежность и сострадание писателя.

И какое же счастье обрести отца: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!» Этот крик Ванюшки на все времена как заклинание – у детей должны быть рядом родители.

Поступок Андрея Соколова, без колебаний решившего заменить мальчику отца, («Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети.») говорит не только о благородстве героя, но и о силе характера, способного жертвовать своим покоем, устоявшимся бытом. Соколов, переживший немецкий плен, гибель детей и жены, лишившийся дома, далеко не молод, ему сорок пять лет, здоровье подорвано лишениями. Читатель понимает: тяжело Андрею одному ставить на ноги малыша. Тревожно на душе у солдата, как прихватит сердце, тревожно от снов. Колочая проволока, которая во сне не оставляет героя, может разлучить его с приемным сынишкой. Кто был в плену, работал на фашистскую Германию, тот способствовал причинению вреда родной стране, и за это полагалось наказание. Так подсознательно в снах отражалась реальность.

Автор убежден, что его герой, «человек нестигаемой воли», все выдержит. До встречи с Ванюшкой Андрей Соколов доживал свои дни, сколько

их было ему отпущено. Теперь жизнь его наполнена смыслом, за трудом и повседневными заботами минуты счастья: «Ночью то погладишь его, сонного, то волосенки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...

Одна из задач заключительного этапа урока – обобщение наблюдений, выводы по обсуждаемой теме. Проверить уровень усвоения материала, установить обратную связь можно через серию вопросов:

Что нового открылось вам в творчестве М.А.Шолохова?

Почему в произведениях М.А.Шолохова важна тема детства?

В ответах школьников учитель акцентирует внимание на стремлении писателя выразить призыв к гуманизму, защите детей, недопустимости сиротства.

Определяется домашнее задание. Письменно ответить на вопрос: Какие мысли и чувства возникли у вас после обсуждения темы детства в произведениях М.А.Шолохова? Ответ подтвердите текстом.

В 11 классе в контексте темы гражданской войны в произведениях М.А.Шолохова на материале рассказов «Алёшкино сердце», «Продкомисар», «Шибалково семя», «Коловерть» тема детства должна получить другое развитие, другой уровень анализа. Один из вариантов работы над темой – групповая работа над предложенным учителем рассказом по плану:

Как автор изображает маленьких героев?

В каких жизненных ситуациях они оказываются?

Как изображаются взрослые?

Что руководит их поступками?

Как они относятся к детям?

Какова позиция автора?

Кто из взрослых героев вызывает авторскую симпатию?

Выводы по каждому рассказу записывают учащиеся всех групп. В конце обсуждения делается общий вывод по теме, выясняется авторский замысел.

По отношению к детям автор оценивает моральное состояние общества. Наступившее, по словам одного из героев Шолохова, смутное время показывает меру одичания людей, утрату традиционных нравственных цен-

ностей. Трагедия разлома, распада устоявшегося веками уклада жизни человека, втянутого в водоворот истории, вынуждает каждого сделать выбор, который обусловлен нравственным стержнем. Вот почему часто в одной семье отец и дети выбирают разные пути-дороги, становятся непримиримыми классовыми врагами. Не следуя зову крови, преступают и христианские заповеди, спокойно, внешне хладнокровно не только распоряжаются жизнью своих станичников, хуторян, друзей или соседей, но становятся убийцами родных по крови людей.

Автор проверяет, осталось ли в людях человеческое сердце или они дошли до крайней степени озлобления. Для этого не всегда нужно держать в руках оружие, можно убивать погибающего от голода парнишку, пробравшегося в погреб выпить молока, выдернутым из повозки шкворнем, а потом бросить вялое тело на ил, около речной воды («Алешкино сердце»). И это делает не казак, очерствевший душой от привычных на войне смертей, а Макариха – «баба ядреная и злая», забившая железным утюгом сестру Алешки и кинувшая девочку в давнишний обвалившийся колодец. За выпитое молоко, за съеденную картошку из постных щей – смерть! Животная злоба испепеляет женщину, она приводит в исполнение приговор по праву сильного: за сирот никто не спросит.

Есть у Шолохова и другие герои. Продкомиссар Бодягин и комендант Тесленко («Продкомиссар») с трудом уходят от погони восставших казаков. В пути Бодягин подбирает замерзающего мальчонку-сироту. Потеряно время. Уставшая лошадь, отягощенная грузом, заметно сдавала ходу. Тесленко кричал, чтоб продкомиссар бросил пацаненка, плетью стегал ему руки. Когда стало ясно, что не уйдут от погони, привязал Бодягин ремнем мальчишку поперек седла, ударил ножами шашки по крупу коня, а Тесленко свистнул пронзительным разбойничьим посвистом. «Долго провожали взглядами лошадей, взметнувшихся облегченным галопом. Легли рядышком. Сухим, отчетливым залпом встретили вынырнувшие из-под пригорка папахы...».

В рассказе «Алешкино сердце» писатель ведет скорбное повествование о гибели семьи героя. Мальчишка, чудом выживший после побоев расшивирепевшей соседки, батрачивший на станичного богатея, который «за каждую пустяковину бил его дурным боем», не озлобился, сохранил свое доброе сердце. Он не может бросить гранату в тех, кто поливал его пулями, пока он полз до сарая, потому что на руках у одного из них девочка лет четырех, к которой метнулась из хаты женщина. «Понял Алешка, что ему надо делать.

На гранату блестящую, на бутылку похожую, лег он животом, лицо ладонями закрыл...» От взрыва спасает Алешку политком Синицын, как спас раньше от голодной смерти.

Можно было бы усмотреть односторонний выбор персонажей, проявляющих звериную ярость в отношении тех, кто является для них классовым врагом. Однако Шолохов видит проявление сострадания независимо от политических предпочтений героев. Шибалок («Шибалково семья») убивает мать своего новорожденного ребенка, когда она призналась, что добровольно пришла из банды, чтобы погубить красноармейцев, и слезно просит товарищей сохранить жизнь ребенку. Сам он признается, что за год с младенцем натерпелся горя, а его однополчане, проявившие сострадание к новорожденному, впоследствии не раз советовали Шибалку освободиться от ребенка («За ноги его да об колесо!.. Что ты с ним страдаешь, Шибалок? »).

В рассказе «Коловерть» Михаил Крамсков говорит матери о своем племяннике: « А этого щенка возьмите от стола, а то я ему, коммуначьему выродку, голову отверну!..»[13] Он утверждает смертный приговор отцу и брату, оставляя сиротой племянника, и приказывает, чтобы не вызвать возмущение казаков-бедняков, тайно привести приговор в исполнение.

Часовой, охранявший пленных красноармейцев, позволяет Игнату при прощании обнять сынишку, отворачиваясь, делает вид, что не замечает.

Изображая детей, Шолохов призывает читателя к прощению и примирению. Невозможно обойти вниманием роман «Поднятая целина» хотя бы в обзорном рассмотрении с определением основных тем и анализом некоторых эпизодов. После исторической справки о коллективизации, движении «двадцатипятидесятников», отношении к зажиточным крестьянам, о политике ликвидации кулачества как класса учащиеся анализируют эпизод романа «Поднятая целина» (фрагмент главы IX книги первой) . Учитель предлагает школьникам рассмотреть поведение коммунистов при раскулачивании.

Согласен ли автор со своими героями?

Какова его позиция?

После раскулачивания семьи Гаева Размётнов потрясен и подавлен: «Я...Я... с детишками не обучен воевать!.. У Гаева детей одиннадцать штук! Пришли мы – как они взбюжались...На мне ажник волос ворохнулся!» Позиция Давыдова: «Ты их жалеешь?.. А они нас жалели? Враги плакали от слез

наших детей? Над сиротами убитых плакали?» Искать чуждых среди своих соплеменников, изобретать врагов, предполагать их постоянное появление как угрозу власти – жизнь по языческому закону око за око писатель не приемлет.

Давыдов говорит Андрею Размётнову: «Жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь, без таких вот... чтобы в будущем не повторялось... Ты – советская власть в Гремячем, а я тебя должен еще агитировать? – и с трудом, натужно улыбнулся. – Ну, выселим кулаков к черту, на Соловки выселим. Ведь не подохнут же они? Работать будут – кормить будем. А когда построим, эти дети уже не будут кулацкими детьми. Рабочий класс их перевоспитает». Закон не обязывает быть милосердным. Тот, кто руководствуется только законом и убежден, что видит ясные дорожные знаки на пути к лучшей жизни, может не подозревать, насколько это обманчивые указатели, которые могут направить на ложную дорогу. Современное прочтение романа снимает все идеологические предписания, мы руководствуемся в оценке поступков персонажей Шолохова историческими фактами и способностью героев снизить к тем, кто слабее. Сегодня нам ясно видится осуждение писателем логики выгоды якобы для большинства человечества, ибо организация общества на основе умозрительной идеи всегда сводится к тому, что прежде чем поднять человека, на него нужно наступить.

Страшным кажется нам признание Нагульнова. « Жале-е-шь? Да я...тысячи станови зараз дедов, детишков, баб...Да скажи мне, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета.. всех порежу! – вдруг дико закричал Нагульнов, и в огромных , расширенных зрачках его плеснулось бешенство, на углах губ вскипела пена». Неслучайно тут же показан начавшийся припадок контуженного Макара: говорить подобное не станет человек в здравом рассудке.

Анализируется эпизод главы V книги первой (прошлое Размётнова). Андрей не смог мстить за надругательство над женой и её смерть семье обидчика. Намереваясь расправиться с отцом Аникея Девяткина (старик с покорно-смирненным поклоном ожидал справедливого возмездия за преступление сына), Размётнов «уже занес пашку над стариковской шеей, но тут-то и посыпались ему под ноги с ревом, с визгом, с плачем разнокалиберные сопливые ребятишки.

- Руби всех их! Все они Аникушкиного помета щенки, - кричала Авдотья

—Аникеева жена. Попятился он, дико озираясь, кинул шашку в ножны и, не раз споткнувшись на ровном, направился к коню».

Может быть, мудрость Шолохова только теперь открывается читателю: научитесь прощать во имя жизни. Вспоминая пережитую боль, нельзя питаться только ненавистью.

Обращаясь к детской теме, М.А.Шолохов выразил взгляд на состояние мира, который переполнен злобой, агрессией, кровавой борьбой не на жизнь, а на смерть. Люди ожесточены и продолжают с ненавистью истреблять друг друга. Такой мир нуждается в сочувствии и сострадании. Утверждая гуманистические идеалы, писатель продолжал традиции русской классической литературы. Только через осознание вины, покаяние, способность к сочувствию и готовность снизойти до слабого человечество сможет вылечить себя, сохранить детей - свое будущее. Актуально звучит мудрый в своей простоте наказ Шолохова: люди, умеете прощать, берегите детей, чтобы жить в ладу со своей совестью.

Анализ рассказа М.А. Шолохова «Жеребёнок»

(для работы с мотивированными учащимися)

Рассказ М.А. Шолохова «Жеребёнок» востребован региональными (Ростовская область) образовательными программами по внеклассному чтению, «Донской литературе» и программами дополнительного образования Центров развития одаренности (ЦРО) – для учащихся первого года обучения (11-12 лет; младшая из четырех возрастных групп). Для урока внеклассного чтения рассказ привлекателен эстетической ценностью, глубиной нравственной проблематики, для педагогов Центров развития одаренности важны также и широкие возможности этого художественного текста для аналитической работы подростков над адекватным восприятием произведения, потому что одаренный ребенок – это ребенок, который выделяется яркими, очевидными, выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности (Рабочая концепция одаренности Богоявленской Д.Б.). Педагогическая ситуация, при которой одаренные учащиеся воспринимают процесс учения как личностное развитие, строится на системе заданий, вопросов, проблемных установок, освоении теоретико-литературных понятий, «озарений», открытий, деятельностного, экспериментального, аналитического подхода к тексту.

Преимущества использования концепции Центров развития одаренности для углубленного изучения произведений несомненны. Например, рассказу М.А. Шолохова «Жеребёнок» посвящается от 2 до 5 часов учебного времени, включающего просмотр короткометражного фильма режиссера В. Фетина «Жеребёнок» (1959 г.), фрагментов фильма режиссера Е. Ланской «Рожденный свободным» (США, 2005 г.) и анализ сильных позиций текста (название, начало, конец), выигрышных с точки зрения их взаимосвязи, оценки образов персонажей, динамики событий, системы деталей.

Начало рассказа – описание появления на свет жеребёнка: «Среди белого дня возле навозной кучи, густо облепленной изумрудными мухами, головой вперед, с вытянутыми передними ножонками выбрался он из маминой утробы и прямо над собою увидел нежный, сизый, тающий комочек шрапнельного разрыва, воющий гул кинул его мокренькое тельце под ноги матери. Ужас был первым чувством, изведанным тут, на земле. Вонючий град

картечи с цоканьем застучал по черепичной крыше конюшни и, слегка окропив землю, заставил мать жеребёнка – рыжую Трофимову кобылицу – вскочить на ноги и снова с коротким ржаньем привалиться вспотевшим боком к спасительной куче».

Первое, что почувствовал жеребёнок «тут, на земле» – это ужас. Жеребёнок не успел узнать, что такое влажные капли настоящего дождя, но уже «изведал» смертельный, разящий, «вонючий» град картечи, окропивший землю «среди белого дня возле навозной кучи». Первое, что он увидел, – «нежный... комочек шрапнельного разрыва», первое, что услышал, – цокающий стук картечи по черепичной крыше конюшни. Очеловечивание чувств жеребёнка, его ощущений подчеркивается образом материнства рыжей Трофимой кобылицы: «выбрался из мамашиной утробы», «под ноги матери», «мать жеребёнка». Несвоевременность прекрасного события – рождения новой жизни среди крови и смерти подчеркивается использованием сочетания противоположных по значению слов: «нежный, сизый, тающий комочек шрапнельного разрыва», «жизнерадостный строчащий стук» пулемета. Оксюморон усиливает впечатление, в первую очередь, человеческой трагедии (бой, перестрелка, стоны раненых) на фоне естественной природной гармонии: жужжание мух, пение петуха, звон пчел над качающимися маками. «Мокренькое тельце» жеребёнка беззащитно перед жестокостью принявшего его мира, даже мать, привалившаяся «вспотевшим боком к спасительной куче» навоза, не может его защитить сейчас от испытываемого ужаса.

Противопоставление мира природы и мира человека и их взаимопроникновение, неразрывность в одном времени и пространстве, намеченное в первом абзаце рассказа, становится более контрастным и неразделимым одновременно в дальнейшем повествовании: «В последовавшей затем знойной тишине отчетливей зажужжали мухи, петух, по причине орудийного обстрела не рискуя вскочить на плетень, где-то под сенью лопухов разок-другой хлопнул крыльями и непринужденно, но глухо пропел. Из хаты слышалось плачущее кряхтенье раненого пулеметчика. Изредка он вскрикивал резким осипшим голосом, перемежая крики неистовыми ругательствами. В палисаднике на шелковистом багрянце мака звенели пчелы. За станицей в лугу пулемет доканчивал ленту, и под его жизнерадостный строчащий стук, в промежутке между первым и вторым орудийными выстрелами, рыжая кобыла любовно облизала первенца, а тот, припадая к набухшему вымени матери, впервые ощутил полноту жизни и неизбытную сладость материнской ласки». Знойная тишина не абсолютна, она насыщена не только обычными звуками

мирной жизни, но и криками, стонами, ругательствами. Тем отчетливей, острее воспринимается тишина на фоне почти замолчавшего пулемета, детали мирной жизни переплетаются с реалиями военного существования. Торжественная окраска слов «высокого стиля»: «в последовавшей», «по причине», «под сенью», «знойная тишина», «шелковистый багрянец» – подчеркивает одновременно и чудо рождения жеребёнка, и трагичность его появления среди смерти и ужаса. И если не понятна, то вполне объяснима «горькая обида» Трофима: «Значит, ожеребилась? Нашла время, нечего сказать».

Образ стригунка-несмышлениша приобретает в рассказе символическое значение. Человеческая душа противится жестокости: первая мысль Трофима – убить, но рука, пять лет не ласкавшая детей, не поднимается «жеребёнка ликвидировать». И эскадронный командир, понимающий несвоевременность появления «жеребчика»: «в разгар гражданской войны и вдруг подобное распутство...», разрешает пощадить жеребёнка, который вызывает в нем тоску по дому, воспоминания о трудовых, исконно крестьянских занятиях: «пальцы, привыкшие к бодрящему холодку револьверной рукоятки, неуклюже вспоминали забытое, родное – плели фасонистый половник для вареников». Все, что связано с жеребёнком и его матерью, окрашено в светлые, жизнерадостные тона: «глаза лучили горделивую радость», «атласная верхняя губа ёжилась улыбкой», «жеребёнок на тонких пушистых ножках стоит, как игрушечный деревянный конёк». Связанное с войной окрашено в мрачные тона: «воющий гул», «вонючий град картечи», «кряхтенье раненого пулеметчика».

Проблематика рассказа затрагивает вопросы нравственного самоопределения человека: самопожертвование, главенствование общечеловеческих ценностей, милосердия. Среди смерти, войны и братоубийственных сражений жеребёнок пробудил в людях то истинно человеческое, что хранили в глубине своей души и Трофим, и эскадронный комиссар, и белый офицер. Но сочувствие, душевные переживания не меняют Трофима: несколько раз в горячке боя Трофим стреляет в «рыжего чертенка»: «Как-то, через месяц, под станцией Усть-Хоперской эскадрон Трофима ввязался в бой с казачьей сотней. <...> На полпути Трофим безнадежно отстал от своего взвода. Ни плеть, ни удила, до крови раздиравшие губы, не могли понудить кобылу идти наметом. Высоко задирая голову, хрипло ржала она и топталась на одном месте до тех пор, пока жеребенок, разлопушив хвост, не догнал ее. Трофим прыгнул с седла, пихнул в ножны шашку и с перекошенным злобой лицом рванул с плеча винтовку. <...> Трофим... схватил на мушку выточенную голову же-

ребёнка. Рука ли дрогнула сгоряча, или виною промаха была еще какая-нибудь причина, но после выстрела жеребёнок дурашливо взбрыкнул ногами, тоненько заржал и... стал поодаль. Обойму не простых патронов, а бронебойных – с красномедными носами – выпустил Трофим в рыжего чертенка и, убедившись в том, что бронебойные пули (случайно попавшие из подсумка под руку) не причинили ни вреда, ни смерти потомку рыжей кобылы, вскочил на нее и, чудовищно ругаясь, трюпком поехал туда, где бородатые краснорожие староверы теснили эскадронного с тремя красноармейцами, прижимая их к яру». В эпизоде переправы унесенного течением, попавшего в коловерт жеребёнка Трофим готов застрелить: «Убью! – выдохнул Трофим и потянул за ремень винтовку. <...> Жеребёнок ржал все реже, глуше и тоньше был короткий режущий крик. И крик этот до холодного ужаса был похож на крик ребенка. <...> Подрагивая, Трофим схватил винтовку, выстрелил, целясь ниже головки, засосанной коловертью...».

Жеребёнок не меняет людей, не делает их жалостливее или слабее, товарищи Трофима, красноармейцы, могут, когда надо, быть разумно жестокими: «В полдень переправа началась. <...> Левая пристяжная, не выдавшая воды, испугалась, когда на середине Дона комыга круто повернула против течения. <...>

– Стреляй!.. – заревел эскадронный, комкая плеть.

Трофим увидел, как наводчик повис на шее пристяжной, сунул ей в ухо наган. Детской хлопушкой стукнул выстрел, коренник и правая пристяжная плотней прижались друг к дружке. Пулеметчики, опасаясь за комыгу, придавили убитую лошадь к задку тачанки. Передние ноги ее медленно согнулись, голова повисла...».

Не меняет «потомок рыжей кобылы» и его «замечательный... как у лисы, хвост» и белого офицера, изможденного изнурительными боями, «в изорванной парусиновой рубахе», приостановившего стрельбу в то время, когда Трофим «волоком вытянул на песок ослизлое тельце жеребёнка». Почеловечески поняв желание Трофима спасти жеребёнка, чей «крик над водой был звонок и отточен, как жало шашки...», «до холодного ужаса был похож на крик ребенка», офицер, тем не менее, выстрелил в своего врага, убил и «равнодушно двинул затвором карабина». Жеребёнок позволяет героям рассказа не забыть, что они все-таки люди, но война не дает об этом помнить постоянно.

Доминирующая художественная антитеза рассказа «человечность – бесчеловечность» (Трифон – эскадронный – офицер). Через эту призму можно

проследить по тексту основной мотив рассказа, раскрывающийся в отношении героев к жеребёнку, к тому, что жестокая логика войны требует его «сничтожить», а то человеческое, что еще хранят в душе люди, что «сердце из камня обращается в мочалку», не позволяет. От «рыжего чертенка» веет домашним, родным и дорогим, веет тем, что защищают и Трофим, и эскадронный, и другие бойцы отряда, и даже белый офицер. Через взаимоотношения персонажей, осложненные суровыми законами войны, передано идейно-нравственное содержание рассказа, «гуманизм непривычного масштаба».

Обсуждение с учащимися доминирующей художественной антитезы рассказа «человечность – бесчеловечность» отталкивается от осознания мысли о том, что шолоховский «свирепый реализм» (Э. Гринвуд) – не просто повествование о событиях, происходящих на Дону в определенный исторический момент, но и трагедия каждого человека, трагедия всего донского казачества, всего народа России, пережившего страшные годы братоубийственной гражданской войны. Это важно учитывать педагогу и при построении системы вопросов, ведущих учащихся от понимания содержания к пониманию нравственной проблематики рассказа. Вопросы, ориентированные на обсуждение композиции, сюжета и системы персонажей произведения, традиционны: Какие основные события рассказа можно выделить? Какие из эпизодов можно назвать ключевыми? Какие особенности кульминационного момента вы можете отметить? Охарактеризуйте основных персонажей рассказа. Каковы их взаимоотношения? Почему Трофим сразу не исполнил приказ эскадронного – «пристрелить жеребёнка»? Почему эскадронный жалеет жеребёнка? Что сближает героев рассказа? Каковы особенности создания их портретов? и др.

Вопросы, рассчитанные на понимание проблематики рассказа, связаны, в первую очередь, с анализом авторской позиции и нравственных проблем:

- Проанализируйте с точки зрения использованных языковых средств первый абзац рассказа. С какой целью автор их использует?

- Обратите внимание на авторские комментарии, сопутствующие описанию основных событий рассказа. Какова их роль?

- Какие чувства своих героев старается передать нам автор?

- Какие ключевые слова вы можете отметить в рассказе? Какова их роль?

- При помощи каких художественных приемов автор передает чувства Трофима по отношению к новорожденному жеребёнку?

- Как соотносятся внутренние переживания персонажей с их внешними поступками?

– Какие художественные средства использует автор, чтобы передать внутренний мир своих героев?

– В какой исторический период происходят события, изображенные в рассказе?

– Какова главная мысль рассказа? При помощи каких художественных средств она раскрывается?

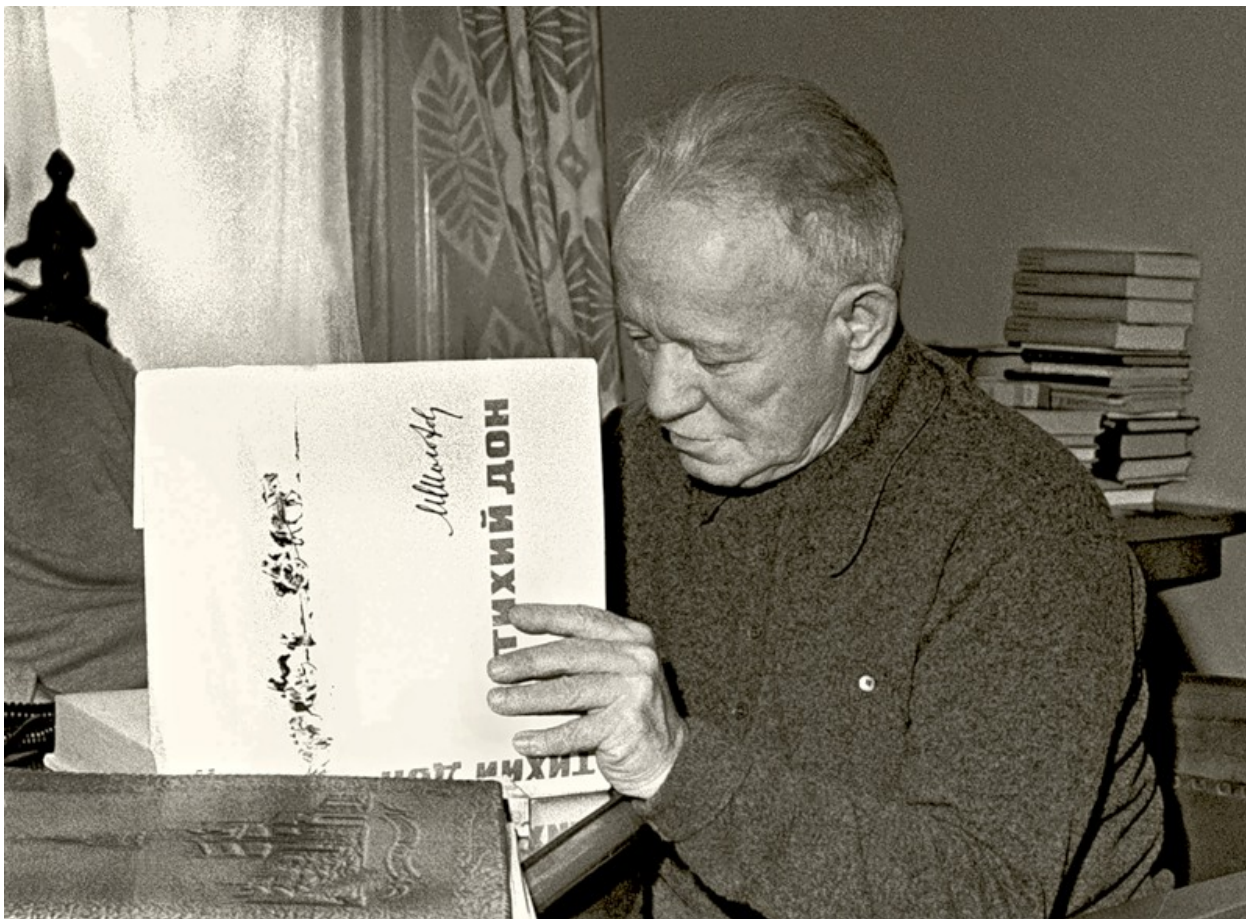
– Каков смысл названия рассказа?

– Какие художественные средства передают главную антитезу произведения: человечность – бесчеловечность, мир – война, жизнь – смерть, созидание – разрушение?

– Какие вечные проблемы затрагивает произведение?

В основе рассказа почти языческая связь человека с землей и со всем живущим на земле. Вопреки жестокой логике войны появился на свет «жеребёнок на тонких пушистых ножках», который своим домашним видом напоминает воюющим о мирном быте, о семье. Вопреки жестокой логике войны, на которой гибнут Трофим, «щербатый старовёр», «в прах изрубленный москлявенький казачок», казаки и красноармейцы, жеребёнок остается цел и невредим: «не стоптали поганца в атаке, промеж ног крутился...».

Хрупкость, незащищенность жеребёнка, его радость миру и жизни подчеркнуты не только контрастными сценами военного быта, но и утонченными пейзажными зарисовками рассказа, раскрывающими незащищенность, хрупкость всего мира: луг, на котором розовеет роса, «истоптанный сапогами, изрытый окопами, напоминал заплаканное, измятое горем лицо девушки», «вода кучерявится завитушками», «зеленые гривастые волны с наскока подталкивают меловые глыбы». Пейзаж одухотворен, соотнесен с человеком, с течением жизни, то оттеняя несовершенство человеческой жизни, то гармонически сливаясь с душевным миром человека: «эскадрон похож был на ватагу диких гусей, рассыпанную выстрелами охотников»; «против старого монастыря Дон, притиснутый к горе, мчится с бесшабашной стремительностью. <...> Если б казаки не заняли колена, где течение слабее, а Дон шире и миролюбивей, и не начали оттуда обстрела предгорья, эскадронный никогда не решился бы переправлять эскадрон вплавь против монастыря». Рассказ пронизывает мысль о тяжелом, мучительно взаимосвязанном противоречии всепоглощающей силы жизни, гармонии естественного, природного и насильственного уничтожения жизни, дисгармонии, вносимой в природу человеческими поступками, о противоречии внутреннего стремления человека к жизни в гармонии с природой и силой жестоких обстоятельств окружающего мира.

*Камнева Мария,
ученица 10-го класса
ГБОУ «Школа № 1251 им. Шарля де Голля»*

История написания главной книги М. Шолохова «Тихий Дон»

Михаил Александрович Шолохов – великий советский писатель и общественный деятель. Он родился 24 мая 1905 года. Участвовал в Гражданской войне, служил в продотряде. В конце 1922 года приехал в Москву, где получил начальное образование. Затем он учился в гимназии в Воронежской губернии в городе Богучаре. Приехав в Москву для продолжения образования и не поступив, вынужден был сменить множество рабочих специальностей, чтобы иметь средства к существованию. Однако в биографии Михаила Шолохова всегда находилось место для самообразования.

Михаил Шолохов написал большое количество известных произведений, таких как «Тихий Дон», «Поднятая Целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека».

Всероссийскую и мировую известность Шолохову принес роман «Тихий Дон», который повествует о жизни донского казачества во время Первой

Мировой войны, о революционных событиях 1917 года, а также о гражданской войне в России. Во время Второй Мировой Войны роман был переведен на множество языков и достаточно быстро набрал популярность как во всем мире. Первые три тома были написаны с 1925 по 1932 год, то есть они писались в течении 7 лет. Публиковали «Тихий Дон» в период с 1928 по 1932 год в журнале «Октябрь». Четвертый том был закончен в 1940 году, публиковался в журнале «Новый мир» с 1937 по 1940 год.

За этот роман в 1965 году Шолохову была присуждена Нобелевская премия по литературе. Также данное произведение имеет три экранизации.

По словам Михаила Александровича, он начал писать «Тихий Дон» осенью 1925 года. Однако совсем скоро Шолохов осознал, что читателям будет сложно понять события во время революции на Дону без всякой предыстории. Так что на год он приостановил написание романа. Во второй половине 1926 года, после долгого обдумывания и обработки материалов, Шолохов принялся писать заново, начиная историю с предвоенного времени.

В 1928 году журнал «Октябрь» начинает публиковать роман по частям, которых всего 5. В мае 1928 года издательство «Московский рабочий» печатает первую книгу, которая состоит из первых трех частей. За ней выходит и вторая, с 4-ой и 5-ой частью. Книга имеет оглушительный успех у читателей, и Шолохов сразу становится знаменитым. Его приглашают быть участником различных творческих вечеров, выступать с главами из своего романа, обсуждать их.

Однако часть публики считала, что столь молодой возраст и столь малый жизненный опыт писателя несопоставимы с произведением такого масштаба. Данное мнение актуально и по сей день. Существуют сомнения в том, что произведения Шолохова, в особенности «Тихий Дон», принадлежат его перу. И правда, Михаил Александрович начал писать «Тихий Дон» в возрасте 20 лет. Это заставляет задуматься, а Шолохов ли вообще написал этот роман? Может ли человек в столь молодом возрасте задумать и создать столь монументальное произведение, за которое спустя несколько десятков лет получит Нобелевскую премию по литературе? Думаю, в этом следует разобраться.

Сразу после публикации романа в 1928 году выдвигались подозрения, что Шолохов не является автором «Тихого Дона». Позже ставилось под сомнения авторство и других произведений писателя, однако больше всего внимания, конечно же, привлек к себе именно «Тихий Дон». Первые слухи о плагиате гласили, что Шолохов присвоил себе рукопись, которую достал из сумки неизвестного белого офицера, и опубликовал её под своим именем.

Слухи усилились после публикации в 1930 году сборника памяти Леонида Андреева, в котором было письмо Андреева критику Сергею Голоушеву, датированное 3 сентября 1917 года. В этом письме Андреев упоминал «Тихий Дон» Голоушева, который после этого стал среди сторонников плагиата первым претендентом на звание подлинного автора. Лишь в 1977 году известный советский историк Рой Медведев выяснил, что речь в письме шла всего лишь о путевых заметках под названием «С Тихого Дона», опубликованных в одной московской газете.

Первое время Шолохов не обращал внимания на многочисленные слухи о плагиате, но впоследствии писал: «Мне надоело быть вором. На меня и так много грязи вылили». Желая покончить раз и навсегда с подозрениями в плагиате, Михаил Александрович обратился в газету «Правда» и предоставил свою рукопись романа и все черновики и наброски, которые у него были на тот момент. Для рассмотрения этой проблемы была сформирована специальная комиссия. В конце марта 1929 года в газете «Правда» было напечатано письмо от РАППа (Российской Ассоциации Пролетарских Писателей), в котором говорилось, что все обвинения, выдвинутые против Шолохова, являются клеветой и ничем более. После публикации данного письма слухи о плагиате немного поутихли.

Но до сих пор вопрос остается открытым, поскольку факт того, что Шолохов показал свои рукописи комиссии, не говорит о том, что он сам написал это великое произведение. К сожалению, у многих исследователей на результат их работ влияет именно личное отношение к автору, как симпатия, так и антипатия. Уходя немного в сторону и разбирая возможные политические мотивы данного решения, можно предположить, что для апологетов социалистического строя возвеличивание простого крестьянина и возведение его на пьедестал социалистической литературы могло быть просто сиюминутно политически-выгодным действием. Ведь, если задуматься, нет никаких доказательств как авторства, так и плагиата, и в настоящее время эта коллизия обсуждается в обществе, и никто не в силах доказать то или иное.

Я считаю, что «Тихий Дон» - это, все же, работа Шолохова. Конечно, его возраст в период написания первых частей романа заставляет усомниться в его авторстве, поскольку слишком уж он молод для такого глобального, а главное, пропитанного трагедией и болью, произведения. Неужели человек, которому едва исполнилось 20, может так точно и так красочно передавать чувства, переживания и атмосферу того времени? Возможно. Мы встречаем примеры, что и в более молодом возрасте миру открывались гениальные сы-

ны человечества: Пушкин, который в 23 года начал писать роман в стихах "Евгений Онегин", Лермонтов, который в 23 года написал свои знаменитые "Смерть поэта" и "Бородино", в 25 лет — "Мцыри", а в 26 — "Героя нашего времени", Гоголь, который в 22 года написал "Вечера на хуторе близ Диканьки». Также, мы можем вспомнить великого русского поэта Сергея Есенина, который в 21 год опубликовал сборник стихотворений "Радуница", в 23 года - сборник "Сельский часослов" и приобрел широчайшую известность. И это только русские писатели! Существует множество примеров зарубежных писателей, поэтов, да и не только людей, проявивших себя в литературной сфере, а музыкантов, композиторов, художников.

Тем более, если вспомнить время, в которое писался роман «Тихий Дон», можно понять еще одну вещь: время революции и гражданской войны многократно ускорило развитие человеческой личности. В принципе, война заставляет человека взрослеть гораздо быстрее.

Приведенные выше примеры заставляют меня принять точку зрения, которая гласит, что авторство романа «Тихий Дон» принадлежит господину Шолохову, а все слухи о плагиате — это простая зависть и всего лишь клевета завистников и недоброжелателей.

Концепция семьи в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»

"Семья – сокровенный союз мужчины и женщины, узаконенный человеческими традициями и установлениями и освящаемый Церковью через таинство бракосочетания, союз, имеющий следствием и целью дальнейшее совместное жизнеустройство и продолжение рода" (В. Ю. Троицкий «Русская семья. От рождения к вечности»). Если это внимательно прочитать и осознать, то в этой формулировке всё.

Сокровенный – это и кровный и тайный, когда понимают, почему "не выносятся сор из избы" (как сейчас). Семье – не все равно "пусть говорят" или "не пусть говорят". Там нет понятия "пожить для себя". Ведь высший смысл – это дети. В русской литературе и прочность государства проверялась через прочность семьи. У М. А. Шолохова это очевидно.

"Русская семья – семья, придерживающаяся русских национальных традиций в бракосочетании, устроении жизни, в соблюдении основных духовно- нравственных представлений и постулатов в отношениях между супругами и в воспитании детей". У Шолохова старшие всегда требуют и отчёта от младших. Старшие несут бремя ответственности и любви. Поэтому такое отношение к изменам, которые всегда в основе имеют страсть (грех), а не любовь. Там где ломается иерархия авторитетов и т.д., разрушается семья и гибнет жизнь.

Добрая русская семья испокон века складывалась как соборная общность. Люди, сопричастные традиционному укладу жизни, родным обычаям, традициям и отеческой вере, воссоединялись и освящались ею. Да и судьба человека мыслилась на Руси неразрывно с семейным его бытием. Здесь – храм рода, малая церковь, «духовный очаг».

Семья начинается со слова – «люблю». Будущее семьи – это ее род и производные от этого слова — родители, рождение, родственники, родные, родословная, родина...

Воспитывающая сила русской семьи держалась на традициях почитания и повиновения старшим, на педагогике наставничества, на авторитете заботливого и любящего отца и благочестивой и усердной матери. У семейного очага православной семьи детей учили не только грамоте, но и

трудолюбию, доброте, состраданию, наставляли на путь истинный (В. Ю. Троицкий «Русская семья. От рождения к вечности»).

В романе-эпопее «Тихий Дон» М.А. Шолохов, семейная проблема – не просто одна из важных в произведении М.Шолохова, в ней находит непосредственное выражение главная эпопейная проблема - судьбы нации.

Особенность «Тихого Дона» М.А. Шолохова состоит в том, что главное место в нем занимает семья, и только через изображение жизни семьи, быта семьи, семейных отношений можно понять, как развивается государство и нация. Но нельзя рассматривать семью в романе «Тихий Дон» вне христианской культуры, вне этнокультуры, потому что герои романа — казаки, а это особое сословие.

Если мы откроем Большой энциклопедический словарь, то прочтем, что «КАЗАЧЕСТВО, военное сословие в России в 18 - нач. 20 вв. В 14-17 вв. вольные люди, работавшие по найму, лица, несшие военную службу в пограничных районах (городовые и сторожевые казаки); в 15-16 вв. за границами России и Польско-Литовского государства (на Днепре, Дону, Волге, Урале, Тереке) возникают самоуправляющиеся общины т. н. вольных казаков (главным образом из беглых крестьян), которые являлись главной движущей силой народных восстаний на Украине 16-17 вв. и крестьянских войн в России 17-18 вв. Царское правительство стремилось использовать казачество для охраны границ, в войнах и т. д. и в 18 в. подчинило его, превратив в привилегированное военное сословие.

В нач. 20 в. существовало 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Оренбургское, Забайкальское, Терское, Сибирское, Уральское, Астраханское, Семиреченское, Амурское и Уссурийское). В 1916 казачье население св. 4,4 млн. человек, св. 53 млн. десятин земли. В 1-ю мировую войну выставило ок. 300 тыс. человек. В 1920 казачество как сословие упразднено. В 1936 были созданы донские, кубанские и терские кавалерийские казачьи соединения, участвовавшие в Великой Отечественной войне (расформированы во 2-й пол. 40-х гг.). С кон. 1980-х гг. началось возрождение традиций, культуры и быта казачества, появились казачьи организации».

Из этого определения мы понимаем, что казаки — прежде все вольные люди на службе государя, только ему одному подчиняющиеся, это люди, придерживающиеся традиций, устоев, которые завещали предки, люди, боящиеся Бога.

В романе «Тихий Дон» М.А. Шолохов показывает нам жизнь казачества в период 1912-1922 гг. На примере жизни нескольких семей автор

хочет показать нам, как губительна, разрушительна война, как она стирает с лица земли семьи, в которых нет традиций, уважения, любви.

В своей статье я рассматриваю семью Мелеховых как эталон жизнеустройства и отношений между членами семьи.

Семья Мелеховых — духовный, культурный, исторический центр романа «Тихий Дон» патриархальная семья, придерживающаяся заветов, данных предками.

Глава семьи — Пантелей Прокофьевич, как его называют исследователи «патриарх семьи». Его история очень печальна. Он рос без матери, «пленной турчанки», которую отец привез из похода. Дед Пантелея не благословил союз сына и иноверки и отселил их. И здесь мы видим, как сильна христианская культура среди казаков: союз долго не продержался без благословения. Жену Прокофия убили казаки, решив, что она ведьма и губит их скот. Она в это время была беременна, и сын родился недоношенный, все думали, что он умрет, но он выжил: его выходила бабушка, мать Пантелея — хранительница очага. Отец женил Пантелея «на казачке — дочери соседа. С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному — Турки.» (I, 7) Пантелей Прокофьевич, как и отец, придерживался семейных устоев, заложенных предками: когда он узнал о романе Григория с Аксиной Астаховой, замужней соседкой, то запретил сыну и думать о ней, потому что она «чужая жена». Пантелей Прокофьевич верил в святость венчанного брака. Ведь со своей женой Ильиничной он прожил многие годы, хотя и играла в молодости в нем турецкая кровь.

Ильинична — женское начало семьи Мелеховых, хранительница очага. Она как настоящая жена, боевая подруга в молодости молча сносила тяжелый характер мужа, порой ходила по несколько недель в синяках от его побоев, но, прожив с мужем достаточно времени, настолько хорошо его изучила, что именно Ильинична вложила в голову Пантелея Прокофьевича мысль о том, что надо женить Григория именно на Наталье Коршуновой. «Точила его как ржавь железо». Ильинична — не покорная, а очень мудрая и терпеливая жена и мать. Она имеет свое суждение по каждому вопросу, касающемуся ее семьи. Например, когда Дуняшка собралась замуж за Мишку Кошевого, Ильинична до последнего была против, потому что с этим браком были не согласны ни Пантелей Прокофьевич, ни Григорий. Только когда Дуняшка поставила мать перед фактом о своем замужестве, Ильинична их благословила т. к. понимала, что без материнского разрешения молодым

жизни не будет. Здесь мы можем вспомнить Евангелие, «Притчу о блудном сыне», которая является актуальной для интерпретации судеб героев романа. По-видимому, недаром сестра Григория названа Дуняшкой, Дуней. Читатель не может не вспомнить ее тезку из «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина - блудную дочь. Дуняшка, подобно Дуне, хочет выйти замуж вопреки родительской воле. Впрочем, Ильинична оказывается мудрее Самсона Вырина. Она иконой благословляет непокорную дочь на брак, сохраняя семью и мир, обеспечивая преемственность поколений. Но и сама Дуняшка гораздо крепче, чем Дуня Вырина, привязана к традициям, вере, семье. Ей важно не просто жить вместе с Кошевым, а состоять с ним в браке, освященном Церковью. Она даже умудряется уговорить ярого коммуниста на венчание. В отличие от евангельского отца, который ждет покаяния от сына, мать Дуняшки Ильинична сама делает первый шаг к примирению, прощая и непослушную дочь, и убийцу своего старшего сына, не допуская ухода дочери из дома, не пуская междоусобицу в центральную семью романа. Таков путь завершения гражданской войны в пределах отдельно взятой семьи: забвение старых обид, прощение, милосердие. Принцип семейственности имеет концептуальное значение в романе. Кстати, как и в Евангелии: старший сын даже рассердился, увидев, с какой радостью отец встречает младшего - блудного. ' Может показаться, что благословение Ильиничны уже ничего не решает, ведь Дуняшка собралась во что бы то ни стало связать свою жизнь с Кошевым. Однако на духовно-нравственном уровне повествования поступок Ильиничны едва ли не то, ради чего был задуман весь эпизод со свадьбой.

Как бы ни любила Ильинична Григория, она не стала препятствовать мужу в том, чтобы тот выгнал сына из дома, потому что признавала святость брачных уз.

Как пишет Цыценко И.И. в своей диссертации «Женщина-мать, женщина-хранительница домашнего очага почиталась казачеством». Если хозяйственные вопросы решал муж, то жена была ответственна за духовность и мораль дома. На ней лежали основные заботы о доме и подрастающем поколении. Дети уважали мать, прислушивались к ней. Сыновья, уезжая на войну, получали материнское благословение. «Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родной земли.» (II, 278) И оно хранило их в бою. «Крест и молитву, зашитое в материнское благословение» (II, 307) носит с собой и Петро, но собственно сцены благословения Ильиничной Петро и Григория отсутствуют. И такой образ

женщины-матери в лице Ильиничны и нарисовал М.А. Шолохов. В сцене проводов Григория на войну в III томе мы видим четкий христианский мотив, наполненный глубоким смыслом: «Пантелей Прокофьевич пошел седлать коня, а Ильинична, крестя и целуя Григория, зашептала скороговоркой:

- Ты бога-то... бога, сынок, не забывай! Слухом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил... Господи! Да ты, Гришенька, опамятуйся! У тебя ить вон, гля, какие дети растут, и у энтих, загубленных тобой, тоже, небось, детки поостались... Ну как же так можно! В измальстве какой ты был ласковый да желанный, а зараз так и живешь со сдвинутыми бровями. У тебя уж, гляди-кось, сердце как волчиное исделалось... Послухай матерю, Гришенька! Ты ить тоже не заговоренный, и на твою шею шашка лихого человека найдется...

Григорий невесело улыбнулся, поцеловал сухую материнскую руку...» (IV, 332-333). В этой речи Ильиничны четко прослеживается материнская правда. Какие бы ни были большевики, они прежде всего люди со своими судьбами, семьями. У них тоже, наверняка, дети дома остались, которые будут расти без отцов. И это, по мнению любой матери, неправильно. И последний наказ Григорию так и звучит, что «у тебя тоже дети, тебя могут тоже убить, но не бери грех на душу, не убивай других». Мать призывает сына к милосердию и состраданию по отношению к красным, которые убили ее сына. Смерть Петра не озлобила, не ожесточила ее. Она прощает своих врагов и даже проявляет к ним сочувствие, тем самым являя пример подлинно христианского человеколюбия.

Ильинична внешне подчиняется Пантелею Прокофьевичу: не перечит ему, выслушивает его брань. Но ее роль заключается не только в работе по дому и распределении обязанностей. Ильинична — главный источник любви и мудрости, питающий семью. Дети, даже став взрослыми, стремятся к матери, хотят получить ее одобрение. Именно она воспитала их такими, какими мы видим их в романе. Петро, Григорий и невестки любят и уважают ее, хотя она бывает с ними строга. После смерти Петра Ильинична старалась соблюдать Дарью, старшую невестку, хотя и понимала, что если та не была верна мужу при его жизни, то после его смерти и подавно.

Пантелей Прокофьевич тоже любит своих детей. Вспомним, когда пришло известие о том, что Григорий убит, то Пантелей Прокофьевич изменился в одночасье: постарел, заболел, чуть не умер. Но когда Григорий вернулся домой, да еще и с повышением по службе, отца было не узнать. Он был готов обнять весь мир, всем рассказать о том, что его сын жив. Отец

гордился внешними успехами сыновей: получили ордена, стали офицерами, Григорий затем стал генералом. Но нет между отцом и сыном духовной близости. Когда Григорий решает уйти из армии, то Пантелей Прокофьевич его начинает учить и всячески пытается переубедить.

Пантелей Прокофьевич — самый настоящий рачительный хозяин своего база и куреня. «Пантелей Прокофьевич, получив освобождение от службы, деятельно приводил в порядок постройки и огорожу. Да и разве можно братья за молотьбу, ежели двор стоял разгороженный, амбара не было и в помине и все хозяйство являло мерзостный вид разрухи?» Для него совершенно естественно что-либо починить или дать наказ сыновьям «Пособи плетни поставить, гумно загородить, а то скрозь все повалено...». (IV, 65)

Пантелея Прокофьевича и Ильиничну можно назвать идеалом казачьей семьи, хранителями традиций. Как в старые времена в их обязанности входит не только уход за домом, но и соблюдение добрых отношений между братьями и семей своих детей в чистоте и благополучии. В этой семье соблюдается четкая иерархия: дети слушаются родителей и подчиняются им. Если дети не слушают советов, то их жизнь постепенно разрушается.

Когда Дарья в годы войны отбилась от рук, «наверстывала за всю голодную безмужную жизнь» (II, 58), Пантелей Прокофьевич, «злой как черт», проучил невестку новыми ременными вожжами (II, 59), а Ильиничне наказал: «Ты Дашку не милуй! Нехай побольше работы несет. За делами некогда будет блудить-то...» (II, 59). Строгость старика связана отнюдь не с тем, что Дарья — «чужая кровь», к собственному сыну он предъявляет такие же требования. Приметив ухаживания сына за Аксиньей, Пантелей Прокофьевич разговаривает с ним «жестко и зло»: «Степан нам сосед, и с его с бабой не дозволено баловать. Тут дело может до греха избирать, а я наперед упреждаю: примечу - запорю!» (I, 20). Позже, когда уже женатый на Наталье Григорий не оставляет свою любовную связь, Пантелей Прокофьевич идет на очень тяжелый для себя шаг — выгоняет родного сына из дому. Его моральный суд однозначен: «Я ее не сужу. Хучь и страмно и перед богом грех, а я не сужу: не за ней вина, а вот за этим сукиным сыном! — Пантелей Прокофьевич указал на прислонившегося к печке Григория!» (I, 150). И уже когда Григорий с Аксиньей жили в Ягодном и у них родился ребенок, то Григорий, возвращаясь с войны и не зная об измене, чувствовал, что идет «вот к чужой жене на побывку, без угла, без жилья, как волк буерачный...» (I, 345). Такие мысли свидетельствуют о том, что Григорий близок к своей семье и разлука с ними его тяготит.

Но несмотря на внешнюю, казалось бы, строгость нравственных

оценок, Пантелей Прокофьевич и Ильинична никогда не отворачиваются от своих детей, а наоборот, хотят уберечь их от ошибок защитить. Когда Дарья утопилась, и отец Виссарион отказался ее отпевать и хоронить на кладбище, Пантелей Прокофьевич приложил все усилия, чтобы упокоить невестку по-христиански. «За кладбищем я ее зарывать не буду. Она мне не сбоку припека, а родная сноха» (IV, 180).

Семью как сокровенное воспринимали и младшие Мелеховы. Они подчиняются родителям не потому, что боятся отлучения от дома, а понимают всю важность советов и решений, принимаемых семьей. Младшее поколение семьи тоже имело право голоса. Отец и мать безоговорочно решали только сложные семейные проблемы, а на семейном совете, который обычно происходил за столом во время обеда или ужина, каждый имел возможность высказаться. Пантелей Прокофьевич тоже был не прочь по некоторым вопросам посоветоваться с семьей, выслушать их мнение.

Один из серьезных семейных советов состоялся перед приходом красных на хутор Татарский. Было решено, что мужчины уезжают, а женщины с детьми остаются присматривать за домом и скотиной. Но вдруг все переменялось. И Григорий высказал ту мысль, которая была в голове у каждого: «Смерть - ее нечего искать, она и тут налапает» (III, 100).

Но не только открытые семейные советы были в семье Мелеховых. Некоторые вопросы предпочитали не выносить на общий суд, а обсудить дела с глазу на глаз. Например, Пантелей Прокофьевич ругает Григория из-за связи с Аксиньей, Дарья говорит Наталье о своей болезни, Наталья изливает душу Ильиничне о нежелании иметь больше детей от Григория. И что характерно, эти разговоры происходят не дома, а на улице, словно оберегая дом, сокровенное от нечистоты и греха.

Но в семье Мелеховых все же больше событий, о которых знает вся семья. В этой семье есть свобода выбора: Петр по своему желанию женится на Дарье, Дуняшка тоже хочет, чтобы ее выбор приняли, Григорий женится на Наталье. Хотя потом он обвинил родителей в том, что они насильно его женили, но сам он браку не противился и решил сам порвать с Аксиньей.

Самое главное в любой семье — это дети. Дети в казачьем мире считались продолжением казачьего рода, казачьего корня. Рождению детей и внуков искренне радовались, подтверждение тому в романе - отношение Пантелея Прокофьевича к внукам, которых он балует, которым прощает шалости, в которых души не чает. Отсутствие детей в традиционном понимании - кара Божья, и хотя эта мысль прямо нигде в романе не озвучена, анализ многих сюжетных линий позволяет

предполагать, что в шолоховском миропонимании она занимает важное место. И на примере семьи Мелеховых мы можем проследить как происходит угасание рода.

У Пантелея Прокофьевича и Ильиничны было трое детей: два сына и дочь. Это говорит о том, что и отец, и мать смогли им передать свои знания о жизни, об устройстве семьи, о традициях и обычаях. Дуняшка настояла на венчании с Мишкой Кошевым, потому что она считала, что без Божьего благословения не будет им счастья. Но остается за рамками романа, появились ли у Дуняшки дети или нет.

У Петра и Дарьи не было взрослых детей. В начале романа мы видим Дарью, сидящую около люльки и качающую ребенка, но мы не знаем кто это: мальчик или девочка. Потом из коротенькой записки Григорию на фронт мы узнаем, что «дите померло». Это свидетельствует о том, что Петр и Дарья жили неправильно: Дарья позволяла себе гулять от мужа в его отсутствие, а уж после его смерти и вовсе перестала стыдиться своих походов, за что и поплатилась неизлечимой болезнью и покончила жизнь самоубийством. М.А. Шолохов именно так убивает свою героиню, показывая тем самым всю несправедность жизни этой семьи.

У Степана с Аксиньей ребенок умер во младенчестве. Мы можем предположить, что здесь сыграл роль двойной грех, который лежал на семье Аксиньи (ее изнасиловал отец, а отца убил брат Аксиньи, т.е. сын, а грех отцеубийства страшен) и, конечно, же то, что Аксинья совершила грех прелюбодеяния, т.е. начала встречаться с Григорием.

У Григория с Аксиньей дочка умерла во младенчестве, когда они жили в Ягодном. В данном случае мы можем говорить о том, что у Аксиньи не было как такового материнского чувства. Дочку она любила, потому что она родилась от Григория: «Вся любовь ее к Гришке перекинулась на дочь, и особенно после того, как, убедилась Аксинья, что подлинно от Гришки понесла она ребенка» (1,318). Даже после смерти Ильиничны, когда Аксинья берет к себе детей Григория, она оставляет их, чтобы сбежать с хутора с ним.

У Натальи и Григория родилось двое детей: сын Миша и дочка Полюшка. Это свидетельствует о том, что Наталья — истинная жена и мать: она любит Григория, прощает его измены, всегда надеется на лучшее. После ухода Григория из семьи в Ягодное с Аксиньей она сначала возвращается в дом к родителям, но спустя некоторое время переходит жить к Мелеховым, потому что они с Григорием женаты. Наталья — динамичный характер. Она развивается так же, как и Григорий. Но на каком-то определенном этапе она перестает слушать советы старших (Ильиничны) и принимает решение, за которое расплатится своей жизнью. Ее смерть явилась рубежом и крахом мечты Григория о спокойной семейной жизни. Знаковой явилась смерть Полюшки, одной из последних женщин в мелеховском роду. С ней как бы

ушли в небытие те семейные традиции, которые веками складывались в казачестве и передавались от матери к дочери.

На примере семьи Мелеховых мы можем наблюдать, как при разрушении государства разрушатся основная ячейка общества – семья. И что самое страшное, теряются корни, забываются традиции. Гибнут люди вдали от дома: из семьи Мелеховых только Ильинична и Наталья умирают дома как хранительницы очага, жены, верные подруги. Пантелей Прокофьевич умирает на чужбине, один, без семьи. Только Григорий смог с ним проститься, но уже после смерти. Дарья топится в Доне, Петра убивает Кошевой. И что знаменательно, именно Михаил помогает Дуняшке восстанавливать курень. Это как символ становления нового государства и новой жизни, в конце романа остается только одна семья – семья Кошевых. Но это уже семья, построенная по новым законам: Дуняшка как хранительница старых традиций казачьего быта, а Кошевой – новый человек, принявший советскую власть и следующий ее законам. Но все-таки это именно семья, потому что, следуя христианским традициям, Дуняшка настояла на венчании, хотя Михаил был против. Ведь именно он поджег дом отца Виссариона в один из своих приездов на хутор Татарский.

Еще одна семья, о которой говорит М.А. Шолохов в своем романе это семья Коршуновых. В начале романа мы видим крепкую семью, одну из самых зажиточных на хуторе. Они, конечно, нанимали работников для ведения хозяйства, но и сами не гнушались убирать урожай, работать в поле. Глава семьи – Мирон Григорьевич, человек уважаемый. Именно его выбрали на одном из сходов новым атаманом. Но в период гражданской войны его убили, и семья начала разрушаться. Сын, Митька, не принял новую власть, подался к «белым». Что примечательно: курень Коршуновых сжигает Мишка Кошевой. Митька в отместку убивает мать Кошевого, старую, беззащитную женщину. «... Митрий ваш накинуд старухе оборку на шею и волокет ее по земле, чисто как собаку, прости господи! Подтянул ее к сараю, она, сердешная, и голосу не подает, должно, уж без памяти была... На моих глазах и задушили бедную старуху...». В этом заключается символ полного распада общества: мать дает жизнь, воспитывает, а убийство матери как отказ от корней, дома. Именно поэтому в конце романа курень Коршуновых стоит как памятник прошлой мирной жизни, обугленный. И мы ничего не знаем о судьбе Митьки после его отъезда с хутора. Пантелей Прокофьевич, узнав об убийстве безоружной женщины, отказал Митьке от дома несмотря на родство. «Вскоре возле ворот показался Митька со своими подручными. Пантелей Прокофьевич проворно захромал им навстречу.

- Постой-ка! – крикнул он еще издали. – Не вводи коней на баз... Не гневайся,

сват, но я не хочу, чтобы ты был в моем курене...

- Не хочу, чтобы ты поганил мой дом! – решительно повторил старик. – И больше чтоб нога твоя ко мне не ступала. Нам, Мелеховым, палачи несродни, так-то!.. Не возрадовался бы твой покойный отец, глядячи на тебя!» (IV, 100-101)

Таким образом, прослеживая судьбы семей, попавших в горнило революции и гражданской войны, мы видим, что не гибнут только те семьи, где были прочные семейные связи, где соблюдались традиции, где царило уважение и любовь. Пострадали все, но выжили сильнейшие.

«Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром.»

Знаковым является то обстоятельство, что когда Григорий возвращался домой, он выбросил в Дон винтовку и патроны. Это говорит о его нежелании более воевать.

Роман заканчивается так же как и начался. Остались только сын и отец – продолжатели рода Мелеховых.

*Фомина Т.В.,
учитель русского языка и
литературы
ГБОУ СОШ № 1623*

Тема семьи в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»

Цели урока:

- Обсудить со старшеклассниками актуальность данной темы в современном мире;
- Показать на примере семьи Мелеховых традиции и обычаи патриархальной семьи, изменение семьи на фоне революции и гражданской войны;
- Работать над развитием монологической речи;
- Средствами урока литературы воспитать уважение и любовь к родному языку, к истории.

Оборудование для урока:

- Текст романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»
- Фильм С. Бондарчука «Тихий Дон»

Ход урока

1. Организационный момент.

2. Слово учителя.

Наш сегодняшний урок я хочу начать со слов известного литературоведа В.Ю. Троицкого: «Семья – сокровенный союз мужчины и женщины, узаконенный человеческими традициями и установлениями и освящаемый Церковью через таинство бракосочетания, союз, имеющий следствием и целью дальнейшее совместное жизнеустройство и продолжение рода» («Русская семья. От рождения к вечности»).

- А что вы вкладываете в понятие «семья»? (заслушать несколько ответов)
- А теперь давайте посмотрим как эту тему реализует М.А. Шолохов в своем романе (чтение фрагмента тома 1 части 1 главы 1).
- Что мы можем сказать об устройстве семьи по данному фрагменту? (Семья без благословения родителей долго не держалась. Порфирий взял в жену не христианку, поэтому они долго не прожили вместе. У казаков было сильно суеверие: именно поэтому они обвинили жену Порфирия в гибели скота. НО: выходила преждевременно родившегося ребенка мать Порфирия, бабка Пантелея. Это говорит о том, что в семье важно женское начало. И это единственный герой романа, о крещении которого мы знаем.)
- Как относились к изменам в семье Мелеховых? (отрывки из романа о Григории и Аксинье, Дарье)
- Где предпочитали говорить о неблагоприятных поступках в семье Мелеховых? (Подальше от дома, за забором, около Дона, что говорит о нежелании героев романа пачкать свой дом грязными делами и поступками)
- Какое место в семье занимают Пантелей Прокофьевич и Ильинична? (Пантелей Прокофьевич – глава семьи, Ильинична – духовный ее центр)
- Как строит свою семью Григорий?
- Как вы думаете, почему у Григория не получилось построить семью с Аксиньей, хотя он ее очень любил?
- Можно ли назвать Наталью истинно мудрой женой и матерью? Почему?
- Как бы сложилась жизнь Григория и Натальи, если бы она не решила избавиться от ребенка?
- Какие чувства вы испытали, прочитав сцену смерти Натальи?
- Как повлияла революция и гражданская война на ценности и жизнеустройство семьи Мелеховых?
- Как вы думаете, почему в семье Мелеховых дома умерли только Ильинична и Наталья?

- Почему Дуняша вышла замуж за Мишку Кошевого, но с условием, что они обвенчаются?

А теперь давайте посмотрим, как данную тему реализует С. Бондарчук в своем фильме «Тихий Дон» (просмотр фрагментов фильма, посвященных семье).

Итоги урока:

- Что вы сегодня узнали нового для себя?
- Какими строчками из романа вы бы закончили сегодняшний урок?
- Оцените свою работу сегодня по 10-бальной шкале.

Роль образа деда Гришаки Коршунова (материалы к уроку)

“Тихий Дон” широк, и все же, если говорить об эпичности, то она не столько в полноте охвата жизни, сколько в особом изображении народных масс. В романе Шолохова “мыслью народной” проникнуто все: и философско-исторический фон, и характеры, и бытовые картины, и массовые сцены, и поэтика образов природы, и богатая песенная стихия, и невиданное в русской литературе со времен Гоголя использование областного языка” (Бритиков А. Мастерство М. Шолохова. М.;Л., 1964. С. 3). Народный взгляд - сложный, противоречивый, включающий в себя переплетение и противостояние разнообразных интересов - пронизывает художественное изображение кульминационных моментов бурной революционной эпохи. В эпопее присутствует восприятие разными - по своему социальному положению и политическим позициям - второстепенными и даже эпизодическими героями многих событий, но это подчиняется главенствующей в произведении обобщенно-народной точке зрения.

Кто-то посчитал, что дед Гришака Коршунов упоминается в эпопее всего 20 раз, но означает ли это, что данный персонаж можно отнести к второстепенным? Роли этого образа я и хочу посвятить исследование, которое, на мой взгляд, поможет учителю не только донести до учеников представление о замысле Михаила Александровича Шолохова, но и показать, как гениальный мастер работает над образом, отводя ему очень важную роль в повествовании.

Прочитавший произведение ученик без труда определит, что **дед Гришака – это один из «господ стариков»**, образы которых позволяют Шолохову познакомить внимательного читателя с веками сложившимся укладом жизни в казачьих станицах Тихого Дона и создать замечательную галерею незабываемых образов старых воинов с бородами и костылём в руке, которые хранят традиции и создают тот нравственный фон, на котором идёт формирование и воспитание казака на Дону, а казачья пословица гласит: «Господа старики - первейшие казаки». Действительно, казаки, дожившие до преклонных лет, заслужившие на военной службе награды за храбрость, вос-

питавшие достойных сыновей, пользовались непререкаемым авторитетом. У них было самое почетное место, рядом с атаманом, на сходах. Для обращения к ним выработалась специальная формула «господа старики»:

-Как вы, господа старики? - В добрый час! - Дай бог!.

Именно старики, хранители вековых традиций, особенно мешали советской власти, когда она решила эти традиции разрушить. Практически все они были уничтожены в казачьих станицах, и в романе «Поднятая целина» уже нет Господ стариков, а есть никуда не годный казак дед Щукарь. Так Шолохов даёт понять, что процесс расказачивания за несколько лет закончен советской властью.

Но учащиеся без труда заметят, что ряду господ стариков образ деда Гришаки Коршунова занимает особое место. Во многих сценах романа он, казалось, присутствует номинально, часто молчаливо, однако именно этот образ выходит за рамки второстепенного персонажа по многим причинам. Он **становится героем, чья жизнь и судьба олицетворяет истинные ценности казачества, от которых он не отказывается даже перед лицом смерти.** Роль этого образа и является предметом исследования учащимися на уроке литературы.

Исследователи творчества Шолохова отмечают, что над образом Гришаки Коршунова Шолохов работал тщательно, постепенно вводил его в повествование. Без труда ученики найдут информацию о том, что **у этого персонажа есть прототип.**

«Каргинский казак Григорий Федорович Фадеев, — пишет Г. Я. Сивоволов, — участвовал в русско-турецкой кампании 1877—1878 гг., был награжден двумя Георгиевскими крестами и медалями. Молодым казаком Фадеев был призван в 12-й Донской казачий полк <...> За войну Фадеев совершил немало героических подвигов, а грудь отяжелела от крестов и медалей. Закончив войну, возвратился в родной хутор Каргин <...> Фадеев регулярно <...> при всех регалиях, расчесав гребенкой реденькую бороду, нахлобучив на самые уши выцветшую казачью фуражку, в шароварах с лампасами, седой и длинный, с тростью в руках шел в церковь... Казаки, издали завидев его, идущего посередине улицы неторопливым генеральским шагом, говорили: “Дед Гришака идет в церковь!” За ним стайкой бежали казачата, заглядывая на выпя-

ченную грудь, где перезванивали кресты, горели начищенные о сукно медали. Фадеев в Каргинской был заметным казаком, и Шолохов не мог пройти мимо него, описывая жизнь казаков» Для человека, который прочёл роман, совпадения в биографиях персонажа и прототипа очевидны.

Рассмотрим основные особенности изображения этого героя в различных книгах романа.

Уже в первой книге романа мы читаем **прямую авторскую характеристику**, важную для понимания характера персонажа: *«Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет. Участвовал в турецкой кампании 1877 года, состоял ординарцем при генерале Гурко, попал в немилость и был отослан в полк. [Причину отсылки читатель поймёт позднее, соотнеся данный факт с суждением Гришаки о внуке: «Он, поганец, весь с меня, деда. Он не может спину гнуть»] За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и Георгиевскую медаль и, доживая у сына, пользуясь на хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство, короткие остатки жизни тратил на воспоминания»*. На вопрос Натальи «Не боишься помирать, дедуня?» он благодушно отвечает: *«Жду смертыньку, как дорогого гостя. Пора уж...и пожил, и царям послужил, и водки попил на своём веку»*. Сообщает автор и о том, что служил Гришака в 12-м Донском казачьем полку, который имеет славную историю побед. Неслучайным кажется совпадение, что в этот же полк идёт служить другой Григорий – Мелехов. И первые книги романа дают понять, **что если бы не смена власти, то Григорий Мелехов во многом повторил бы жизненный путь деда Гришаки, фигура которого сопутствует ему на протяжении всего повествования: у старого воина должно перенять эстафету верного служения тихому Дону молодое поколение казаков.**

Ученики без больших проблем выделяют общие черты у двух Григориев:

- Имя
- Оба служили в 12-м Донском казачьем полку
- Становятся родственниками через брак Мелехова с Натальей
- Военская доблесть
- Способность оставаться человечным в бою
- Уважительное отношение друг к другу

Для более полного представления об авторском замысле, на мой взгляд, необходимо обратиться к работам исследователей-шолоховедов В.В.

Кожинова, А.А., Дырдина, С.Н., Семанова, Н.В., Стюфляевой, где образ деда Гришаки совершенно справедливо рассматривается как один из ярких выразителей православных идей произведения. Уже в первой книге образ деда Гришаки связывается с Церковью. Он читает «затрепанное, закапанное воском, в кожаном переплете Евангелие», Псалтырь, постится, посещает храм, говеет на четвёртой (крестопоклонной) неделе Великого поста. Под иконами у него «стопка церковных книг».

. Более того, именно дед Гришака впервые в романе поднимает проблему человекоубийства. В рассказе о битве с «янычирами» он вспоминает: «Вижу я, скачет попереди меня ихний офицер, на караковом коне. Молодецкий такой офицер, черные усы книзу, оглядывается все на меня и пистолет из чехла вынает. А чехло к седлу приторочено... Стрельнул и не попал. Тут придавил я коня, догоняю его. Хотел срубить, а послаз раздумал. Человек ить...». Эпизод, в котором Гришака рассказывает о войне, свободен от патетики, даже нарочито анекдотически снижен ситуацией (свадебная гулянка) и поведением сильно подвыпившего персонажа, но это не умаляет его нравственного смысла. Способность в бою на грани жизни и смерти сохранить человечность, простить врага - нравственный императив, не воспринятый, к сожалению, никем из героев в данном эпизоде: «Дед Гришака, торжествуя, глянул на соседа: тот, уронив на грудь огромную

угловатую голову, уснул под шум, уютно всхрапывая». Так заканчивается 1 часть, словно **предвещающая страшную братоубийственную бойню, о которой мы узнаем из дальнейшего повествования, и подсказывая единственно верный путь: путь прощения и человеколюбия.**

Во 2 книге, написанной Шолоховым раньше остальных, этот персонаж лишь изредка упоминается, произнося всего пару фраз. Единственный эпизод, в котором он наравне с другими героями участвует в диалоге, связан с порицанием хуторян, не желающих идти на войну против большевиков:

- Вас, как куропатей, в осилки возьмут. Вот заполонят вас мужики, набьют вам сопелки...»

Позднее, познакомившись с 3 книгой романа, где Гришака уже выступает как своеобразный пророк, мы понимаем, что участие в таком диалоге абсолютно органично, закономерно для шолоховского образа: подобно древним пророкам, герой самореализуется в речевой деятельности, поучает и обличает других персонажей, предсказывает им поражение от красных - и это предсказание действительно с неизбежностью сбывается.

Причем слушатели игнорируют слова Гришаки: его поучения пропускают мимо ушей, над ним посмеиваются.

Именно в 3 книге образ Гришаки раскрывается до конца и становится понятна роль героя в авторском замысле романа: он «дорастает» до архетипа пророка. Его образ соединяет в себе черты провозвестника Божьей воли, мученика и юродивого. Но происходит это не сразу. В дни общего развала, шатания и неустойчивости он единственный после прихода в хутор «красных» открыто демонстрирует верность казачьему долгу и бесстрашие перед лицом новой, безбожной власти.

«— Кокарду, говорю, сыми! Кресты скинь! Заарестуют тебя за такое подобное. При советской власти нельзя, закон возбраняет.

— Я, соколик, верой-правдой своему белому царю служил. А власть эта не от бога. Я их за власть не сознаю. Я Александру-царю присягал, а мужикам я не присягал, так-то.»

Однако постепенно в сознании деда Гришаки происходит перелом, который в романе дан через восприятие не понимающих его близких: *«Живой, а кубыть, трошки умом начал мешаться. Так и сидит дни-ночи напролет, Святое писание читает. Иной раз загутарит-загутарит, да так все непонятно, церковным языком».*

Смена нравственных и политических установок героя совершается, по-видимому, под прямым воздействием содержания пророчеств Иеремии, которые он читает. Более того, есть основания говорить о том, что логика осмысления жизненных обстоятельств дедом Гришакой лишь на первый взгляд может показаться непоследовательной, сумбурной. На самом деле его предвидения обладают глубинной мотивированностью. Более того, трудно предположить, что сам Шолохов не был знаком с книгой пророчеств Иеремии, так как идейно-фабульная канва Книги Иеремии во многом совпадает с сюжетными коллизиями книги «Тихого Дона».

На мой взгляд, имеет смысл кратко ознакомить учащихся с фабулой и композицией Книги Иеремии, которая делится на 3 части.

Первые 20 глав призывают народ к покаянию, обещая в противном случае нашествие вавилонян. Завоевание Иудеи осмысляется как «ужас» (Иер. 25:9), потому что несет всевозможные бедствия избранному народу.

Но с 27-й главы ситуация выбора между наказанием и покаянием сменяется ситуацией предопределения. Установление господства Навуходоносора преподносится как неизбежное и предрешенное событие. Его власть трактуется как власть от Бога. Возникает идея непротивления наказанию. Служба

завоевателю оказывается выполнением Божьего веления. Однако израильтяне не слушают Бога, не верят в бесполезность сопротивления. С пророком советуется царь страны Седекия, которому Иеремия велит сдаться вавилонянам. Если же царь не сделает этого, то Иерусалим «будет предан в руки Халдеев, и они сожгут его огнем, и ты не избежишь от рук их» (Иер. 38:18).

Седекия не внял увещаниям божьего человека. «И Иерусалим был взят» (Иер. 38:28).

И в кульминационный момент борьбы против большевиков на Пасху происходит как бы встреча двух поколений казаков. Устами деда Гришаки автор вводит в текст «Тихого Дона» тему библейских пророчеств. Вопрос о причинах происшедшего, о том, почему распалась такая, казалось, крепкая старая жизнь, в глубине души волнует многих казаков. Сопоставление событий, развернувшихся на донской земле, с библейскими как бы устанавливает для них меру и масштаб. Но, главное, оно указывает на возможные причины происшедшей катастрофы: «Овцы погибшие были люди мои, пастыри их совратили их...»

Гришака не случайно читает Мелехову именно этот отрывок: «Яко приде на нъ язык от севера, той положит землю его в запустение» (4, 298-299). Данное предсказание кажется ему настолько важным, что он останавливается, интересуется, понял ли его Мелехов, и переводит библейских стих на язык, более доступный ему и его слушателю: «Уразумел, Гришака? С севера придут и вязы вам, вавилонщикам, посворачивают» (4, 299). Упоминание о военной угрозе с севера встречается в Книге Иеремии не менее семи раз, красной нитью проходит по всему тексту (Иер. 1:14; 4:6; 6:1; 6:22; 13:20; 15:12 и т.д.). В библейских предсказаниях Гришака легко мог узнать конкретную историческую ситуацию. В главе, где он читает Григорию Ветхий Завет, говорится: «Одно время красные части <...> повели интенсивное наступление с северо-востока, заняли ряд хуторов Еланской станицы и подошли к самой границе Еланской». Гришака точно улавливает основную идею второй части Книги Иеремии: с севера Бог посылает ту власть, которой надо покориться, и четко формулирует свою мысль: «А через чего воюете? Сами не разумеете! По божьему указанию все вершится. <...> А всякая власть от бога. Хучь она и анчихристова, а все одно - богом данная».

Попытка реконструкции логических построений Гришаки с опорой на библейский текст позволяет установить **символическое и психологическое единство образа.**

Более того, предсказания Гришаки сбываются вне зависимости от того,

верят ли в них сами герои. Как Иеремия - Седекию, Гришака убеждает повстанческого «генерала» Мелехова в бесполезности сопротивления, апеллируя к словам Бога, к тексту Священного Писания. Как и Седекия, Григорий прислушивается к речам деда, но продолжает воевать.

Дальнейшие события развиваются точно по библейской схеме.

Побеждает противник (вавилоняне/красные), повстанцы не сдаются. Мишка Кошевой выжигает хутора, Седекия/ Григорий скрывается от плена/ тюрьмы.

Исход их борьбы известен: Седекию схватывают, приводят к вавилонскому царю и выкалывают глаза; Мелехов сам возвращается в родной хутор, хорошо осознавая, что советская власть заставит его «сполна заплатить» «за старые долги».

Удивительно, но таинственные, непонятные библейские речения оказываются абсолютно органичными в романе. «Овцы погибшие быше людие мои, пастыри их совратиша их, и сотвориша сокрытися по горам: с горы на холм ходиша». - читает дед Гришака.

«Это к чему же? Как понять? - спросил Григорий, плохо понимавший церковнославянский язык.

- К тому, поганец, что бегать вам, смутителям, по горам. Затем, что вы не пастыри казакам, а сами хуже бестолочи-баранов, не разумеете, что творите...» - отвечает старик. С овцами не раз сравниваются герои «Тихого Дона». Ближе к концу романа и сам Григорий размышляет: «Раз уж попали мы на овечье положение, - значит, надо за баранами держаться...». Пророчество Гришаки оказывается созвучным и сну Корнилова.

«29 августа из телеграмм, получаемых от Крымова, Корнилову стало ясно, что дело вооруженного переворота погибло», - сообщает автор .

Накануне Корнилову снится сон: «Будто я - бригадный командир одной из стрелковых дивизий, веду наступление в Карпатах. Вместе со штабом приезжаем на какую-то ферму. Встречает нас пожилой, нарядно одетый русин. Он потчует меня молоком и, снимая войлочную белую шляпу, говорит на чистейшем немецком языке: "Кушай, генерал! Это молоко необычайно целебного свойства". Я будто бы пью и не удивляюсь тому, что русин фамильярно хлопает меня по плечу. Потом мы шли в горах, и уж как будто бы не в Карпатах, а где-то в Афганистане, по какой-то козьей тропе... Да, вот именно

козьей тропкой: камни и коричневый щебень сыпались из-под ног, а внизу за ущельем виднелся роскошный южный, облитый белым солнцем ландшафт...». Во сне генерал предвосхищает необходимость пространственного удаления от места боевых действий. История оставляет «смутителю» узенькую тропу, тропку, которая отделяет его от бездны – от неизбежного поражения в борьбе с большевиками. Ср.: «Так над буераком по кособокому склону скользит, вьется гладкая, выстриженная козьими копытами тропка и вдруг где-нибудь на повороте, нырнув на днище, кончится, как обрезанная, - нет дальше пути, стеной лопушится бурьян, топырясь неприветливым тупиком» .

Идея необходимости подчинения Советской власти, выраженная Гришакой в суждении «всякая власть от бога. Хучь она и анчихристова, а все одно - богом данная», также оказывается воспринятой героями «Тихого Дона». Чумаков, обличая Фомина, практически повторяет наставления Коршунова: «Какая бы она, Советская власть, ни была, а она - власть, с семнадцатого года держится, и кто супротив нее выступает - это и есть разбойный человек». Эти фрагменты показывают, что Шолохов не случайно вводит размышления деда Гришаки в отдельном эпизоде, они являются частью общей идеи, которую можно считать авторской позицией.

Взгляды исследователей - шолоховедов сходятся в том, что дед Гришака признается пророком, хранителем и толкователем той мудрости, что дается путем аскезы и подвига, а анализ фрагментов «Тихого Дона», посвященных деду Гришаке, действительно позволяет утверждать, что этот образ восходит к архетипу библейского пророка. Свидетельством тому прежде всего является наличие у шолоховского героя ряда качеств, дающих возможность проводить подобные параллели: **религиозность, способность к предсказанию будущего, личное благочестие, стойкость, верность нравственным принципам, духовное одиночество.**

Сцена смерти Гришаки Коршунова не оставляет равнодушным никого: ни читателей, ни исследователей. Повествование об убийстве Коршунова неоднократно становилось объектом внимания в работах шолоховедов, изучающих христианскую проблематику романа (А.А. Дырдина, СИ. Семанова, П.В. Стюфляевой). Все эти авторы пишут о Гришаке как об одном из Новомучеников Российских. Основания для такого определения дает помимо праведности героя его мученическая смерть от руки безбожного красноармейца. Исследователи справедливо считают кончину персонажа **примером исповедничества.** Литературоведы придают этой сцене весьма большое значение.

Так, П.В. Стюфляева считает, что «борьба света и тьмы, добра и зла, жизни и смерти. Православного Креста и красной звезды достигает своей кульминации в сцене гибели деда Гришаки, который в полном сознании и добровольно принимает мученическую кончину от руки "антихристовой слуги" Мишки Кошевого».

Действительно, сцена убийства Мишкой Кошевым деда Гришаки, истощенного, беспомощного старика, является одним из кульминационных моментов повествования, обличающим антихристианскую сущность революционной идеологии и ее представителей. «Мишкой тебя нарекли при святом крещении?» - спрашивает Кошевого дед Гришака, словно пытаясь напомнить тому, кто «в антихристовой слуге подался», о его принадлежности к Святой Церкви. Старик пробует урезонить поджигателя евангельскими словами: «А в Святом писании что сказано? Аще какой мерой меряете, тою и воздастся вам». Эту фразу нетрудно найти в Евангелии от Матфея рядом с другой, сходной с ней по смыслу: «Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7:1-2; ср. также Мк. 4:24). Оба высказывания Христа актуализированы в «Тихом Доне», и слова деда Гришаки соотносимы со словами старика в финале второй книги романа: «Не осудите, братья, брата».

Но как во второй, так и в третьей книге произведения они остаются не услышанными противоборствующими сторонами. Кошей не настроен внимать евангельским истинам: «Ты мне, дед, голову не морочь святыми писаниями». Заметим, что в этом Мишка противопоставлен Григорию, который мучительно пытается понять слова Гришаки и «непонятные "речения" Библии», переспрашивает, размышляет над ними.

В происходящих событиях Коршунов видит осуществление пророчеств: как ветхозаветных - о наказании лживых пророков Иерусалима, так и новозаветных - о конце мира. И, что важно отметить, романских пророчеств: в конце второй книги звучит предсказание о том, что «восстанет брат на брата и сын на отца» и Гришака словно продолжает начатый казаками разговор: «Вот и подошло, что восстал сын на отца и брат на брата...», повторяя слова матери Максима Грязнова.

Кошей же продолжает другой диалог. Задолго до описываемых событий он жалуется Котлярову на ту злость, которую рождают в нем антибольшевистские речи Григория Мелехова. Тогда Мишка словно подводит черту, в емкой формуле выражая антихристианскую сущность междоусоби-

цы: «В ней, в этой войне, сватов, братьев нету. Начертился – и иди!». Уверовав в «красную» идею, он следует ей безоговорочно. Потому он оказывается глух к евангельским предостережениям, исходящим из уст Гришаки. «Тут не в братах дело, тут арихметика простая», «Ну, мне тут с тобой свататься некогда», - отвечает он старику «с холодным бешенством».

Гришака и Мишка в прямом и переносном смысле говорят на разных языках: церковнославянском, повествующем о Сущем и сущности происходящего с надчеловеческой религиозной точки зрения, и русском разговорном, отражающем не бытийное, а бытовое. В Мишкиных речах нет места не только Богу, но и человеку, остается идеология, «арихметика».

Кошевой, как когда-то Раскольников, убивает за идею - в данном случае идею социальной мести (варианта большевистской «правды»), не видя, что перед ним не обезличенный идеологией «буржуй-эксплуататор», а живой, точнее едва живой, Человек. Человек, верой и правдой служивший на войне, пользовавшийся в хуторе «всеобщим уважением за ясный до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство». Человек, способный и в бою, на грани жизни и смерти, сберечь в себе человеческое: вспомним рассказ Гришаки о том, как он сохранил жизнь стрелявшему в него офицеру в конце первой части романа. Мишка преступает не только Божескую, но и человеческую правду, и воинский кодекс чести. Он убивает своего хуторянина, безоружного, умирающего от голода, беззащитного старика в его собственном доме. Убивает, как вошь, без всякого раскаяния и сожаления, не видя в этом никакого преступления: «брезгливо обошел протянувшегося возле сходцев старика». Гришака же умирает с молитвой на устах.

«После выстрела [Кошевого] дед Гришака упал навзничь, внятно сказал:

— Яко... не своею си благодатию... но волею бога нашего приидох... Господи, прими раба твоего... с миром...».

Итак, образ деда Гришаки является наглядным примером того, как углубляются христианские мотивы романа. Если во 2 книге этот персонаж только упоминается, а в 1 книге его образ связывается с церковью не больше, чем образы других героев, то в 3 книге романа в образе деда Гришаки ясно проявляется архетип пророка и мученика за веру. Эпизоды, посвященные этому персонажу в 3 книге, становятся наиболее яркими, кульминационными моментами повествования, **высвечивающими человеческую суть двух главных романных антагонистов: Григория Мелехова и Мишки Коше-**

вого. С помощью старого воина автор провозглашает идею примирения враждующих сторон, идею ценности каждого человека. Эпизоды, полные глубокого смысла и христианских аллюзий, отсылают читателя как к религиозной литературе (Ветхий и Новый Завет), так и к православному творчеству Ф.М. Достоевского, выводя осмысление гражданской войны на новый уровень.

И тогда становятся понятными слова, которые впоследствии Шолохов говорил сыну Михаилу: “Все, что нашим отцам-дедам дорого было, мы на штыки подняли. Но и все, чем мы сейчас восторгаемся, и всех, кто восторгается, скорее всего уже наши внуки проклянут” (Литературная Россия. 1990. 23 мая). Заслугой Шолохова является то, что он отразил в “Тихом Доне” не только созидательное начало в революционном перевороте, “он с еще большей силой показал разрушительный пафос революции... ее трагедию” (Ф. Абрамов). Сам Шолохов рассуждал об этом: “Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... Лобовая борьба ни к чему хорошему привести не может” (Литературная Россия. 1990. 23 мая). Эта мысль в какой-то мере является косвенным ответом на недоуменный вопрос Фадеева, который голосовал против присуждения “Тихому Дону” Сталинской премии и говорил, что Шолохов “с огромной силой таланта” показал “обреченность контрреволюционного дела, - в романе видна полная его обреченность. Но ради чего и для чего? Что взамен родилось? Этого в романе нет. ...14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, - и ничего не получилось в результате рубки. Люди доходят до полного морального опустошения, и из этой битвы ничего не родилось”.

*Онсина Людмила Николаевна,
Николаенкова Юлия Алексеевна,
учителя русского языка и литературы
ГБОУ СОШ № 1527*

Урок

Тема: Только любовью держится и движется жизнь

(Героини «Тихого Дона» в свете русской традиции в изображении женщины)

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетание,
И роковое их слиянье,
И...поединок роковой...

Ф.И.Тютчев «Предопределение»

Цель урока:

1. Способствовать общему и литературному развитию учащихся и обогащению их личного опыта;

2. Развитие навыков самостоятельного анализа текста (идейное содержание, нравственные проблемы, система образов, авторская позиция).

Тип урока – урок-семинар.

Вид урока – урок-диалог.

Ход урока.

Вступительное слово учителя

Любовь – прекрасное мгновение, которое не дано остановить, как не остановить молнию.

А.И. Куприн считал, что «не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви...»

Его современник А.А. Блок никогда не боялся упреков в откровенности поэтического представления интимного мира, утверждая, что лишь любовь является источником познания мира, и «...только влюбленный имеет право на звание человека».

Чувство, убежден поэт, упраздняет эгоизм, приближает личность к абсолютным категориям Красоты и Добра, раскрывает божественную сущность мироздания и ценность человеческой жизни.

Нам предстоит начать разговор об одном из самых интересных, сложных и высокохудожественных произведений русской литературы XX века. Встреча с такой книгой всегда важна для читателя: есть возможность прикоснуться к истории своей страны, пройти с ее героями сложную дорогу поиска смысла жизни, прожить счастливые моменты их судьбы. Какая же другая книга прошлых лет так непосредственно, как «Тихий Дон», отзывается сегодня на многие наши мысли и чувства.

«Тихий Дон» – это не только роман о донском казачестве в период первой мировой и гражданской войн, это еще роман о любви. Ведь от любви не утаишь ничего: «либо она высвечивает истинное благородство души человеческой, либо - пороки и низменные желания».

«Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нем просыпается и им овладевает. И это дано нам от Бога и от природы», - говорил И.А. Ильин.

Это чувство, такое простое и понятное, с одной стороны, объединяет и сегодняшних подростков, и их родителей, и их дедов, с другой стороны, имеет множество оттенков, которые с таким мастерством показал Шолохов: это и любовь семейная, и любовь страсть, и плотское влечение, и любовь-дружба.

Не рефлектирующие герои Толстого и Достоевского, а простые малообразованные люди, сила чувств которых нисколько не уступает переживаниям героев классической русской литературы, становятся действующими лицами романа «Тихий Дон».

Связь характера героя с его родословной очень важна для обновленного реализма 20 века: еще в 19 веке считалось, что только среда формирует личность. Пусть же «Тихий Дон» и его автор помогут нам разобраться в этом.

Вопросы для беседы с классом:

1. С чего начинается род Мелеховых? (С трагедии)
2. Почему гибнет юная турчанка? Что отрицает её смерть? (Утверждает величие и трагизм истинной любви, любви непохожей, а, следовательно, раздражающей окружающих своей непохожестью)

Вывод учителя:

Уже в самом начале романа, в истории рода Мелеховых, автор касается темы любви. Действие началось с трагедии. С нее начался и характер. Прокофий Мелехов в своей любви пошел против хутора точно так же, как через десятки лет пойдет его внук. История Прокофия Мелехова – это пролог к судьбе Григория. Автор утверждает величие и трагизм истинной любви, любви непохожей, а следовательно, раздражающей окружающих своей непохожестью).

Работа в группах

Трагическая любовь главных героев романа

Вступительное слово учителя

Автор мастерски рисует жизненный уклад донских казаков, в центре которого, конечно, семья. В сознании многих героев Шолохова «дом человеческий, очаг семьи является святыней... Без дома человек - перекаати-поле, пустышка, не имеющая корней».

Среди женских образов «Тихого Дона» Наталья Коршунова, пожалуй, более других олицетворяет собой «любовь семейную». Все, что связано с семьей, домашним уютом и теплом, в равной мере связано и с Натальей. Корни Натальи уходят к фольклорной Василисе Премудрой, к Домострою, к пушкинской Татьяне Лариной. Наталья создана, чтобы быть матерью, женой, чтобы любить и отдавать свою любовь близким. Долготерпение и однолюбие отличает эту героиню. Любовь к мужу, «взволнованную радость» от общения с ним, пронесла она через всю жизнь.

Группа №1. Образ Натальи в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Задания и вопросы для группы.

1. Противопоставление любви страсти и любви семейной в классической русской литературе?
2. Почему Григорий женится на Наталье?
3. Какие чувства испытывали Григорий и Наталья в ожидании свадьбы? (Наталья – «чувство нетерпеливого ожидания»; Григорий – «сосущую тоску»)
4. Какой видит Григорий Наталью в церкви? Что отличает этот портрет Натальи от описания, данного в главе 15?

Вывод учителя:

Главная идея романа – идея дома, святости семейного очага. Законная жена Григория привлекательна силой и глубиной своей любви, нежно-стыдливой, затаенно-восторженной, талантом верности и терпения. Наталья на все смотрит с позиции семьи, ее интересы полностью замыкаются на заботе о детях, хозяйстве. Ее душевные силы уходят на отчаянную изматывающую борьбу с разлучницей Аксиньей за право быть счастливой. Поэтому она неспособна понять терзания и сомнения Григория. Наталья не откликается душой на взволнованную, искреннюю исповедь мужа. Ее слова полны осуждения и сознания своей правоты: "Напаскудил, обвиноватился, а теперь все на войну сворачиваешь. Все вы такие-то!"

Группа №2 Образ Аксиньи в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»

Вступительное слово учителя:

Но не только любовь семейная показана в романе. Как Наталья величественна в своих страданиях, материнстве, в верности своему мужу и чувству долга, так Аксинья прекрасна в своей страстности, в готовности пойти

за возлюбленным на край света, в неугасимом желании свободы. Говоря об Аксинье, невольно вспоминаешь слова Достоевского: «...А красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей...» - читаем мы в романе «Братья Карамазовы». Характер Аксиньи близок к героиням Ф.М.Достоевского. Её «порочная, вызывающая» красота неумолимо притягивает Григория.

Вопросы и задания для группы

1. Прошлое героини. Её судьба в родительском доме. Замужество. Взаимоотношения со Степаном. Смерть ребенка (1-1-VII)
2. Что привлекает Григория в Аксинье?
3. Какова роль Аксиньи в жизни Григория?
4. Как меняется чувство Аксиньи к Григорию?

Вывод учителя:

Аксинья - воплощение порыва, непосредственной жизни, протеста. Шолохов ценит в ней цельность чувства, активное стремление к счастью. В романе не раз подчеркивается, что эта любовь «больше чем порочная связь», она глубокое чувство, бросающее вызов родовым понятиям, утверждающее личную свободу человека. Оно меняется с течением времени: любовь-страсть соединяется с мудрой силой нежности почти материнской.

Похожее чувство, «теплую, налитую вровень с краями материнскую заботливость», испытывает по отношению к Бунчуку и Анна Погудко.

Группа №3 Другие любовные линии в романе.

Вопросы и задания для группы

1. Проследите историю развития отношений Бунчука и Анны Погудко. Что отличает отношения Анны и Бунчука? Почему большое чувство не привело их к созданию семьи?

Вывод учителя:

Своеобразие чувства между Бунчуком и Анной изначально определялось характерами влюбленных и их родовой историей. Это не любовь семейная, как у Натальи, и не любовь-страсть как у Григория и Аксиньи. Анна и Бунчук отдают себя делу построения счастливого будущего, «светлого завтра» и для этого готовы пожертвовать «сегодня».

2. Проанализируйте отношения между Петром и Дарьей. Можно ли считать эти отношения подлинно семейными?

Вывод учителя:

Своеобразным антиподом и ласковой, работающей Наталье и страстной Аксинье становится в романе Дарья. Традиционно народное содержание любви – продолжение рода. Отношения Дарьи и Петра иллюстрируют проблемы «случайной» семьи, семьи, у которой нет будущего.

Легко и бездумно пролетела она по жизни, обошло ее стороной сильное, глубокое чувство к мужчине. Всю жизнь шла она на поводу собственных плотских желаний, не зная других радостей. «Любила по-собачьему, кое-как, как приходилось...» - говорит о себе Дарья.

3. Как можно охарактеризовать отношения Листницкого и Горчаковой? Почему эти отношения стали возможны?

Вывод учителя:

Отношения Листницкого и Горчаковой иллюстрируют проблемы «случайной» семьи, семьи, у которой нет будущего.

Заключительное слово учителя.

Шолохов создает полноценные реалистические характеры, он не приукрашивает и не упрощает своих героев - они сложны, многоплановы.

"Тихий Дон" «...несет в себе необыкновенно яркие и доступные образы, мысли, факты из жизни, которые могут воочию рассмотреть и оценить каждый мужчина и каждая женщина, ибо это роман о неугасимой и страстной любви» (А. Силь. Статья «О романе Шолохова "Тихий Дон"»).

Изображение любовных чувств – одна из труднейших задач, стоящих перед писателем. Чтобы с такой свежестью и силой показать любовное чувство, нужно быть поистине гениальным художником.

Любовь – великая радость и тяжкий крест, откровение и тайна, огромное страдание и самое большое счастье.

Любовь – чувство доныне таинственное и загадочное, ни в какую типологию не укладывающееся. И это прекрасно: останутся еще вопросы для размышления над русской классикой.

Каждый автор пытается по-своему объяснить любовь, внести лепту в ее определение:

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

(Б.Л.Пастернак)

Приложение

Задания для предварительной подготовки учащихся
Вопросы для группы 1

Наталья

1. Невеста Григория Мелехова. Портрет героини (1-1-XV); свадьба Григория и Натальи (1-1-XXII).
2. «Разнелюбая». Объяснение с Григорием (1-2-V), попытка уйти от мужа (1-2-X), письмо в Ягодное, покушение на самоубийство (1-2-XVIII), изменившаяся внешность Натальи (1-2-XXI).
3. В семье Мелеховых: трудолюбие, Взаимоотношения с родней. Ожидание Григория (1-3-X), известие о смерти мужа, «черная немочь» (1-3-XVI).
4. Наталья и Аксинья. Поход в Ягодное – робкая попытка отстоять свою любовь. Отступление Натальи перед глядящими на нее с лица ребенка «угрюмоватыми черными глазами Григория» (1-3-XIX). Примирение Григория с семьей (1-3-XXIV).

Вопросы для группы 2

Аксинья

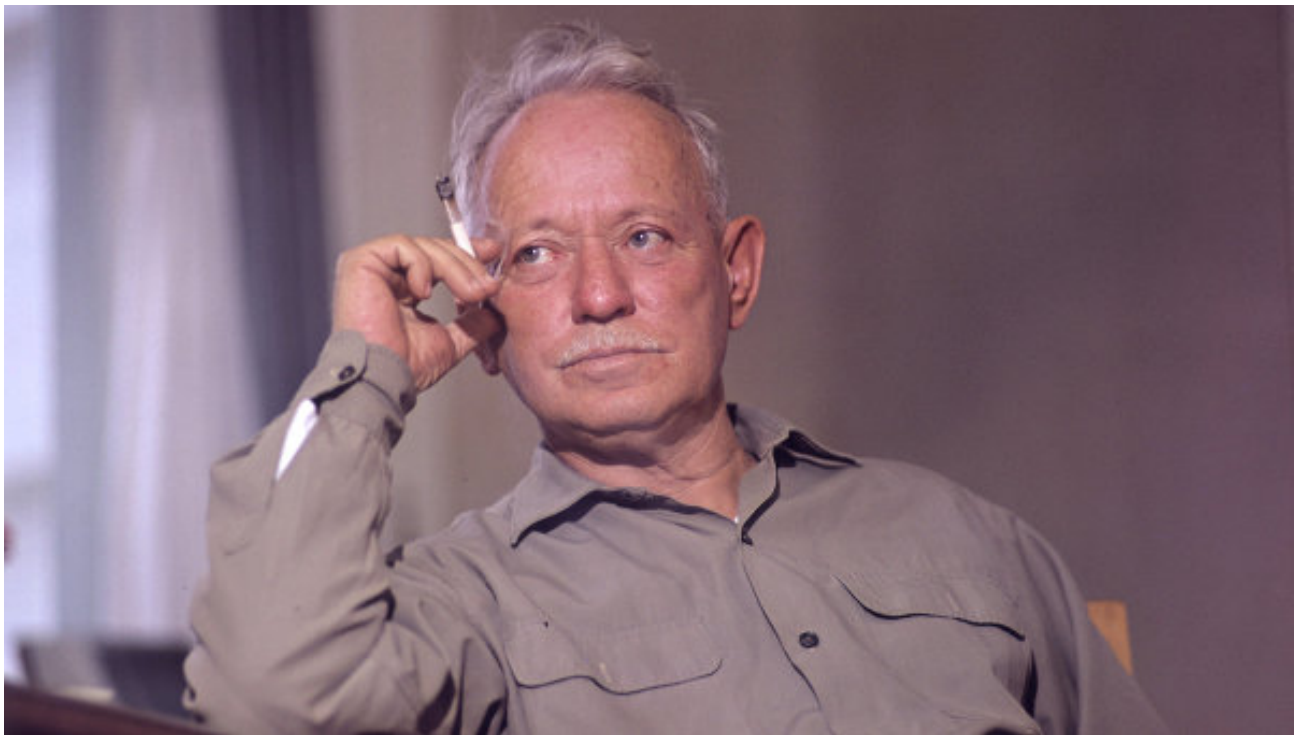
1. Прошлое героини. Её судьба в родительском доме. Замужество. Взаимоотношения со Степаном. Смерть ребенка (1-1-VII)
2. Любовь к Григорию – вызов патриархальному укладу казачьей жизни. Разрыв с Мелеховыми. Разговор с Пантелеем Прокофьевичем: «...а Гришка мой! Мой! Мой! Владаю им и буду владеть!...» (1-1-X). Откровенное признание Степану: «Не таюсь, - грех на мне, бей, Степан!» (1-1- XIV). Внутренняя борьба: радость и боль, любовь и страх перед мужем, перед неиз-

бежной судьбой, перед будущим (1-1-XII, XX). Борьба за свою любовь. Акси́нья и Наталья в Ягодном: «Мой Гришка – и никому не отдам!..» (1-3-XIX).

3. Выстраданное право на любовь. «Я жена Григория Мелехова» (4-7-I). «За его здоровье выпью!» (4-7-VII). Второй разговор с Натальей: «...а он у меня один на всем белом свете! Первый и последний» (4-7-XVI). Сила, гордость, мужество и прямота героини.
4. Изменения характера любви к Григорию: от любви-страсти к материнской нежности. Акси́нья и дети Григория (4-7-XXI, 4-8-III). Примирение с Ильичиной в ожидании Григория (4-8-I, III).

Вопросы для группы 3

1. Проследите историю развития отношений Бунчука и Анны Погудко. Что отличает отношения Анны и Бунчука? Почему большое чувство не привело их к созданию семьи?
2. Проанализируйте отношения между Петром и Дарьей. Можно ли считать эти отношения подлинно семейными?
3. Как можно охарактеризовать отношения Листницкого и Горчаковой? Почему эти отношения стали возможны?

*Жиклаева Наталья Александровна,
учитель русского языка и литературы
ГБОУ «Школа №1034»*

Шолохов и Православие

Имя Михаила Александровича Шолохова – одно из главных не только в литературе XX века, но и во всей русской литературе. Говоря о его творчестве, нельзя не обратить внимания на абсолютное вовлечение его произведений в единый процесс, основой которого является осмысление неких духовно-нравственных истин, отличающих литературу русскую от литературы западной. Пристальное внимание к человеку, к его месту в мире и поиску смысла жизни ставит М. Шолохова в один ряд с А.С. Пушкиным, И.А. Гончаровым, Ф.М. Достоевским, Н.С. Лесковым, Л.Н. Толстым, И.А. Шмелевым.

Создание романа «Тихий Дон» - духовный подвиг писателя, именно о нем и пойдет речь в статье. Невозможно переоценить значение этого произведения в литературе XX века, нельзя не сказать и о его значении для поколения века XXI.

Сегодня юноши, девушки, взрослые остро нуждаются в создании современного нравственного идеала. Все труднее становится находить его в произведениях века XIX. Роман Шолохова гораздо менее удален от нас временем. Вечные проблемы, поднятые в нем, все так же актуальны, как и раньше. В художественном произведении Шолохова обнаруживается единый ду-

ховный план, выраженный совокупностью ключевых мотивов, восходящих к христианским источникам. Синтез национально-самобытного и всечеловеческого начал в русле православной традиции определяет своеобразие повествовательных мотивов Шолохова. Часто заимствованные из Библии, они используются в качестве сюжетного элемента.

В настоящее время у «Православия Шолохова» много и сторонников, и противников. Почему же в дискуссии об особенностях творчества писателя периода развитого соцреализма вообще возник этот вопрос? Как удалось Михаилу Александровичу сохранить традиционный взгляд на Человека и мир в период сложных исторических событий, связанных с изменением мировоззрения не только отдельных личностей, но и целого поколения, целого народа? На мой взгляд, ответы стоит искать, обратившись к детским годам писателя.

М.А. Шолохов родился в хуторе Кружилине на Верхнем Дону в 1905 году. Семья Шолоховых, хоть долго и не венчавшихся по ряду объективных причин, была воцерковленной. Анастасия Даниловна Кузнецова, мать писателя, и Александр Михайлович Шолохов свято чтили традиции Православной церкви, знали многих священнослужителей и даже с некоторыми из них были дружны. В семье священника Дмитрия Ивановича Тишанского около пяти лет жил отрок Михаил, учился в мужской гимназии города Богучар, в церковно-приходской школе, изучал Священное писание, Закон Божий, соблюдал традиции, необходимые в жизни любого православного человека. Воспитание и образование, заложенные в детском и отроческом возрасте, становятся фундаментом человеческой личности, духовной основой всей его жизни. Так случилось и с Михаилом Александровичем: воспитанные с детства качества характера, сформированные идеалы дали ему силы сохранить свою душу в самые страшные годы становления Советского государства. «Юный Шолохов не был участником кровавых событий. Господь вел будущего писателя другими путями и для других целей».

Изображение поиска Бога (Веры) в период разгула обезбоженного сознания – основная тема произведений Шолохова. В художественных произведениях, созданных писателем, обнаруживается «единый духовный план, выраженный совокупностью ключевых мотивов, восходящих к христианским источникам». Синтез национально-самобытного и всечеловеческого начал в русле православной традиции определяет своеобразие повествовательных мотивов. Заимствованные из Библии мотивы жертвы, братолюбия, братоубийства (инвариант притчи о Каине и Авеле), милосердия, греха и раская-

ния соединены с мотивами свободы воли, судьбы и поиска правды. Они ключевые в творчестве писателя.

Мотивы греха и покаяния постоянно оказываются в центре сюжета, соединяются с идеями добра и зла, мотивом странствования (инвариант притчи о блудном сыне), неприкаянности, сиротства. Благодаря им Шолохов испытывает своих героев. В романе-эпопее «Тихий Дон» самое трудное испытание ложится на плечи главного героя Григория Мелехова. Мотив свободы воли, то есть принятия – неприятия Символа Веры, в данном контексте восходит непосредственно к православно-христианскому мировоззрению. Эту страстную силу воли русский религиозный философ Н.О. Лосский называет одним из основных качеств национального характера. Но моральная свобода недостаточна без ее связи с «благодатной помощью свыше». По словам Е.Н.Трубецкого (религиозный философ), свобода твари – самоопределение «за или против Бога», возможность выбора между жизнью и смертью. В этой свободе тварей видится смысл конфликтов эпохи войн и разрушений, воссозданной Шолоховым в романе «Тихий Дон».

Злу противостоит добро, стремление к справедливости и истине. Поэтому мотив пути, по которому идет герой, всегда связан с мотивами поисков правды, искушения и испытания, ведущих к духовному преображению. Такой путь проходит и Григорий. Подчиняясь злой воле (по словам Ф.М. Достоевского, «здесь [в человеке] Бог с дьяволом борются»), «опаленный слепой ненавистью» к красным, захватившим казачьи земли, он отстраняется от Правды, данной ему изначально: «Одной правды нету в жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрет». Григорий преступает законы правды, но мотив поиска правды-истины не позволяет ему жить не думая, не сострадая. И герой понимает, что абсолютной правде может быть противопоставлена правда субъективная, своя для каждого: «Жизнь оказалась усмешливой, мудро-простой. Теперь ему уже казалось, что извечно не было в ней такой правды, под крылом которой мог бы посогреться всякий...». Из-за потери Веры (правды у всех разные, Истина – одна, и это знание Божьих заповедей и их исполнение) Григорий Мелехов уходит от правды, направленной к его сердцу, за что будет осужден собственной совестью. А начало прозрения – разговор с дедом Гришакой, для которого правда равна Божьему Суду: «По Божьему указанию все вершится». Дед Гришака часто цитирует Евангелие, и именно к нему приходит Мелехов за разъяснением Библейских фраз, поскольку образ этого старого казака представлен в романе как образ юродиво-

го праведника, отвергаемого всеми, не принимаемого всерьез, осмеянного, гонимого за взгляды даже родней.

Благодаря точке зрения, опирающейся на Священное Писание, характерной для простого народа («Яко...не своей си благодатию...но волею Бога нашего приидох...»), высказанной дедом Гришакой, мы видим в Мелехове периоды приливов и отливов веры. В конце концов герой приходит к мысли, что жить по правде – значит отвечать за другого, за всех людей («я несу за вас крестную ответственность»).

Мотив греха-покаяния важен для понимания верности Православным традициям как Григория Мелехова, так и самого М.А. Шолохова. Казалось бы, отношение к вере и у героя и у автора чисто формальное, внешнее. Да и не могло быть иначе: о преследованиях за веру и гонениях на веру мы знаем из личного опыта. Но кощунственного святотатства нет ни в ком из них. Если сопоставить действия Григория Мелехова с теми, которые должны быть исполнены христианином, можно обратить внимание на соблюдение героем Божьих заповедей. Конечно, часть из них он нарушает, ведь человек грешен, но часть остается незыблемой: например, первая «Аз есмь Господь Бог твой: да не будут тебе бози инии, разве Мене». Никаким иным богам ни один из казаков не молился, наоборот, в самую трудную минуту жизни все они обращаются с молитвой к их родному, единому Богу, просят защиты и помощи только от него. Это и привычка благодарить дающего с именем Бога на устах, и вопль «помоги» в момент отчаянной опасности, и вздох облегчения, что смерть прошла мимо. Никто и никогда не произносит имени Бога всуе, в качестве вводного слова или междометия. Казаки соблюдают традиции и по выходным дням посещают храм, а главный герой спокойно сглашается на совершение обряда венчания, взяв в жены по настоянию отца Наталью Коршунову, нелюбимую, но кроткую и любящую его девушку. Это абсолютно нормально для него и не вызывает никакого отторжения, поскольку все казаки так живут. И что это, если неисполнение еще одной заповеди: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли». Лишь один раз Григорий серьезно противоречит отцу, когда подверженный общей идее обогащения за счет других, он приезжает к сыну с целью отобрать у слабых их имущество. Мелехов младший резко осуждает отца и высказывает свое категоричное отрицательное мнение по этому поводу. Никогда Григорий Пантелеич не лжесвидетельствует ни на друзей, ни на врагов. В этом он тоже верен данным Богом заповедям.

А если вспомнить о Нагорной проповеди, читая которую Иисус Христос, как Царь неба и земли, обещал всем, исполняющим ее заповеди, вечное блаженство в будущей вечной жизни, можно обратить внимание, что Григорий Мелехов, соблюдая по крайней мере три из них, остается верен традициям Православия.

Что это за заповеди? Четвертая: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся». Заповедь означает: счастливы желающие правды, то есть полного духовного насыщения – душевного мира, оправдания и помилования. А чего же, если не душевного мира ищет Григорий Мелехов, проходя дорогами трагических испытаний любовью, войной, властью. На этом тяжелом, тернистом пути автор испытывает героя на человечность, способность сохранять нравственные ценности, впитанные с молоком матери.

Пятая: «Блаженны милостивии, яко тии помилованы будут». Смысл данных слов: если человек не воздаст злом на зло, от всего сердца прощает врагов своих, он обретет жизнь счастливую в вечности. («Именно через своего главного героя писатель приводит читателя к чувству и мысли прервать дурную бесконечность возмездия и борьбы...остановиться, простить, забыть, начать сначала,»). Во втором томе романа читателю представлен диалог Григория Мелехова и Мишки Кошевого, точно передающий основы мировоззрений одного и второго героев. Для Кошевого это необходимость мести: «Довелось бы мне тебя тогда поймать, я и тебя бы положил...» А для Мелехова – необходимость всепрощения: «Ты брата Петра убил, а я тебе что-то об этом не напоминаю... Ежели все помнить – волками надо жить ... когда Ивана Алексеевича в Усть-Хопре в плен забрали, спешил, боялся, что и ты там...что убьют тебя казаки...».

Седьмая заповедь гласит: «Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся». Миротворцы – живущие со всеми в мире и устанавливающие мир. Конечно, герой не живет со всеми в мире, да это и невозможно во время, описываемое Михаилом Александровичем Шолоховым. Но что же, если не желание жить со всеми в мире, толкает Григория на уход из рядов и белых и красных и возвращение домой, к семье, к сыну, то есть к истинным духовным началам? Выбрасывая оружие, отказываясь от борьбы, Григорий Мелехов завершает путь блужданий и бесприютности и, подобно блудному сыну, возвращается с покаянной головой к своим корням.

Помимо изображения жизненных испытаний главного героя, Шолохов обращается к использованию мотива воды как очищающей силы, связанной с

традицией христианского осмысления символа в качестве олицетворения крещения, очищения, воскрешения и смирения, бесконечности бытия.

В романе-эпопее «Тихий Дон» М.А. Шолохов использует и подлинные казачьи молитвы, которые не произносятся, а переписываются, зашиваются в носильные вещи как талисман, призванный сохранить казакам жизнь. Это молитва от ружья, молитва от боя и молитва при набеге. Конечно, они не канонические, соединяют заговор и молитву традиционную, но любая молитва есть «вообще возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным символом человека к Богу».

В романе встречаются и молитвы, «вырвавшиеся из самой глубины страдающей души», знакомые всем православным людям с детства. Слова из «Отче Наш», «Святый Боже», «Богородица Дева, радуйся» разбросаны короткими фразами по всему тексту романа «Тихий Дон». Напомню, что молитвы в христианстве есть и вариация песни, но обращенной к Богу – псалом – песнь сокровенная, покаянная. Они также «рассредоточены по всему полю романа, но аккумулярованы в трех, данных однократно, затем растворенных в отдельных словах, фразах, даже кратких обращениях «Господи».

Подводя итог всему сказанному, можно привести слова о. Дмитрия Дудко: «В каждом человеке он [М. Шолохов] видит человека по-евангельски – образ и подобие Божие».

*Л.П. Разогреева,
старший научный сотрудник Государственного
музея-заповедника им. Шолохова*

Авторская позиция в романе «Поднятая целина»

Основательное и подробное рассмотрение этой темы – работа, которая далеко выходит за рамки одной статьи.

Для рассмотрения я взяла за основу первую книгу романа по нескольким причинам. Одна из них – не может быть абсолютно одинаковой позиция 25-летнего юноши и прошедшего много испытаний 55-летнего мужчины.

Сам автор «Поднятой целины» говорил в начале 70-х годов: «Мне бы сейчас за «Тихий Дон» взяться, да и за «Целину». Вот сейчас я бы их написал».

Тема позиции автора в «Поднятой целине» занимала и занимает многих, пишущих о романе. Например, Б.Н. Проценко факт отсутствия в романе казачьего фольклора, показ М. Шолоховым изменений менталитета не в лучшую сторону в результате социальных потрясений, начиная с 1917 года,

рассматривает как стремление автора показать обеднение и нравственное оскудение культуры донского казачества за 13 лет советской власти.² Примером верности выводов Б. Проценко может служить в том числе и следующее.

В «Тихом Доне», когда Штокман поднял вопрос о распределении имущества бежавших с белыми, «толпа покатила к выходу, как рассыпанная дробь». «Хозяева придут, опосля глазами моргай», – сказал один из казаков.

«Штокман пытался уговаривать самых бедных, чтобы не расходились, а Кошевой, мучительно побелев, шепнул Ивану Алексеевичу: «Я говорил – не будут брать. Это имущество лучше спалить теперь, чем им отдавать!..».

В «Поднятой целине» при раздаче кулацкого добра люди прямо на снегу разувались, примеряя добротную кулацкую обувь, телешились прямо на амбарной приклетке, дед Щукарь ликовал: «Вот он, полушубочек-то! Своим горбом заработал».

Ю.А. Дворяшин в книге «М. Шолохов: грани судьбы и творчества» пишет: «Эпоха коллективизации изображается Шолоховым как время, характеризующееся особенным ожесточением нравов, когда человеческая жизнь во многом утратила значение высшего гуманистического критерия, а насильственная смерть человека стала восприниматься как привычное дело».

«В <...> объективном, правдивом изображении антигуманности новой жизни проявляется подлинный реализм «Поднятой целины». В указании на враждебность нового порядка основам народной, казачьей, жизни находит себя авторская позиция», – считает исследователь Г.А. Фролов. Нарушены естественное содержание и течение жизни. «Великий перелом» свёлся к борьбе, конфронтации, разрушению.

Выдвигались и такие предположения: в размышлениях Половцева настоящему выражена авторская позиция.

В 1990-е годы особенно много споров стала вызывать «Поднятая целина». Причиной тому – происходившие в стране перемены, переоценка ценностей, ставшие достоянием гласности многие исторические документы и факты. В это время в литературной критике и публицистике резко поменя-

лись оценки, в первую очередь главных героев. Давыдов из образца рабочего, «равного которому нет ни в отечественной, ни в мировой литературе», превращается в матроса-братишечку, которому ничего не стоит вышвырнуть из своих домов, отправить в гиблые места в том числе и детей, и стариков.

Современные литературоведческие споры над текстом «Поднятой целины» чаще всего затрагивают и личность автора. В одном случае Шолохов объявляется писателем, принявшим линию партии на сплошную коллективизацию любыми путями. Прямо противоположная точка зрения – Шолохов противник коллективизации, что следует не только из его писем и публицистики, но и много тому примеров в тексте романа. В исследованиях существует и точка зрения, что «Поднятая целина» создана в угоду существующей власти, что роман – апологетика сталинщины. Автор многочисленных глубоких и интересных работ о «Тихом Доне» С. Семанов в статье «О некоторых обстоятельствах публикации «Тихого Дона» пишет: «...Сталину в его ближних и дальних политических интересах несомненно была необходима книга о коллективизации, причём, в высокохудожественном исполнении писателя, чей талант и честность очевидны и несомненны». И далее о том, что только благодаря «Поднятой целине» была продолжена публикация «Тихого Дона».

Как только стала печататься «Поднятая целина», она сразу же стала объектом пристального внимания критики, которая путём идеологической подтасовки интерпретировала её как воспевание перестройки деревни, хотя, следуя современным взглядам на роман, надо признать, что социально-утверждающего начала в нём явно недостаточно.

Уже в 30-е годы «Поднятую целину» стали называть образцом литературы, созданной по канонам социалистического реализма. В школьном изучении Давыдов – истинный большевик, воплощение воли и разума партии; Нагульнов – пламенный революционер, а его левацким замашкам можно только умиляться. Размётнов, хотя и имеет недостаток революционной решительности, но тоже в целом положительный герой романа. Знания о романе, полученные в школе, для большинства остаются основными и часто единственными. Неискушённый читатель вряд ли задумывается о том, что роман уже печатался в «Новом мире» начиная с января 1932 г., а термин «социалистический реализм» упоминается впервые 23 мая 1932 г. в «Литературной газете».

С 1932 по 1934 год вопросы теории искусства приобрели особую актуальность. В центре дискуссий оказались проблемы метода социалистического реализма как нового творческого метода, основные принципы которого зафиксированы затем в уставе, утверждённом на I съезде Союза советских писателей, который состоялся 17 августа 1934 года.

При вручении Ленинской премии за роман «Поднятая целина» Шолохов говорил: «...один читатель <...> всерьёз упрекает меня в том, что в «Юрии Милославском» автор сохранил героев, а Шолохов убил Нагульнова и Давыдова. «Что здесь общего с социалистическим реализмом?» – спрашивает он. Но слушаться таких советов нельзя. Я и впредь буду писать как на душу положено».

Многие читательские письма 30-х годов, написанные по «горячим следам» вышедшей 1-й книги романа, интересны тем, что их авторы считают «Поднятую целину» критическим произведением о коллективизации: «о женщинах мало писал хорошего, как-будто не было ни одной женщины, которая сознательно строила колхоз»; «в «Поднятой целине» интересно так про казаков сказано, или как бабы самого главного, что из Москвы приехал, по глупости по своей по бабьей избивают, а о новой жизни непонятно, невразумительно объяснено. Поэтому и книга мне не очень понравилась».

По отношению критики к «Поднятой целине» можно судить не только о самом романе, но и о политических настроениях и пристрастиях в обществе. Если в так называемое советское время роман единогласно признавали учебником по коллективизации, одним из лучших произведений о строителях новой жизни, то, начиная с середины 80-х годов, мнение критики существенно изменилось. С одной стороны «Поднятую целину» стали относить к критическим произведениям по отношению к советской власти, писать о том, что Шолохов хитро завуалировал свою неприязнь к коллективизации. С другой стороны «Поднятую целину» предлагалось выбросить из школьных программ как просоветское произведение, а значит вредное.

Но, как считает литературовед Г. Ермолаев, противоречия в содержании «Поднятой целины», обнаруженные сейчас некоторыми исследователями, не являются противоречиями автора – это, прежде всего, противоречия действительности в его изображении. По его мнению, это так называемый подцензурный реализм с глубоким подтекстом.

Тому, насколько правдив в «Поднятой целине» фактический материал можно найти немало подтверждений в разного рода документальных источниках того времени. В музее-заповеднике М.А. Шолохова хранятся дневники вёшенского комсомольца Тихона Пузанова. Приведём отдельные эпизоды из дневников. «По левадам озверевшие собаки таскали овчины с зарезанных овец, видно, не прихоронил хорошо их хозяин. Дед Мишка овец порезал, с собаками делёжку устроил, но не дал пришедшим за ними комсомольцам. Бабы длинными языками хвалили действия деда Мишки». Или другой эпизод: обобществление имущества «...у нас в хуторе возглавлял Яшка Крамсков. Обдирал всех кто под руку попадётся... ломали у сундуков замки, забирали последний гашник (поясок! – Л.Р.). Те хозяйства, которые подлежали раскулачиванию, распродавали и деньги брали себе. Сельсоветом за зиму продано кулацкого имущества на несколько тысяч рублей, и денег нету».8

Сам Шолохов говорил, что для «Поднятой целины» ему не надо было собирать материал – он сгрёб его в кучу. Но это совсем не значит, что писатель всего лишь документально достоверно изобразил события, происходившие на Дону в годы коллективизации. В очередной раз встаёт вопрос: какова же позиция автора, который пишет о людях, постаревших на 10 лет после того, как Григорий Мелехов вернулся на порог родного дома?

Шолохов, стремясь выписать объективную картину происходящего, истоки нищеты видит (об этом говорят многие судьбы) в уничтожении казачества после революции, в страшной трагедии, которую пришлось пережить хуторам и станицам. «Социалистическое переустройство деревни» в романе сопровождается многочисленными насильственными смертями, хотя страна давно уже перешла к мирному строительству.

В первой книге романа чётко прослеживается, как уничтожение зажиточных казаков, налоги, деление на своих и чужих приводят к озлоблению и даже желанию гражданской войны, чтобы «поквитаться».

Немало общих черт у Нагульнова и Половцева. Они продолжают воевать по разные стороны баррикады. И тот, и другой «для дела» без тени сомнения и стариков, и детишек – всех в распыл пустят. Оба немислимы вне борьбы, вне войны, без оружия. Для Нагульнова колхозное строительство – это война, и методы, по его мнению, должны быть те же. «Я эскадрон водил и на поляков, и на Врангеля и знаю: раз пошёл в атаку – с полдороги не по-

ворачивай назад!..» (5, 224) – говорит Макар при обсуждении статьи И. Сталина «Головокружение от успехов».

Образная параллель «Половцев – Нагульников» позволяет выявить главный гуманистический смысл романа, который заключается в авторском неприятии насилия, жестокости, следствием каких бы революционных поступков они ни являлись. В книге сына писателя М.М. Шолохова опубликовано сказанное писателем: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает. <...> А коллективизация? А 1933 год? А дальше? Когда там по вашим учебникам гражданская закончилась? В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас ещё идёт. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Так между собой пересобачить людей, родню даже кровную, это, я тебе скажу, уметь надо».9

С самого начала Шолохов обозначил в романе установку новой власти на насилие. На собрании по созданию колхоза большинство хуторян выступает против. Размётнов «с уверенной ухмылкой, поигрывавшей в его злобно-ватых глазах», говорил: «Мы им рога посвернём! Все будут в колхозе».

Трагична в очередной переломный момент судьба казаков. Шолохов, по сути, развенчивает борьбу коммунистов с так называемыми кулаками. Подробно рисуя портреты Гаева, Бородина, Островнова, писатель подчёркивает в них трудолюбие, хозяйственную жилку. Островнов как никто знает сельское хозяйство, умеет работать, любит землю. Но у Островнова сразу же конфисковали зерно, наложили непомерные продналоги, заставили почти все продукты сдавать государству. Это был узаконенный грабёж, толкнувший многих на активное сопротивление советской власти. «Налогами задушили, удобу забирают <...>, а то само собою на кой вы нам ляд, дворяне, да разные подобные нужны. Я бы ни в жизнь не пошёл на такой грех!» – говорит Островнов. Разве это не напоминает ситуацию из «Тихого Дона», когда сопротивление, т.е. Верхнедонское восстание 1919 года, было вызвано также «перегибами» новой власти?

Из уст людей не из стана врага, а обыкновенных трудовых казаков звучат откровенно антисоветские фразы: «Зараз проявилось у советской власти два крыла: правая и левая. Когда же она сыметя и улетит от нас, к ядрене-фене?». И это было написано в 30-е годы!

Не только казаки, но и старухи требуют встречи с господами офицерами, чтобы узнать, когда начнётся восстание против безбожной власти. Это значит, что они благословили бы своих сыновей на вооружённую борьбу с новой властью.

На сходке «союза» происходит следующий разговор: «Жизня такая, что, если б банда зараз была, сел бы на коня и начал коммунистам кровь пущать», – говорит Тимофей. «Война как бы не началась», – тревожится другой. «Поддай-то господи! – подхватывают сразу несколько человек. – Уподобь, святой Егорий Победоносец! Хоть бы и зараз! С кольями бы пошли, как вёшенцы в девятнадцатом году!».

На одном из собраний Давыдов в ответ на враждебную реплику, бледнея, заявляет: «Я ещё доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим». Во время массового забоя скота Нагульнов твёрдо уверен, что «надо непременно расстрелять двоих-троих гадов за скотину! Кулаков надо расстрелять!». «Время подошло позиционное, как в гражданскую войну, враг кругом ломится...».

Или Половцев «скрипя зубами, бормотал: «Рвут из-под ног землю! Опоры лишают... Рубить! Рубить! Рубить беспощадно! <...> Да когда же этот час?.. Господи, приблизь твою кару!».

С преследованием, гибелью зажиточных крестьян писатель связывает и исчезновение в деревне хозяина земли. На примерах многих судеб Шолохов раскрыл всю нелепость понимания новой властью назначения человека на земле, смысла его труда. Показал, как обнищание, налоги, деление на своих и чужих приводят к озлоблению, к жестокости, к преступлению, порождают жажду гражданской войны, как у Тимофея Рваного: «Раз меня казнят, и я буду казнить». Узаконенное насилие определило и типы нового героя времени. Это «несгибаемые солдаты партии», «железные коммунисты». В общественные отношения переносятся терминология и психология войны.

Многие исследователи отмечают вставные новеллы как важную особенность структуры романа. Предыстории героев во многом обуславливают их характеры и поведение. Например, не были бы понятны многие поступки Размётнова без памяти о гибели его жены и смерти его малолетнего сына в гражданскую войну. Нагульнов красив, «если бы не слишком хищный вырез ноздрей <...>, да не мутная наволочь на глазах» (5, 18). У него с детства

ненависть к хлебобобовской собственности. Он говорит Давыдову: «Я зараз, дорогой товарищ, как во дни гражданской войны, как на позиции. В землю надо зарыться, а всех завлечь в колхоз. Всё ближе к мировой революции».

Показательна сцена раскулачивания Бородина. «Макар! Помни, – потрясая связанными руками, как пьяный, закричал Титок. – Помни: наши пути схлестнутся! Ты меня топтал, а уж тогда я буду. Все одно – убью! Могила на нашу дружбу!».

Гремяченские организаторы новой жизни – Давыдов, Нагульников, Размётнов – прошли хорошую школу науки ненависти и разрушений. Но они не умели строить. Они одиноки, не имеют семьи, ничего своего, чем бы можно было дорожить. В очередной раз «великий перелом» – на этот раз коллективизация, сводится к разрушению, жестокой и кровавой борьбе. Этот процесс сопровождается раскулачиванием – то есть грабежом, возведённым в ранг государственной политики.

Весь Гремячий Лог ввергнут в состояние вражды, воздух пропитан духом ненависти и смерти, многочисленные семьи так называемых «кулаков», в том числе стариков и детей, обречены на вымирание. Иными словами, народ вновь ввергнут в пучину гражданского противостояния.

Гибель главных героев в финале романа – закономерна, потому что они сделали ставку на насилие, а это противоречит законам жизни. И в этом также нельзя не разглядеть авторскую позицию отрицания гражданского раздора. Неслучайно первоначальное авторское название романа «С кровью и потом». Страницы романа, образно говоря, пропитаны кровью.

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть следующее.

«Поднятая целина» не анафема и не апофеоз коллективизации, а правдивое, художественное изображение исторических событий начала 30-х годов.

Для автора романа «вставшая на дыбы» жизнь в Гремячем – это продолжение гражданского противостояния в новых исторических условиях. В отрицании такого противоестественного хода человеческой истории явно просматривается авторская позиция.

Шолохов М.А.

«Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти»

Это письмо М.А. Шолохова И.В. Сталину пролежало в архиве Политбюро ЦК 60 лет. Оно рассказывает о трагических событиях 1932— 1933 годов— о хлебозаготовках, проводимых методами жутких репрессий, о том, чем был вызван страшный голод 1933 года, приведший к смерти миллионы крестьян. Шолохов в письме, датированном 4 апреля 1933 года, повествуя об этих событиях, просил у Сталина помощи для Вешенского и Верхне-Донского районов Северо-Кавказского края. «Вождь народов» 16 апреля ответил телеграммой: «Сообщите о размерах необходимой помощи». В тот же день Шолохов пишет второе письмо. 22 апреля Сталин присылает писателю еще одну «молнию»: «Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов всего сто

двадцать тысяч пудов. Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов...»

Об остальных голодающих районах, краях, областях Сталин умолчал. О репрессиях и издевательствах тоже. Правда, в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июля 1933 года крайкому было указано «на недостаточный контроль над действиями своих представителей и уполномоченных». Упомянутых в письме Зимина и Овчинникова сняли с занимаемых постов, Плоткину и Пашинскому объявили строгий выговор, а «все другие меры наказания», вынесенные им, постановили «считать аннулированными». Дело в том, что в мае того же года Пашинский был приговорен к расстрелу выездной сессией крайсуда, а семеро из его «агитколонны» получили тюремное заключение. Но Политбюро эти наказания отменило, «аннулировало».

М.Л. ШОЛОХОВ — И.В. СТАЛИНУ
04.04.1933 г., станция Вешенская.

Т. Сталин!

Вешенский район, наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. Словом, район как будто ничем не отличается от остальных районов нашего края. Но причины, по которым 99% трудящегося населения терпит такое страшное бедствие, несколько иные, нежели, скажем, на Кубани.

Прошлые годы Вешенский район был в числе передовых по краю. В труднейших условиях 1930 — 31 гг. успешно справлялся и с севом и с хлебозаготовками. О том, как парторганизация боролась за хлеб, красноречиво свидетельствуют цифры роста посевных площадей.

Посевная площадь по колхозно-единоличному сектору:

1930 г. — 87 571 гек.

1931 г. — 136 947 гек.

1932 г. — 163 603 гек.

Как видите, с момента проведения сплошной коллективизации посевная площадь выросла почти вдвое. Как работали на полудохлом скоте, как ломали хвосты падающим от истощения и устали волам, сколько трудов положили и коммунисты и колхозники, увеличивая посев, борясь за укрепление колхозного строя, я постараюсь — в меру моих сил и способностей — отобразить во второй книге «Поднятой целины». Сделано было много, но сейчас все пошло насмарку, и район стремительно приближается к катастрофе, предотвратить которую без Вашей помощи невозможно.

Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство. На примере Вешенского района я постараюсь это доказать.

В 1931 г. колхозы Вешенского района полностью выполнили план хлебозаготовок в 21 000 тонн, заготовили семена на 163 603 гек. озимого и ярового клина, выдали колхозникам на трудодни 7323 тонны (по 81/2 пудов в среднем на едока) и осенью подняли 73 000 гек. зяби.

Весною 1932 г. приступили к севу. Решение ЦК и Совнаркома «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г.» застало колхозы нашего района еще в момент сева колосовых. Его проработали во всех бригадах, распространили широчайшим образом. И оно сыграло немалую роль в деле поднятия производительности труда! Колхозника ориентировали так: «В прошлом году колхоз ваш сдал на хлебозаготовки одну тысячу тонн, а в этом году, при сниженном плане, сдаст меньше. Остальное— ваше! Распределяйте на трудодни и распоряжайтесь, как хотите».

План сева к 26 мая был выполнен по району целиком, включая и 13000 гектар дополнительного. Но надо сказать, что на изрядной и никем не учтенной площади высев зерна был произведен в значительно меньшей норме, чем полагалось бы, т.к. зерно крали колхозники во время сева из сеялок. В этом деле бесспорно одно: воровали не «из любви к искусству» и не ради стяжания, а в большинстве случаев потому, что в 1931 г. получили— по сути— полуголодную норму (8 1/2 пудов на едока), да и из этой нормы весною 1932 г., когда край прислал дополнительный план по пшенице, взяли на обсеменение часть выданного осенью хлеба.

Каков был урожай по верхнему Дону в 1932 г.? Я изъездил и исходил много полей, и не только колхозов Вешенского, но и соседних районов. Урожай можно смело назвать «лоскутным». Он и пестр был, как лоскутное одеяло. Стогектарная клетка пшеницы, посеянной в первых числах апреля, на вид давала 30 — 35 пудов, а рядом такая же клетка пшеницы, посеянной в конце апреля либо в начале мая, выглядела неизмеримо хуже. В одном и том же колхозе урожай колебался от 4 пудов с гектара до 40. Большое количество посевов — преимущественно поздних — погибло окончательно. Так по колхозам Вешенского района из общей посевной площади в 163603 гек. погибло 14017 гек. одной пшеницы, да 6866 гек. пропашных.

В конце июня секретарь РК Луговой получил двухмесячный отпуск по болезни. С этим временем совпал уход старого председателя РИК'а (районный исполнительный комитет). Заворг РК Лимарев и новый председатель РИК'а Карбовский приступили к составлению хлебофуражного баланса, используя данные районной комиссии по определению урожайности.

Районная комиссия, определявшая урожайность, в большинстве состояла из людей новых в районе, абсолютно не знавших ни условий района, ни того, как проводился весенний сев. Комиссия не учла того обстоятельства, что 20883 гек. погибших посевов не исчерпывали минусов районного хозяйства, что помимо этого по колхозам имелась огромная неучтенная площадь поздних, забитых сорняками хлебов, которая даст значительно сниженную урожайность. Поэтому-то и была допущена переоценка урожайности. В среднем ее установили по пшенице 5 центнеров с 1 гектара и по ржи 7 центнеров, а в среднем по всем культурам, включая все колосовые и пропашные, — 5 центнеров с 1 гектара.

Опираясь на выводы комиссии, районное руководство, составлявшее хлебофуражный баланс, пришло к заключению, что валовая продукция по району составит 82000 тонн. Нелепость такого предположения очевидна уже по одному сопоставлению следующих цифр: известно, что урожай 1932 г. был ничуть не лучше урожая 1931 г., следовательно, если за отправное брать одинаковую урожайность этих лет, то прирост валовой продукции в 1932 г. должен идти только за счет прироста посевной площади. Валовая продукция по району за 1931 г. составляла 43 165 тонн, посеяли в 1932 г. по сравнению с 1931 г. на 26 656 гек. больше, перемножив 26656 на 5 центнеров, мы получим, разумеется, грубый, но все же приближающийся к действительности

подсчет прироста валовой продукции за 1932 г. В общей сложности валовая продукция в 1932 г. едва ли превышала 56 000 — 57 000 тонн. Ее же «определили» в 82000 тонн. Просчитались... миллиона на полтора пудов. Но не только просчитались, наспех состряпав «определение урожайности», вдобавок еще и хлебофуражный баланс районные руководители составили следующим образом: на хлебозаготовки — 22 000 тонн, на выдачу по трудодням — 18696 тонн, на прокорм скота — 17000, остальное — на семена и различные фонды.

8 июля завог РК Лимарев и председатель РИК'а Карбовский были вызваны в Крайком для рассмотрения хлебофуражного баланса. Баланс был рассмотрен в присутствии т. Шеболдаева, который обвинил вешенское районное руководство в злостном преуменьшении урожайности, а баланс назвал «кулацким». Тут же он предложил Лимарева с работы снять, а в Вешенский район послать авторитетную комиссию, в обязанности коей входило установить доподлинную урожайность и в случае если подтвердится преуменьшение урожайности, — районное руководство снимать и судить. Вместо намечавшихся по балансу 22 000 тонн хлебозаготовок он предложил сдать 53 000 тонн и, соответственно с этим, пересоставить остальные статьи расхода по хлебофуражному балансу.

Лимареву т. Шеболдаев запретил выезд в район, оставив его своеобразным «заложником», а тем временем в Вешенскую выехала краевая комиссия по установлению «настоящей» урожайности. В комиссию эту вошло двое: зав. зерновым сектором Крайкома т. Федоров и секретарь парткома Сельмаша т. Овчинников.

Что послужило т. Шеболдаеву основанием для обвинения Вешенского РК в преуменьшении урожайности, я не знаю, но думаю, что т. Шеболдаев никакими твердыми данными на этот счет не располагал и что в этом деле решающую роль сыграл т. Пивоваров, который в конце июня на автомашине наискось пересек Вешенский район и на обратном пути из Вешенской, на полях Варваринского колхоза, над дорогой видел ранний мелионопус. Мелионопус этот был действительно превосходен! Пудов на 50 с гектара. После незавидных хлебов варваринский мелионопус обрадовал хозяйский глаз т. Пивоварова, но на совещании Пивоваров, вероятно, запамätовал, что не по всему Вешенскому району были такие стандартно хорошие хлеба, и когда в Крайкоме встал вопрос об урожайности в Вешенском районе — Пивоваров

заявил: «В Вешенском районе пшеница даст не меньше 10 центнеров с га. Стыдно вешенцам плакаться на плохой урожай!»

Случайное и не соответствующее действительности заявление т. Пивоварова бесспорно утвердило т. Шеболдаева в мысли, что вешенцы с урожайностью лукавят.

Перехожу к последовательному изложению событий. 14 июля Овчинников и Федоров прибыли в Вешенскую и в сопровождении заврайзо [заведующий районным земельным отделом] Вешенского РИК'а Корешкова выехали на правую сторону Дона, где была наиболее плохая урожайность, определять на глазок, «сколько даст гектар?».

Отъехали километров 10 от Вешенской. Федоров, указывая на делянку пшеницы, спрашивает у Корешкова:

— По-твоему, сколько даст гектар этой пшеницы?

КОРЕШКОВ. — Не больше трех центнеров.

ФЕДОРОВ. — А по-моему, не меньше десяти центнеров!

КОРЕШКОВ.— Откуда тут десять центнеров?! Ты посмотри: хлеб поздний, забит осотом и овсюком, колос редкий. Такой урожай на этих землях был только в 1909 году. Это ведь тебе не Кубань.

Проехали километров 5 и снова стали определять. И снова разошлись в оценке... Этак несколько раз. Доехали до посевов Грачевского колхоза. Тут-то и возникла между Корешковым и Федоровым жестокая перепалка.

— Сколько даст этот гектар? — спрашивает Федоров.

— Пять центнеров, — отвечает Корешков.

— Не пять, а девять иди десять!

— Колос от колоса — не слышать девичьего голоса, и десять?

Федоров ответил на это буквально следующее:

— Если смотреть с машины, то колос действительно кажется редким, а вот ты слезь с машины, нагнись да посмотри: сплошные колоски!

Корешков — сын батрака украинца Криворожского района. Отца его заповороли в конце 1918 г. казаки. Сам Корешков в марте 1918 г. ушел в красный партизанский отряд им. Гавриловен с 1918 г. по 1923 г. был в Красной армии, сначала рядовым и под конец пом. комполка. Исходил все фронты,

ранен и два раза контужен (последний раз тяжело), имеет орден Красного Знамени. После демобилизации работал на Кадиевском руднике шахтером, а потом у себя на родине председателем сельсовета. В 1930 г. окончил курсы по советскому строительству при ВЦИК'е, был направлен на Северный Кавказ и послан в Вешенский район заведовать Райзо.

Корешков — человек грубоватый от природы, вежливому обращению необученный, да вдобавок еще страдающий нервными припадками (последствия контузии) — взбешенный советом зав. зерновым сектором Крайкома т. Федорова «слезть с машины, нагнуться и усмотреть сплошные колоски», — ответил:

— Я вот сыму штаны, да стану раком, а ты нагнись и погляди. Не такое увидишь!..

Снова крепко поругались. Корешков, видя беспомощность членов комиссии по части вопросов сельского хозяйства, решил убедиться в их познаниях окончательно: подъехали к затравевшей деляне.

— Что тут посеяно, как вы думаете? — спрашивает Корешков.

Члены комиссии пришли к общему заключению, что посеяно просо. На самом же деле это была деляна майских паров, на которых кое-где возшло просо-падалица и редкие подсолнухи, перемешанные со всяческими сорняками...

Все это, дорогой т. Сталин, было бы смешно, если б, разумеется, не было так грустно. Так вот дальше: сопровождаемая Корешковым комиссия проехала по хлебам ряда колхозов, еще раз попытались совместно определить урожайность, но и тут неудачно. На этот раз объектом определения было просо Наполовского колхоза. Корешков утверждал, что просо даст не больше 6 центнеров, а члены комиссии полагали, что даст не меньше 14—15 центнеров. Подозревая, что члены комиссии над ним издеваются, Корешков слез с машины и заявил:

— Вы езжайте и определяйте сами, а я пешком пойду в Вешенскую! Так определять нельзя!

Кое-как примирившись, вернулись они в Вешенскую вместе. Тем временем в Вешенской срочно пересоставляли хлебофуражный баланс. Пересоставляли, но ничего не получалось, т.к. при новом плане хлебозаготовок в 53 000 тонн не выходило колхознику на трудодень по 2 кил. хлеба. А Крайком ориентировал именно на эту норму. Для того чтобы «сбалансировать», Овчинников предложил на бюро РК повысить урожайность в среднем на 1 центнер. Бюро голосовало этот вопрос и, несмотря на настойчивое требование Овчинникова, повышать отказалось. «Сбалансировали же» за счет снижения нормы натуральной выдачи и за счет беспощадной урезки фуража и фондов, из коих полагалось выдавать сельским специалистам: врачам, агрономам, учителям и пр.

Овчинников уехал в Ростов и заверил Крайком в том, что план в пятьдесят с лишним тысяч тонн вполне реален для Вешенского района. План окончательно утвердили в размере 51 700 тонн и 21 июля уже приступили к разверстанию плана по колхозам Вешенского района.

Отсюда и началось массовое хищение хлеба. Колхозник рассуждал так: «В 1931 г. план мы выполнили с напряжением и весной на семена занимали у нас. А теперь, вместо обещанного в мае снижения, придется платить в два с половиной раза больше. Значит, хлеб заберут весь до зерна. Надо запасаться!»

И начали запасаться, невзирая на постановление «Об охране общественной собственности». Воровали на покосе, на гумнах, всюду! И не только воровали, но и плохо работали. В августе в течение трех недель шли дожди. Они погубили десятки тысяч центнеров хлеба. В один из таких дней я ехал верхом через поля Чукаринского колхоза. Дождь прошел утром. Грело солнце. Копны, испятнавшие всю степь, надо было раскидывать и сушить, но бригады все были не в поле, а на станах. Подъехал к одному стану. Человек 50 мужчин и женщин лежат под арбами, спят, вполголоса поют, бабы ищутся, словом, празднуют. Обозленный, я спрашиваю:

«— Почему не растрясаете копны? Вы что, приехали в поле искаться да под арбами лежать?» И при сочувственном молчании остальных одна из бабенок мне объяснила: «— План в нынешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь за границу уплывет. Через то мы с ленцой и работаем,

не спешим копны сушить... Нехай пашеничка трошки подопрет. Прелая-то она за границу не нужна, а мы и такую поедем!»

К середине ноября большая часть хлеба была обмолочена и свезена на ссыпункты. Крайком во второй раз снизил план на 11 130 тонн. По колхозам приступили к вторичному обмолоту. Чрезвычайный уполномоченный Крайкома т. Гольман приступил к вывозу хлеба, оставлявшегося на семена. Начались интенсивные поиски разворованного зерна. К 14 ноября было обыскано около 1500 хозяйств из общего количества имеющихся по району 13 813 хозяйств. План хлебозаготовок к середине ноября был выполнен на 82%. Сдано было около 31 000 тонн.

Но т.к. падающая кривая поступлений хлеба не обеспечивала выполнения плана к сроку, Крайком направил в Вешенский район особого уполномоченного т. Овчинникова (того самого, который некогда приезжал устанавливать «доподлинную» урожайность). В день приезда Овчинников провел совещание с Гольманом и секретарем Вешенского РК Добринским. На его вопрос «будет ли выполнен план?» — Гольман ответил отрицательно. Сомнения высказал и секретарь РК Добринский. Овчинников им заявил, что «плана они не выполняют, сколь у них нет веры в его реальность», и предупредило том, что поставит об этом в известность т. Шеболдаева.

16 декабря Овчинников, Гольман и Добринский приезжают в Крайком. По представлению Овчинникова Гольмана — члена партии с 17 или 18 года — исключают из партии, а Добринского снимают с работы с запрещением в течение 3 лет занимать ответственные партийные должности.

20 декабря Овчинников возвращается в Вешенскую. На расширенном заседании бюро РК, в присутствии уполномоченных РК и секретарей ячеек, прорабатывается решение Крайкома о Гольмане и Добринском. Овчинников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!»

Отсюда и начинается «ломание дров». Овчинников знал, что по колхозам в наличии имеется ничтожное количество хлеба, что переобмолот, перечистка озадков и изъятие ворованного хлеба далеко не обеспечат выполнение плана. Он стоял перед очень щекотливой альтернативой: либо заявить т. Шеболдаеву, что он его обманул, заверяя в том, что 53 000 тонн — план для

Вешенского района вполне реальный, либо выполнить план или приблизиться к выполнению. Но т.к. выполнить обычными способами, применяя не противоречащие закону и партийной совести репрессии, было невозможно — и Овчинников это чудесно знал — он и дал официальную установку парторганизации: «Хлеб взять любой ценой! Дров наломать, но хлеб взять!». Установка эта была подкреплена исключением из партии на этом же бюро РК 20 коммунистов — секретарей ячеек, уполномоченных РК и председателей колхозов, отставших с выполнением плана хлебозаготовок.

Далее Овчинников провел следующие мероприятия, о разумности и законности которых судите сами: 1) приказал изъять весь хлеб, по всем хозяйствам района, в том числе и выданный в счет 15% аванса по трудодням; 2) задолженность каждого колхоза по хлебозаготовкам приказал разверстать по бригадам с тем, чтобы те разверстали по дворам. Таким образом контрольная цифра сдачи хлеба была доведена до каждого колхозника. Последнее мероприятие было санкционировано Крайкомом.

Какие же результаты дали эти мероприятия? 1) Когда начались массовые обыски (производившиеся обычно по ночам) с изъятием не только ворованного, но и всего обнаруженного хлеба, — хлеб, полученный в счет 15% аванса, стали прятать и зарывать, чтобы не отобрали. Отыскание ям и изъятие спрятанного и неспрятанного хлеба сопровождалось арестами и судом; это обстоятельство понудило колхозников к массовому уничтожению хлеба. Чтобы хлеб не нашли во дворе, его стали выбрасывать в овраги, вывозить в степь и зарывать в снег, топить в колодцах и речках и пр. 2) Доведение контрольной цифры по сдаче хлеба до каждого хозяйства свело на нет всю ранее проделанную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Району не хватало до 100% выполнения плана хлебозаготовок более 10 700 тонн. В среднем на каждый двор приходилось контрольного задания по 45 — 50 пудов (по сути урожай с 2 — 3 гектаров...). Произошло чудовищное и ни с чем не сравнимое смешение: пошло насмарку классовое расслоение (бедняк ли, середняк ли — плати 30-40 — 50 пудов, а нет — исключают из колхоза, выгоняют из хаты на снег, конфискуют корову, картофель, соленые овощи, а то и все имущество, что называется, до нитки). Понятие «ударник» исчезло: 50 трудодней у колхозника на книжке или 300, или 700, — контрольная цифра для всех одинакова. Мало того, что у ударника отобрали ранее выданный 15% аванс, его и по сдаче хлеба сравнивали с действительным воров и лодырем.

Собрать 10000 тонн ворованного хлеба, т.е. такое количество, которого не было, — дело нелегкое. К выполнению плана можно было приблизиться, по мысли Овчинникова, только пустив в ход все средства. И он, по взаимной согласованности с приехавшим на место Гольмана уполномоченным Крайкома Шараповым (директор Ростовского завода «Красный Аксай»), дал прямую установку на перегибы, развязал руки «левакам» и массовым исключением из партии секретарей ячеек, уполномоченных РК, председателей колхозов и сельских советов, немедленными после исключения арестами вынул стать на «левую» позицию всю полутора-тысячную парторганизацию Вешенского района.

Установка Овчинникова «Дров наломать, но хлеб взять!» подхватывается районной газетой «Большевицкий Дон». В одном из номеров газета дает «шапку»: «Любой ценой, любыми средствами выполнить план хлебозаготовок и засыпать семена!» И начали по району с великим усердием «ломать дрова» и брать хлеб «любой ценой».

К приезду вновь назначенного секретаря РК Кузнецова и председателя РИК'а Королева по району уже имелись плоды овчинниковского внушения:

1) В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространившийся по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод [комитет содействия хлебозаготовкам]), по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

2) В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивая по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

3) В Лиховидовском колхозе уполномоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не садил-

ся, а сам ушел обедать. Пообедал, выспался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло... И уполномоченный продолжал собрание.

На первом же бюро РК новый секретарь РК поставил вопрос об этих перегибах. Было записано в решении бюро о том, что такие «методы» хлебозаготовок искажают линию партии. Об этом на другой день узнал Овчинников, приехавший из Верхне-Донского р-на (он работал особоуполномоченным по двум районам: Вешенскому и Верхне-Донскому) и тотчас же предложил секретарю РК: «О перегибах в решении не записывай! Нам нужен хлеб, а не разговорчики о перегибах. А вот ты с первых же дней приезда в район начинаешь разговоры о перегибах и тем самым ослабляешь накал борьбы за хлеб, расхолаживаешь парторганизацию, демобилизуешь ее!» Кузнецов настаивал на том, чтобы записать, тогда Овчинников написал телеграмму на имя т. Шеболдаева примерно такого содержания: «Новое руководство Вешенского района колеблется, говорит о перегибах, а не о хлебе, и тем самым демобилизует работников мест. Необходимо ответственность за ход хлебозаготовок возложить персонально на т.т. Кузнецова и Королева» и пр.

Телеграмму подписали Овчинников и Шарапов, находившийся под идейным протекторатом Овчинникова. Секретаря РК Кузнецова Овчинников ознакомил с содержанием телеграммы, на просьбу оставить в РК копию телеграммы ответил отказом. Затем пошел на телеграф, предложил, чтобы телеграмму передали не по телеграфу, а по телефону. Телеграмму передали при нем. Текст Овчинников положил в карман, а зав. телеграфом, коммунисту, на его слова «Оставьте текст» ответил: «Не твое дело!» Словом, телеграмму послал и «следов» не оставил... После этого он вернулся в РК и заявил Кузнецову: «Ты думаешь, что Крайком не знает о перегибах? Знает, но молчит. Хлеб-то нужен? План-то надо выполнять?» И рассказал исключительно интересный случай из собственной практики; случай, по-моему, проливающий яркий свет на фигуру Овчинникова. Передаю со слов секретаря РК Кузнецова и ряда других членов бюро РК, которым Овчинников этот же случай рассказывал в другое время. «В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК Нижне-Волжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули, докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план, в крае не на плохом счету! На 16 Всесоюзной партконференции во время перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым, к нам подходит Крыленко и спрашивает у Шеболдаева: „Кто у тебя

секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить". — „А вот он секретарь Вольского О.К.", — отвечает Шеболдаев, указывая на меня. „Ах, вот как! — говорит Крыленко. — В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне." Я подумал, что быть неприятности, дал телеграмму в Вольск, чтобы подготовили реабилитирующие материалы, но после конференции на совещании с секретарями Крайкомов Молотов заявил: „Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять даже поссорившись с крестьянином, или оставить голодным рабочего. Ясно, что мы предпочли первое". После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел!»

Как видите, помимо прямых установок для низовых партработников Овчинников употреблял для районного партактива и методы тонкой психологической обработки, не брезгуя для увеличения своего авторитета и такими вещами, как афиширование своей близости к т. Шеболдаеву.

Естественно, что после истории с решением о перегибах РК закрыл глаза на все безобразия, которые творились в районе, а если в особо исключительных случаях и говорил по поводу перегибов, то так глухо, как из воды. Решения выносились больше для очистки совести, не для проработки на ячейках, а для особой папки, на всякий случай.

После отъезда Овчинникова в Верхне-Донской район работой стал руководить Шарапов. Вот установки, которые он давал уполномоченным РК, командирам агитколонн, всем, кто заготавливал хлеб: «Не открывают ям— оштрафуй хозяйств 10— 15, заberi у них все имущество, картофель, солку, выкинь из домов, чтобы гады подышали на улице! А через два часа, если не будет перелома, снова созывай собрание и снова выкидывай на мороз хозяйств десять!» По его предложению стали широко практиковаться методы провокации. Делалось так: колхозника Иванова вызывают и говорят: «Твой сосед Петров сообщил нам, что у тебя есть яма. Признавайся, где зарыт хлеб?» А Петрова вызывают и говорят ему обратное. Потом на собрании бригады колхозников стравливают, как собак, и поощряют кровавые побоища.

«Страви их, чтобы волосы один на одном рвали, чтобы морды били друг другу до крови, а сам уходи в другую бригаду. Устрой там драку и иди в

третью. Сам будь в стороне», — поучал Шарапов уполномоченных РК и секретарей партячеек.

О работе уполномоченного или секретаря ячейки Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей. «Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть как щенки пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!» — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу. На бюро РК, в ячейке, в правлении колхоза, громя работавших по хлебозаготовкам, Шарапов не знал иного обращения кроме как «сволочь», «подлец», «кусок слюнтая», «предатель», «сукин сын». Вот лексикон, при помощи которого уполномоченный Крайкома объяснялся с районными и сельскими коммунистами.

До чистки партии за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода и ходить по хуторам в поисках «подаяния»...

Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной «активности» по части применения репрессий, т.к. в понимании Овчинникова и Шарапова только эти методы должны были давать хлеб. И большинство терроризированных коммунистов потеряли чувство меры в применении репрессий. По колхозам широкой волной покатились перегибы. Собственно, то, что применялось при допросах и обысках, никак нельзя назвать перегибами; людей пытали, как во времена средневековья, и не только пытали в комсодах, превращенных буквально в застенки, но и издевались над теми, кого пытали. Ниже я приведу краткий перечень тех «способов», при помощи которых работали агитколонны и уполномоченные РК, а сейчас в цифрах, полученных мною в РК, покажу количество подвергавшихся репрессиям и количество хлеба, взятого с момента применения репрессий (см. табл.).

В этот итог надо включить и отобранный 15% аванс и тот хлеб (наиболее крупные из найденных ям), который зарывали еще будучи едино-

личниками. Находили ямы с хлебом, зарытым еще в... 1919 г. А потом по урожайным годам: в 1924, 1926, 1928.

Теперь о методах, которые применяли во всех колхозах района согласно установкам Овчинникова и под непосредственным руководством Шаропова. Выселение из дома и распродажа имущества производилась простейше: колхозник получал контрольную цифру сдачи хлеба, допустим, 10 центнеров. За несдачу его исключали из колхоза, учитывали всю его задолженность, включая и произвольно устанавливаемую убыточность, понесенную колхозом за прошлые годы и предъявляли все платежи, как к единоличнику.

По Вешенскому району

1. Хозяйств	13813
2. Всего населения	52 069
3. Число содержавшихся под стражей, арестованных органами ОГПУ, милицией, сельсоветах и пр.	3128
4. Из них приговорено к расстрелу	52
5. Осуждено по приговорам Нарсуда и по постановлениям коллегии ОГПУ	2300
6. Исключено из колхоза хозяйств	1947
7. Оштрафовано (изъято продовольствие и скот)	3 350 хоз-в
8. Выселено из домов	1 090 хоз-в

Цифры эти — на 24 января т. е. почти под конец хлебозаготовок. Теперь о результатах полученных после применения всей суммы этих репрессий. На 24 января хлеба найдено:

1 . В ямах	2518 ц
2. В др. местах	3412 ц
Всего	5 930 ц

Причем соответственно сумме платежей расценивалось имущество колхозника; расценивалось так, что его в аккурат хватало на погашение за-

долженности. Дом, например, можно было купить за 60 — 80 руб., а такую мелочь, как шуба или валенки, покупали буквально за гроши...

Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребах, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью — будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзающих детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20 градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем как тени слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях, в мякинниках. Но по закону, установленному Крайкомом, им и там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы.

Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Во-лоховском Лебяженского колхоза, ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми? Мне казалось, что это — один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь Крайкома ЗИМИН.

По пути в Вешенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе и на бюро РК вы ступил по поводу хлебазаготовок в этом колхозе. Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки — «Сколько у тебя выселенных из домов?» «Сорок восемь хозяйств». «Где они ночуют?» Секретарь ячейки замялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: «А должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!»

После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком.

Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери.

Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии— работник Базковского колхоза. Его после того, как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за «перегиб». За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. ЗИМИН?

Число замерзших не установлено, т.к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевки на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, — будут полукалеками.

Но выселение это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.

2. Сажание «в холодную». «Есть яма?» «Нет». «Ступай, садись в амбар!»

Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подошвы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!», в этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (ПЛОТКИН) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а нет— сам застрелю!» Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный) и когда щелкнул боек, — упал в обмороке.

5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и не приказал выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц Фомину и Краснову после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал колхознику—подозреваемому в краже — во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если уstraшенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

9. В Кружилинском колхозе уполномоченный РК КОВТУН на собрании 6 бригады спрашивает у колхозника: «Где хлеб зарыл?» «Не зарывал, товарищ!» «Не зарывал? А ну, высывай язык! Стой так!» Шестьдесят взрослых людей, советских граждан по приказу уполномоченного по очереди высывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7 и в 8 бригадах; с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высывания языков заставлял еще становиться на колени.

10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.

13. В Колундаевском колхозе разутых до боса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.

14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по несколько раз.

16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели «прохладную» комнату, куда выводили с собрания для «индивидуальной обработки». Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — «метод» проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету».

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот этакое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

Аналогичная история происходила и в Верхне-Донском районе, где особоуполномоченным был тот же Овчинников, являющийся идейным вдох-

новителем этих жутких издевательств, происходивших в нашей стране и в 1933 г.

Подтверждение фактов, которые я приводил, иллюстрируя работу по хлебозаготовкам, Вы можете получить в Крайкоме и КрайКК [краевая контрольная комиссия]. В конце марта в Вешенский район приезжали ответ, инструктор крайкома т. Давыдов и ответ, инструктор КрайКК т. Минин. Они располагают проверенным материалом по большинству приведенных мною случаев.

К Вам я обращаюсь с этим письмом вот почему: когда слух об извращении линии партии дошел до Крайкома, — в Вешенский район был послан член бюро Крайкома — редактор краевой газеты «Молот» т. Филов. Он опросил кое-кого из райпартактива и, столкнувшись с заявлениями ряда товарищей о том, что установки на перегибы они получали из уст особоуполномоченного Крайкома Овчинникова и уполномоченного Шарапова, — занял довольно странную позицию... Дело в том, что Овчинников на последнем пленуме Крайкома был избран кандидатом в члены бюро Крайкома и выдвигнут секретарем Ростовского горкома. Филов, будучи в Вешенской и узнав о том, что Овчинников в свое время запретил писать в решении бюро Вешенского РК о перегибах, посоветовал секретарю РК Кузнецову: «ОВЧИННИКОВА ЛУЧШЕ НЕ ТРОГАЙТЕ...» Между тем еще до приезда Филова в районе был член бюро Крайкома комсомола т. Кавтарадзе, который обследовал работу агитколонны, действовавшей под командованием Нашинского. По настоянию Кавтарадзе Нашинский и ряд работников агитколонны были исключены из партии и комсомола, а в настоящее время арестованы, находятся в заключении и ждут, когда Крайком примет решение по их делу, т.к. следствие закончено и весь материал отослан в Крайком.

Должен прямо сказать: Крайком пока ведет линию на привлечение к ответственности «стрелочников». Глубокого всестороннего расследования событий, происходивших в Вешенском районе, не было, да, вероятно, и не будет, сколь такие авторитетные люди, как член бюро Крайкома Филов, прямо советуют: «Овчинникова лучше не трогайте». А присмотреться к тому, что происходит в районах, надо. Расследовать надо не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над Советской властью, но и дела тех, чья рука направляла. Чего стоит, например, деятельность такого коммуниста, как уполномоченного Крайкома Шарапова. Перед поездкой на пленум Крайкома

он зашел в РК и в моем присутствии повел следующий разговор с секретарем РК Кузнецовым: «На какой бы это козе подъехать в Крайкоме, чтобы нам разрешили не весь хлеб перебрасывать с глубинок... Чтобы для колхозов левобережья оставили семенную страховку». В это время поступление семян по всему району не превышало 5 — 6 центнеров в день. Было ясно, что не только 10% семфондов колхозы района не соберут, но не заготовят и 2%. Исходя из этого я и посоветовал Шарапову: со всей большевистской смелостью заявить т. Шеболдаеву, что семенами Вешенский район не обеспечится и что переброску из глубинок необходимо немедленно прекратить. Шарапов только улыбнулся, вероятно считая мои речи необычайно наивными. А Кузнецов сказал: «Если об этом сейчас заявить, то мало того, что ж... набьют, но и партбилет отымут!»

Будучи прекрасно осведомлены о том, что колхозы района не заготовят семян, и Шарапов и Кузнецов не заявили об этом в Крайкоме, тем самым ввели Крайком в заблуждение, в результате чего более 6000 тонн хлеба в феврале было переброшено из колхозов на пристанские пункты, а в марте этот же хлеб стали возить обратно. Тягло поставили, что называется, на постав, а вот теперь это тягло отказывается работать. Сев провален будет в текущем году в основном только благодаря этому. К характеристике физиономии Шарапова будет не лишним добавить, что этот коммунист, пользовавшийся высоким доверием Крайкома, уезжая из Вешенского района, не постеснялся запастись салом, конфискованным у выселенного колхозника, а также приобрести тулуп. Тулуп был расценен в 80 руб. и куплен для работников зерносовхоза, но тулуп приглянулся т. Шарапову. Ему уступили тулуп за эту же цену, но Шарапов заявил, что он не в состоянии платить такие деньги... В расценке срочно произвели «исправление» — вместо 80 руб. поставили 40, и Шарапов укатил в Ростов в купленном по дешевке тулупе и с запасом сала...

В заключение — о «видах на будущее»: если в 1931 г. по району было 73 000 гек. зяби, то в 1932 г. только 25 000; а план сева яровых в 1933 г. увеличен по сравнению с прошлым годом на 9 000 гек.

Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца. Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее

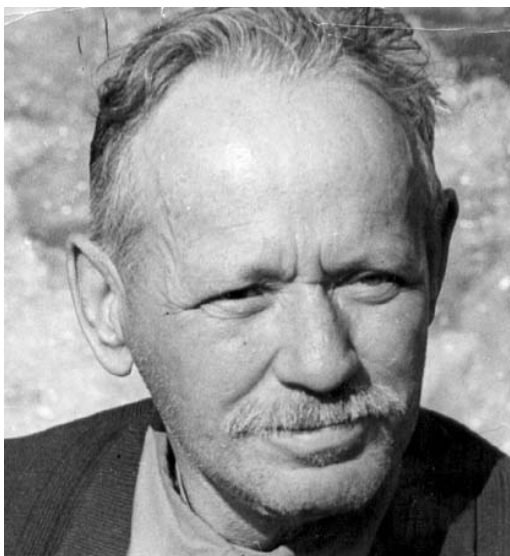
время черт знает чем, уж наверное не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году. Не менее истощен и скот, два месяца, изо дня в день, в распутицу возивший с места на место хлеб, по милости Шарапова и РК. Все это вместе взятое приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку безусловно не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы, уже сейчас грозно встающие перед вышедшими на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

С приветом, М. Шолохов

*Кузнецова Елена Анатольевна,
учитель литературы
ГБОУ СОШ № 1770*

Художник и власть

Проблема художника и власти – извечная. Писатели, поэты решали ее, исходя из тех исторических обстоятельств, в которых находились. Но каждый прежде всего боролся за творческую независимость. А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.В.Гоголь, Н.А.Некрасов, М.Горький, М.А.Булгаков, А.П.Платонов – все осознавали ответственность перед читателем, перед страной, перед будущим. М.А.Шолохов не явился исключением. Жизнь в трагическую эпоху скорректировала его творческие планы. Революция, террор, гражданская война как национальная катастрофа, новая власть, которой нужно было укрепиться, устояться, молодая бюрократия, война, командно-административная система – все это нужно было пережить и не сломаться. Россия превращалась в гигантскую лабораторию. Литература превратилась в поле политической борьбы.

Великая книга «Тихий Дон» написана молодым Шолоховым. В центре книги – **человек**, попавший в переплет гражданской войны, со своими переживаниями, со своей трагедией, с верой и неверием. Написан роман гениально, читаешь и словно видишь этих людей, сочувствуешь им и вместе с ними ищешь выход из создавшейся ситуации.

Сталин был участником гражданской войны, воевал на Царицынском фронте, недалеко от Дона, награжден Орденом Боевого Красного Знамени в 1919 году, то есть знал не понаслышке о войне и о ситуации на Дону и, читая роман Шолохова, читал книгу о своей жизни, понимал, что писатель объективно, глубоко и всесторонне описал всю ситуацию, потому что сам был в ней не сторонним наблюдателем, а участником.

В 30-ые годы в нашей культуре не было ни одного человека, который бы стоял по отношению к вождю в такой позиции как Шолохов: гордо и независимо. Существует журнал посещений Сталина. Шолохов в нем записан 13 раз. Ни один из писателей того времени не бывал в Кремле на встрече с вождем так часто.

Так какие же отношения связывали Сталина и Шолохова, людей, которые были символами эпохи? Многие обращались к И.В.Сталину с просьбой повлиять на Шолохова, чтобы тот заставил писателя изменить образ героя романа «Тихий Дон» Григория Мелехова, то есть по законам соцреализма привести его к большевикам. Вождь отвечал: «Нельзя вмешиваться в творческий процесс художника, нельзя ему диктовать что-либо. Художественному произведению нельзя выносить приговор. О нем можно только спорить».

Но в 1929 году Сталин пишет: «Знаменитый писатель нашего времени Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений...но разве из этого следует, что «Тихий Дон» - никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?»

А именно этого требовали рапповцы.

Третья книга «Тихого Дона» вызвала у рапповцев гнев и негодование, посыпались доносы и обвинения в политической неблагонадежности автора. Писатель обратился за помощью к Максиму Горькому, который у себя на даче устраивает встречу Шолохова со Сталиным. Четвертая книга вышла в 1940 году тоже благодаря Сталину, несмотря на приклеенный ярлык «кулацкий роман». А в 1941 году М.А.Шолохову присуждена Сталинская премия 1-ой степени!

В 1949 году выходит полное Собрание сочинений Сталина, и Шолохов читает помещенное там письмо о «грубейших ошибках и недочетах» в «Тихом Доне», это возмущает и обижает его. В январе 1950 года Шолохов пишет письмо вождю: «Очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, разъяснить мне, в чем существо допущенных мною ошибок. Ваши указания я учел бы при переработке романа для последующих изданий». Но ответа не последовало. Больше Шолохов и Сталин не встречались и не переписывались.

Почему оборвались их отношения? В чем причина?

Встреча Сталина с Шолоховым состоялась на даче у Горького в июне 1931 года. «Когда я присел к столу,- рассказывал Шолохов,- Сталин со мной заговорил...Говорил он один, а Горький сидел молча, курил папиросу и жег над пепельницей спички...Вытаскивал из коробки одну за другой и жег – за время беседы набросал полную пепельницу черных стружек...» Деталь, свидетельствующая об огромном внутреннем напряжении Горького во время

этого разговора. Ведь в письме А.Фадееву он не скрыл своих сомнений о том, что третья книга «Тихого Дона» «доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут».

Но Сталин принимает политическое решение о публикации третьей книги. «Гражданская война показана беспощадно правдиво, да и отображение событий на Дону работает на нас, на революцию!»

1933 и 1938 – годы активной переписки и общения Шолохова со Сталиным. Это были страшные годы для писателя. Он буквально обрушивал на вождя тонны правды, рассказывая о преступниках из НКВД и бесчинствах на селе в голодное время.

1933 год. «В Вешенском районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники: взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. По колхозам широкой волной покатились перегибы. Собственно то, что применялось при допросах и обысках, никак нельзя было назвать перегибами: людей пытали, как во времена средневековья..»

«Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: ... ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?»

«Но выселение – это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при которых добыто 593 тонны хлеба: 1.Массовые избиение колхозников и единоличников. 2.Сажание в «холодную», в амбар босиком, в одном белье. Время – январь, февраль. 3.Обливали колхозницам ноги и подола юбок керосином, зажигали, потом тушили, клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос. 4.Заставляли садиться на раскаленную лежанку, когда человек кричал, на него лили воду и выводили на мороз. 5.Заставляли пить в огромных количествах воду, смешанную с керосином. 6.Стреляли мимо головы из дробовиков, топтали ногами... и многое другое.

В следующем письме Сталину, взывая о помощи голодающим колхозникам, Шолохов писал:

«Слов нет, не все перемерут даже в том случае, если государство вообще ничего не даст. Некоторые семьи живут же без хлеба на водяных орехах и на падали с самого декабря месяца, и которые не так давно пожирали не только свежую падаль, но и пристреленных сапных лошадей, и собак, и кошек...»

Сталин отреагировал немедленно: для Вешенского района было выделено сто двадцать тысяч пудов хлеба. Кому-то это спасло жизнь.

Во время трагического молчания Шолохова (а он не мог работать над романом, видя, как истребляют казачество) Сталин послал в Вешенскую Ставского.

В закрытом письме (или доносе!) Ставский пишет Сталину: «В связи с тревожным сообщением о поведении Михаила Шолохова я побывал у него в станице... Он до сих пор не сдал ни 4-ую книгу «Тихого Дона», ни 2-ую книгу «Поднятой целины»; говорит, что обстановка и условия жизни в Вешенском районе лишили его возможности писать. Мне пришлось прочитать 300 страниц рукописи «Тихого Дона». Удручающее впечатление производит картина разрушения хутора Татарского, смерть Дарьи и Натальи Мелеховых, общий тон разрушения и какой-то безнадежности, лежащей на всех трехстах страницах: в этом мрачном тоне теряется и вспышка патриотизма (против англичан) и гнева против генералов у **Григория Мелехова**. Шолохов рассказал мне, что в конце концов Григорий бросает оружие и борьбу.

- Большевиком же его я делать никак не могу».

«Лучше всего было бы для Шолохова уехать из станицы в промышленный центр,- пишет Ставский в 1937 году,- но он решительно против, и я бессилён его убедить в этом». Вырвать Шолохова из родных мест, лишить его корней и возможности защищать свой народ – об этом мечтали многие. Если не получится «перевоспитать», значит, надо уничтожить. И подготовка к этому велась очень серьезная.

Пытками выбивались доносы на писателя. «Следователь Маркович кричал: «Почему не говоришь о Шолохове? Он же... сидит у нас! И сидит крепко! Контрреволюционный писака, а ты его покрываешь?!» Бил по лицу». К концу четвертых суток человек не выдерживал и подписывал все, что ему подсовывал следователь. Так было с Логачевым, председателем Вешенского райисполкома.

Письма Шолохова Сталину о событиях 1937-1938 годов и сегодня звучат как единственный в то время обвинительный документ против чудовищного беззакония. Намного опережая время, он первым высказал всю трагическую правду Сталину.

«Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователя, глубоко порочен: этот метод приводил и неизбежно будет приводить к ошибкам. Тех, которым подчинены следователи, интересует только одно: дал ли подследственный показания, движется ли дело... Произвол следователя безграничен. Отсюда и оговоры других, и признание собственной вины, даже никогда не совершаемой. Надо покончить с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным"»

Шолохову удалось прорваться в Кремль: «Дорогой т. Сталин! Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу. М.Шолохов. 16.10.38 г.»

Сталин поручил Берии срочно подготовить вопрос о Шолохове и арестованных вешенцах.

На заседании Политбюро Шолохов рассказал, что по отношению к нему ведется провокационная, враждебная работа, арестованных заставляют под дулом пистолета лжесвидетельствовать, что Шолохов – враг народа.

«Вы, Михаил Александрович, много пьете?»- спросил Сталин.

«От такой жизни немудрено запить»,- ответил Шолохов.

В 1938 году дела арестованных были пересмотрены. Многие оправдали.

В 1939 году, в день рождения Шолохова, Сталин пригласил его к себе, поздравил и передал гостинцы жене и детям.

Последние две встречи состоялись в 1940 и 1942. После первой встречи с колхозов Вешенского района была списана задолженность прошлых лет, произведена скидка с плана обязательных поставок. А в 1942 году Шолохов снова отмечает свой день рождения в Кремле. Сталин предлагает ему написать роман о великой победе и о великом полководце.

Михаила Шолохова не было на похоронах Сталина, но 5 марта 1953 года в «Правде» был опубликован его очерк «Прощай, отец».

После XX съезда партии Шолохов решительно встал на сторону Хрущева. Зная о творившихся репрессиях, писатель переживал тяжелейшую духовную драму. Сразу же сел за переработку ряда глав из романа «Они сражались за Родину», где осветил лагерную тему. Но после ухода Хрущева исправленные главы исчезли, «Правда» отказалась их печатать. Оттепель, по выражению Шолохова, оказалась слякотью.

Л.И.Брежнев не хотел помочь в публикации романа, даже не принял Шолохова, когда тот попросил о встрече. Писатель был оскорблен и вновь на долгие годы замолчал. Новые главы романа «Они сражались за Родину» были брошены в камин.

Он не совпадал по масштабу дарования с политиками, стоявшими у руля власти. Сильный, независимый характер, нежелание прогибаться под очередного «божка» (как говорил Сталин), стремление быть полезным своим землякам – все это ставило его на несколько ступеней выше литераторов того времени. И травля продолжалась уже со стороны «братьев по перу». А.Солженицын, В.Астафьев беспощадно критиковали его произведения. М.А.Шолохов понимал, что его бескомпромиссность ему мешает, но никогда не менял своих убеждений в угоду кому бы то ни было.

В последние годы жизни Михаил Александрович Шолохов серьезно болел. Сказывалась тяжелейшая контузия военных лет, диабет, он перенес инсульт, начинался рак.

В 1978 году он направил в ЦК КПСС письмо о судьбе русской культуры, о ее спасении и защите, «о протаскивании через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру», о том, что «многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными», что «продолжается уничтожение памятников русской культуры». Писал об «исторической роли» отечественной культуры «в создании, укреплении и развитии русского государства». Это письмо, как и последний разговор с сыном – завещание великого писателя.

«Когда там по вашим учебникам Гражданская закончилась? В 20-ом? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Так между собой пересобачить людей, родню, даже кровную, это, я тебе скажу, уметь надо». (Из разговора с сыном Михаилом)

2015 – год 110-летия М.А.Шолохова. В эпоху Интернета нам кажется, что мы знаем о нем все. Но это не так. Многие факты биографии еще откроются, и великие книги будут прочитаны заново.

*Никульшина Оксана Васильевна,
учитель русского языка и литературы
ГБОУ СОШ № 629*

«История создания и идейный замысел романа М.А.Шолохова «Они сражались за Родину»

М.Шолохов – один из величайших писателей XX века. Создатель гениального романа-эпопеи «Тихий Дон», переведённого практически на все языки мира, лауреат Нобелевской премии, он запечатлел в литературе не только мир казачества, борьбу «белых» и «красных», но и показал коренную перестройку жизни деревни 30-х годов в романе «Поднятая целина», колоссальную картину человеческого горя в «Донских рассказах», силу духа русского человека, любви к родине, дому, земле в знаменитых рассказах «Наука ненависти» и «Судьба человека». Продолжить тему войны должен был большой роман «Они сражались за Родину». Но, к сожалению, этого романа в завершённом виде нет. Всё, что опубликовано, по объёму не больше повести и печатается с подзаголовком «главы из романа».

Обращение к творчеству Шолохова заставляет задуматься над вопросами: как создаются гениальные произведения? Как вписываются произведе-

ния писателя в сегодняшнюю действительность? Какова сегодня вообще роль литературы в жизни людей, страны?

Сегодняшний читатель должен осознавать необходимость знакомства не только с творчеством Шолохова, но и фактами его жизни. Писатель начал свою деятельность в тот период, когда ломалась старая эпоха, и в водовороте истории рождалась новая, очерченная только теоретически. Общество переживало глубочайшую трагедию. Сейчас мы тоже переживаем ломку предшествующей эпохи, претерпеваем глобальные социокультурные, политические, экономические изменения, а потому как никогда нуждаемся в защите от разрушения и искажения исторического наследия нации. Русская литература в этом смысле выступает не только хранительницей памяти поколений, но и служит источником духовных ценностей и национальных традиций.

Молодое поколение мало что знает о Шолохове. Его произведения редко переиздаются, в школьной программе он изучается обзорно и также обзорно даётся история создания его произведений. У многих современных учащихся может возникнуть вопрос: «А так ли уж необходимо знать это? Ведь вместе с эпохами революционных бурь, коллективизации, Великой Отечественной войны ушло в небытие и творчество многих писателей? Может, и Шолохов теперь не актуален?» На самом деле все обстоит иначе. Как и все великие творения, произведения Шолохова всегда будут нужны читателям, так как в них поставлены животрепещущие вопросы человеческого бытия. Сегодня ни одному из нас не удастся избежать необходимости эти вопросы решать.

Обратимся теперь непосредственно к истории создания романа М.А.Шолохова «Они сражались за Родину», т.к. без этого невозможно установить прямую связь между жизнью писателя и его произведением, понять его замысел. Учитель должен найти для этого время, потому что знакомство с романом важно не только в образовательном аспекте, но и в нравственном.

История последнего незаконченного романа Шолохова трагична. Известно, что первым, кто предложил ответственный «социальный заказ» на масштабное произведение о войне, был сам Сталин. Еще в начале июля 1942 года он пригласил Шолохова к себе в загородный двухэтажный дом справиться именины писателя и подсказал ему, что надо написать всеохватный роман, в котором бы правдиво и ярко «были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники нынешней страшной войны».

Всю Великую Отечественную войну Шолохов был со своим народом на фронтах освободительной войны: с августа 1941 года — на Западном фронте, затем на Юго-Западном, на Сталинградском, и с мая 1943 года по май 1945 года на Третьем Белорусском фронте. Михаил Александрович испытал на себе все «прелести» военной жизни: ходил в атаки и был ранен, видел смерть, слёзы, видел многих солдат и офицеров и в отступлении, и в наступлении. Каждая деталь фронтовой жизни интересовала писателя: как готовится солдат к бою, как одет, как выглядит, какие чувства испытывает перед боем, в бою, после боя. Именно с этих первых фактов, мыслей, впечатлений, увиденных на фронте, впоследствии и начал создаваться роман «Они сражались за Родину».

В первые же месяцы войны Шолохов публикует очерки-рассказы «На смоленском направлении», «По пути к фронту», «Военнопленные» и др. В них отразилось мироощущение писателя, оказавшегося на передовой. На переднем крае фронта писатель «пишет о простых и скромных людях, погибших и живых, пишет задушевно, лирически проникновенно, с восторгом и болью», — отмечает один из исследователей творчества Шолохова. Впоследствии материалы именно этих первых военных очерков станут основой романа «Они сражались за Родину». Так, например, войдёт в роман запомнившаяся писателю по пути к фронту деталь: как на мрачном фоне пожарища «неправдоподобно, кощунственно красиво выглядит единственный, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно сияющий золотыми листьями» — живая красота среди мёртвого запустения; более полно и ярко раскроется образ рядового повара Анатолия Недзельского из очерка «Первые встречи» и т. д.

Когда впервые зародилась у Шолохова мысль написать роман, сказать трудно. Очевидно лишь то, что произошло это тогда, когда фактов у писателя было уже много и определилась основа для будущего романа, созрел его замысел. Когда в голове роятся невысказанные мысли и невозможно уже молчать о том, что довелось увидеть, услышать и передумать. Дочь писателя, Светлана Михайловна, в своих воспоминаниях пишет: «Отец был из тех, кто не мог ни по своему характеру, ни по своим убеждениям «носить камень за пазухой». Он хотел при своей жизни рассказать своему читателю о том, что пережил, передумал со своим народом, со своей страной». По сути, мы можем рассматривать замысел писателя как попытку создать эпическое произведение о войне. Ведь в отечественной классической литературе есть роман-эпопея Л.Н.Толстого «Война и мир», в котором описаны события 1812 года. А вот эпического произведения о Великой Отечественной войне нет. Поэто-

му у Шолохова возникла потребность «изобразить явление в более широких связях – написать так, чтобы рассказанное вызвало в читателе думу».

Итак, замысел определился, но ещё многое надо было писателю решить прежде, чем будут опубликованы первые главы будущего романа. Каким должен быть в романе этот солдат, познавший все тяготы войны, отдавший всё во имя победы над врагом? Ответ на этот вопрос требовал конкретизации замысла. Как построить роман о войне? Сам Шолохов говорил: «В нём мне хочется показать наших людей, наш народ, источники его героизма... Я считаю, что мой долг, долг русского писателя — это идти по горячим следам своего народа в его гигантской борьбе против иноземного владычества и создать произведение искусства такого же исторического значения, как и сама борьба».

Роман должен был состоять из трёх книг. В первой Шолохов предполагал рассказать о будущих героях страны задолго до войны, коснуться истории борьбы с фашизмом в Испании и вооружённого конфликта у реки Халкин-Гол. Во второй и третьей книгах намерен был поведать о начале войны, Сталинградской битве, о мужестве, страданиях народа в священной войне против немецких захватчиков. Вот как сам Шолохов комментировал историю замысла романа в апреле 1965 года: «Роман я начал с середины. Сейчас у него уже есть туловище. Теперь я приживляю к туловищу голову и ноги. Это трудно». Но писателю так и не удалось завершить даже одну из трёх задуманных книг.

Работа Шолохова над романом была трудной. Первые главы были опубликованы 5, 6, 7, 8 мая 1943 года в газетах «Правда» и «Красная звезда». Текст этих глав был идентичен. Они рассказывали о фронтовых буднях, напряжённых боях летнего отступления на втором году великой войны. Их герои — рядовые солдаты: Стрельцов, Лопехин, Звягинцев, их боевые товарищи, испытывающие горечь поражений. Со страниц произведения встаёт коллективный образ воюющего народа. Эти главы Шолохов заканчивает описанием ранения Николая Стрельцова: «Николай не слышал потрясшего землю, обвального грохота взрыва, не видел тяжко вздыбившейся рядом с ним большой массы земли. Сжатая, тугая волна горячего воздуха! смахнула в окоп насыпь переднего бруствера, с силой откинула голову Николая. Он ударился тыльной стороной каски о стенку так, что лопнул под подбородком ремень, и потерял сознание, полузадушенный, оглушённый...».

Следующие главы были опубликованы 4, 14, 15, 17 ноября в газете «Правда» и одновременно в «Красной звезде» 4, 12, 16, 17 ноября. В публи-

кации глав романа затем наступил перерыв до февраля 1944 года, когда 12, 13, 14 февраля и 3 июля в «Правде» и 12, 13, 15 февраля в «Красной звезде» были опубликованы следующие главы, заканчивающиеся тяжелым ранением Звягинцева.

Почему же эти главы были напечатаны в правительственной газете? Потому что там публиковалось то, что важно сегодня и что важно будет потом. Это был актуальный, необходимый материал, и место публикации указывало на значимость того, о чём писал Шолохов.

В первые месяцы войны армия отступала. Михаил Александрович был свидетелем неисчислимых потерь наших войск. Он видел гибнущих солдат, которые ценой жизни готовы были защищать родную землю.

Кровь и смерть становились фактом повседневности, а Шолохов продолжал уже начавшуюся работу над романом. Он хорошо понимал диалектику жизни. Понимал, что героические усилия совершаются ради торжества жизни. Именно поэтому в романе есть не только трагические эпизоды, но и шолоховский юмор, который должен был помочь читателю-солдату, оглушённому неудачами на фронтах, сохранить душевное равновесие. Сам Шолохов об этом писал так: «...люди изо дня в день видят смерть, кровь, теряют друзей и родных... От всего этого можно сойти с ума! Надо же дать возможность человеку когда-то улыбнуться, на миг отвлечься от мрачных мыслей?! <...> в жизни трагическое и комическое всегда рядом. Так то...».

С опубликованием первых глав романа Шолохова «Они сражались за Родину» появляются в печати и первые отклики читателей, которые подчеркивают, что писатель «хорошо показал, как в суровой школе войны закаляются дух и воля солдата, растет его воинское мастерство». Главные герои – три бойца Красной Армии, представители трёх классов советского общества: рабочий Лопехин, крестьянин Звягинцев и интеллигент Стрельцов. Они не идеальны, имеют свои достоинства и недостатки. Но они положительные герои, настоящие патриоты, защитники Родины. Особо запомнился читателям-бойцам образ Лопехина, бывшего шахтёра, бронебойщика, приятеля Николая Стрельцова, острослова и балагура, который в ходе войны учится исправлять свои ошибки и добиваться победы. «Когда наш народ на великом историческом празднике победы провозгласит тост в честь героев Отечественной войны, спасших родину от рабства <...>, в ряду первых будут стоять имена Лопехиных и тысячи им подобных».

Итак, основными героями романа становились простые солдаты, офицеры. Шолохов всё больше отдалялся от попытки создать произведение на

«заказ», т.е. произведение, в котором на первый план были бы выдвинуты великие полководцы, генералитет. Получалось, что ожиданий вождя писатель не оправдал. С героями-бойцами сложилось сразу, а вот с «гениальными полководцами» не всё ладилось. Летом 1951 г. на вопрос, как обстоят дела с романом о войне, Шолохов скажет: «Продолжаю обдумывать. Образ великого полководца не получается. Видно, не по Сеньке шапка... Поскрёбышев как-то звонил, спрашивал, не нужны ли для романа какие-нибудь документы из архива Генштаба. На той неделе прислали огромный запломбированный мешок с бумагами. Не разбирал ещё... Но не в документах дело. Вроде бы все знаю, а не получается».

Образы великих полководцев созданы не были. Новый «царь» и его генералы появлялись на полях сражений лишь в шутках солдат-балагуров. В этот период (с 1943 г.) происходит отдаление вождя от писателя. По крайней мере, в промежутке между 1942 и 1953 годом в журнале записи посетителей Сталина в Кремле уже нет отметки ни об одной его встрече с Шолоховым. Работа над романом затянулась по причине нежелания писателя идти навстречу Сталину.

Шолохов мучительно бился над тем, чтобы сказать в романе «Они сражались за Родину» сущую правду о войне и вожде. Генерал Александр Михайлович Стрельцов, брат Николая Стрельцова, успевший уже побывать в тюремной «робе» и освобождённый перед самой войной, пытается объяснить причины массовых арестов: «На Сталина обижаюсь. Как он мог такое допустить?! Но я вступал в партию тогда, когда он был как бы в тени великой фигуры Ленина. Теперь он – признанный вождь. Он создал индустрию в стране, он провёл коллективизацию. Он, безусловно, крупнейшая после Ленина личность в нашей партии, и он же нанёс этой партии непоправимый урон. Я пытаюсь объективно разобраться в нём и чувствую, что не могу. ... Во всяком случае, мне кажется, что он надолго останется неразгаданным не только для меня». И эта мысль доказывается такими фактами: «В восемнадцатом году его (Сталина – *авт.*) заинтересовала судьба одного вражеского офицера, а двадцать лет спустя не интересуют судьбы тысяч коммунистов. Что же с ним произошло?» Герой романа отвечает на этот вопрос: «Для меня совершенно ясно одно: его дезинформировали, его страшнейшим образом вводили в заблуждение, попросту мистифицировали те, кому была доверена госбезопасность страны, начиная с Ежова. Если это может в какой-то мере служить ему оправданием...» Последний отрывок был выброшен при публикации в «Правде» и в отдельно изданной книге.

Армия переживала горький опыт поражений в 1941 году, и Шолохов в романе хотел показать некоторые серьёзные причины этого поражения. Александр Стрельцов говорит брату: «...лучших из лучших полководцев постреляли, имена их знает весь мир. Многих упрятали в лагеря. ...Сажали, начиная с крупнейшего военачальника и кончая иной раз командиром роты. Армию, по сути, обезглавили и, употребляя военную терминологию, обескровили без боёв и сражений». Этот отрывок не печатался до публикации в седьмом номере «Молодой гвардии» за 1992 г. Генерал спрашивает: «...как такое могло случиться в нашей партии? Кто повинен? Я глубочайше убеждён, что подавляющее большинство сидело и сидит напрасно, они - не враги».

В романе идёт жёсткий и напряжённый разговор об издевательствах в тюрьмах и расстрелах безвинных людей. Директор МТС Дьяченко, попавший в 1937 г. в тюрьму по политическому доносу, рассказал, как следователи выбивали у него лживые показания на честных друзей-коммунистов. Естественно, что такое в печати не могло появиться. С 1944 года в публикации новых глав романа наступает перерыв до июля 1949 года: 28, 29, 30 июля и 1 августа 1949 года публикуются в «Правде». А потом снова молчание.

До 1954 года Шолохов новые главы не публиковал. Почему? Во-первых, он понимал, что написать о войне то, что он задумал, и так, как хотел, пока не удастся, да и никто не напечатает — «для этого еще не пришло время...». Власть не была заинтересована в освещении правды о войне. Для Шолохова был закрыт доступ к архивным материалам, статистическим данным, точным сведениям о ведении военных действий, которые были так нужны для написания романа. Да и необходимое для опубликования одобрение Н.С. Хрущёва, первого секретаря ЦК КПСС, получено не было — «об этом сейчас писать нельзя». Второй причиной столь долгого молчания было «сопротивление материала». Впервые Шолохов обмолвился об этом в 1947 году: «Тихий Дон» легче было писать, чем «Они сражались за Родину». «В «Тихом Доне» я был свободен и перед живыми и перед мёртвыми, там было всё историей, а сейчас передо мной живая жизнь... < > Напишешь несколько глав, потом прикинешь и видишь — не то. Переделываешь. Что-то выбрасываешь, что-то дополняешь». И всё же в 1954 году Шолохов в «Ленинградском альманахе» публикует новую главу романа, повествующую о разладе Николая Стрельцова с женой, о семейной драме, словно предопределяющей общенародную трагедию, то большое горе, что охватило народ, — война. Новая глава служила необходимым переходом от мирных событий к событиям военным.

Но задуманному не суждено было осуществиться. Шолохов меняет намеченный план романа под влиянием встречи с легендарным героем войны генералом М.Ф. Лукиным, который рассказал писателю очень много интересного. Часть из этого Михаил Александрович собирался использовать в романе.

В 1968 году писатель посылает в газету «Правда» новые главы романа «Они сражались за Родину», в которых действие происходит накануне войны. На следующий год главы опубликовывают, но... в «отредактированном» виде. После прочтения глав, «улучшенных» идеологическими цензорами, Михаил Александрович Шолохов замолчал.

По свидетельству дочери писателя Светланы Михайловны Шолоховой, многое из задуманного было написано отцом и сожжено им же перед поездкой на лечение в Москву в 1975 году после тяжёлого инсульта, фактически лишившего его творческой работоспособности. До того его травмировала история с публикацией в «Правде» (12–15 марта 1969 г.) отрывков из первой части романа, которой предшествовали многомесячные мытарства с рукописью в редакции газеты, в аппарате ЦК, её доработка. И в конце концов без согласования с автором и этот последний смягчённый вариант появился в печати с существенными купюрами — касались они наиболее острых мест об аресте, тюрьме и пребывании в лагере генерала Александра Стрельцова, размышлений о своём поколении и о причинах массовых репрессий. Недаром дочь Шолохова, позднее хотя бы частично восстановившая эти изъяты, так объясняла отчаянный «гоголевский» жест отца: «Ему не хотелось, чтобы эти «крамольные» страницы попали в чужие руки. А каково будет их истолкование и какие беды они могут принести близким — одному Богу известно».

Как именно «корректировали» в 1969 году главы из романа, хочется показать на конкретных примерах.

<i>Шолоховский вариант</i>	<i>Цензорская правка</i>
<i><u>У Шолохова директор МТС Иван Степанович Дьяченко рассказывает Николу о своём аресте: «Так вот, Микола, я тебе об этом никогда не говорил, не было подходящего случая, а сейчас скажу, как я через свои нервы в тюрьму попал: в тридцать седьмом я работал заведующим райземотделом в соседнем районе,</u></i>	<i>В «отредактированной» версии о том, что Дьяченко был под следствием, вообще не упоминается. Вышеприведённый монолог просто убрали.</i>

<i>Шолоховский вариант</i>	<i>Цензорская правка</i>
был членом бюро райкома. И вот объявили тогда сразу трёх членов бюро, в числе их первого секретаря, врагами народа и тут же арестовали. На закрытом партсобрании начали на этих ребят всякую грязь лить. Слушал я, слушал, терпел, терпел, и стало мне тошно, нервы не выдержали, встал и говорю: «Да что же вы, сукины сыны, такие бесхребетные? Вчера эти трое были для вас товарищи и друзья, а нынче они же врагами стали? А где факты их вражеской работы? Нету у вас таких фактов! А то, что вы тут грязь месите,- так это со страху и от подлости, какая у вас, как пережиток, ещё не убитая окончательно и шевелится, как змея, перееханная колесом брички. Что это за порядки у вас пошли?» Встал и ушёл с этого пакостного собрания. А на другой день вечером приехали за мной... На первом допросе следователь говорит мне: «Обвиняемый Дьяченко, а ну, становись в двух метрах от меня и раскалывайся. Значит, не нравятся тебе наши советско-партийные порядки? Капиталистических захотелось тебе, чёртова контра?!» Я отвечаю, что мне не нравятся такие порядки, когда без вины честных коммунистов врагами народа делают, и что, мол, какая же я контра, если с восемнадцатого года я во второй конной армии у товарища Думенко пулемётчиком на тачанке был, с Корниловым сражался и в том же году в партию	

<i>Шолоховский вариант</i>	<i>Цензорская правка</i>
вступил. А он мне: «Брешишь ты, хохол, сучье вымя, ты – петлюровец и самый махровый украинский националист! Желтоблакитная сволочь ты!» Ещё когда он меня контрой обозвал, чую, начинают мои нервы расшатываться, а как он меня петлюровцем обозвал, - я побледнел весь с ног до головы и говорю ему: «Ты сам великодержавный кацап! Какое ты имеешь право меня, коммуниста с восемнадцатого года, петлюровцем называть?» И ты понимаешь, Микола, с детства не говорил я по-украински, а тут как прорвало – сразу от великой обиды ридну мову вспомнил: «Який же я, кажу, петлюровец, колы я и на Украине ни разу не був? Я ж на ставропольщине родився и усю жизнь там прожив». Он и привязался: «Ага, говорит, заговорил на мамином языке! Раскалывайся дальше!» Обдумался я и говорю опять на украинском: «У Петлюры я не був, а ще гирше зи мною было дило...» Он весь перегнулся ко мне, пытается: «Какое? Говори!» Я глаза рукавом тру и техесенько кажу: «Був я тоди архиереем у Житомири и пан гетьман Скоропадський мене пид ручку до стола водыв». Ах, как он взвился! Аж глаза позеленели. «Ты что же это вздумал, издеваться над следственными органами?» Откуда ни возьмись, появились ещё двое добрых молодцев, и стали они с меня кулаками архиерейский сан снимать... Часа два трудились надо мной! Обольют	

<i>Шолоховский вариант</i>	<i>Цензорская правка</i>
водой и опять за меня берутся... За восемь месяцев кем я только не был! И петлюровцем, и троцкистом, и бухаринцем, и вообще контрой, и вредителем сельского хозяйства... А окончилось тем, что первых трёх из нашего бюро расстреляли, меня и ещё одного парня, начальника милиции, выпустили, а четырёх остальных членов бюро загнали в лагерь»	
«Может, ты и прав: трусоват стал за последние годы. А в восемнадцатом году не трусил принимать бой с белыми, имея в магазинной коробке винта однуединственную обойму патронов! Не робел на деникинских добровольческих офицеров в атаку ходить. Ничего не боялся в тех святых для сердца годах! А теперь пережога горячего боюсь, этого лодыря Ваньку-слесаря праведно обматюкать боюсь, перед начальством трепетаю потому, что сам сидел у своих, свои же били меня, как сукиного сына, и заставляли и на себя и на своих друзей поклёпы писать... Вот с каких пор я пугливый стал! Это одесская шпана сделала смешными наши слова «За что боролись!» <u>А в тюрьме я не скрипел зубами и не говорил про себя: «За что же я боролся, если в тридцать седьмом меня, коммуниста, называют врагом народа, изгаляются надо мной, как хотят, в нашей же тюрьме, какую мы сберегли для настоящей контры, и требуют от меня правде наперерез лживые показания на</u>	«Может, ты и прав: трусоват стал за последние годы. А в восемнадцатом году не трусил принимать бой с белыми, имея в магазинной коробке винта однуединственную обойму патронов! Не робел на деникинских добровольческих офицеров в атаку ходить. Ничего не боялся в тех святых для сердца годах! А теперь пережога горячего боюсь, этого лодыря Ваньку-слесаря праведно обматюкать боюсь, перед начальством трепетаю потому, что сам сидел у своих, свои же били меня, как сукиного сына, и заставляли и на себя и на своих друзей поклёпы писать... Вот с каких пор я пугливый стал! Это одесская шпана сделала смешными наши слова «За что боролись!» Я знаю, за что я боролся!»

<i>Шолоховский вариант</i>	<i>Цензорская правка</i>
<u>моих честных друзей-коммунистов, и заставляют подписывать такое, что и бабушке моей во сне не снилось». Вот так-то, Микола!»</u>	
<u>Рассказ генерала Стрельцова о лагерной жизни.</u> «В тридцать восьмом году в Ростове на Первое Мая, как только до тюрьмы долетели с демонстрации звуки «Интернационала», вся тюрьма, тысячи двести человек, подхватили и запели «Интернационал». И как пели! Ничего подобного я никогда не слышал в жизни, и не дай Бог ещё раз услышать!.. Пели со страстью, с гневом, с отчаянием! Трясли железные решётки и пели... Тюрьма дрожала от нашего гимна! <u>Часовые открыли беглый огонь по окнам, но, несмотря на это, «Интернационал» допели до конца.</u> Да разве враги могли так петь?! – голос Александра Михайловича осёкся, худое лицо исказилось, но глаза остались сухими, он надолго замолчал и вновь заговорил, только когда справился с волнением. – Я тебе так скажу: настоящие коммунисты и в лагерях остались коммунистами, <u>настоящие коммунисты и перед расстрелом успевали крикнуть: «Да здравствует наша партия! Да здравствует товарищ Сталин!»</u> Тебе это не напоминает римских гладиаторов? Те тоже, выходя на арену цирка, восклицали: <u>«Здравствуй, Цезарь, тебя приветствуют идущие на смерть!»</u> <u>И на следствии, и в лагерях ставилась</u>	«В тридцать восьмом году в Ростове на Первое Мая, как только до тюрьмы долетели с демонстрации звуки «Интернационала», вся тюрьма, тысячи двести человек, подхватили и запели «Интернационал». И как пели! Ничего подобного я никогда не слышал в жизни, и не дай Бог ещё раз услышать!.. Пели со страстью, с гневом, с отчаянием! Трясли железные решётки и пели... Тюрьма дрожала от нашего гимна! Да разве враги могли так петь?! – голос Александра Михайловича осёкся, худое лицо исказилось, но глаза остались сухими, он надолго замолчал и вновь заговорил, только когда справился с волнением. – Я тебе так скажу: настоящие коммунисты и в лагерях остались коммунистами, настоящие коммунисты...И я не потерял веру в свою партию и сейчас готов для неё на всё! Зачеркнуть всю свою сознательную жизнь? Затаить злобу на партию? Не могу!»

<i>Шолоховский вариант</i>	<i>Цензорская правка</i>
<u>одна цель: лишить нас, заключённых, человеческого достоинства, превратить в животных. В отношении немногих эта цель достигалась, большинство же оставались людьми. В одном из лагерей вместе со мной был Тодоровский Алексей Иванович, бывший командир корпуса, осуждённый на пятнадцать лет лагерей с лишением воинского звания, конфискацией имущества и поражением в правах на пять лет. Его знал Ленин. Знали многие военные как честнейшего коммуниста и человека. Работали мы на лесоповале. И вот однажды стоим мы с ним рядом в походной колонне. Идёт дождь с мокрым снегом. Стоим час, два. Лагерное начальство не появляется, зато нас, мокрых и продрогших до костей, развлекает культбригада, составленная сплошь из уголовников. Этакie краснорожие гаврики сидят под крытым навесом, дождь их не поливает, вот они и наяривают на балалайках: «Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои»...</u> <u>Дядя Саша толкает меня локтём, говорит: «Тёзка, это они нас, старых коммунистов, воспитывают. Ты это должен ценить!» Милый дядя Саша! Он и сейчас в лагерях... Но этот человек и там был коммунистом, коммунистом он и остался до конца своих дней. Таких там много, ох много, Коля! И я не потерял веру в свою партию и сейчас готов для неё на всё! Зачеркнуть всю свою сознательную жизнь? Затаить злобу на</u>	

<i>Шолоховский вариант</i>	<i>Цензорская правка</i>
<i>партию? Не могу!»</i>	

Мы ничего не знаем об Александре Стрельцове как воинском начальнике, но известно, что его прототипом был генерал Михаил Федорович Лукин, командовавший армией при обороне Смоленска. Лукин был тяжело ранен (ему ампутировали ногу) и в бессознательном состоянии попал в плен. Его склоняли к сотрудничеству нацисты, но он категорически отказался. В 1945 году был освобождён из плена и несколько месяцев находился под следствием, а затем был отправлен на пенсию... Шолохов не оставил цензорам возможности интерпретировать судьбу героя в их представлении...

С новым руководством страны — Хрущёвым и Брежневым — Шолохов общего языка найти не сумел. Он отослал рукопись Брежневу, ждал ответа несколько месяцев (а Сталин, по словам Шолохова, “Поднятую целину” “за два вечера одолел”), рукопись вернулась без сопроводительного письма, на её полях стояли лишь три вопросительных знака. Тогда Шолохов обратился к Брежневу с письмом, в котором требовал быстрее решить судьбу романа: «Обещанный тобою разговор 7 октября не состоялся не по моей вине, и я ещё раз прошу решить вопрос с отрывком поскорее. Если у тебя не найдётся для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи кому сочтёшь нужным поговорить со мною, чтобы и дело не стояло и чтобы оградить меня от весьма возможных домыслов со стороны буржуазной прессы, чего я побаиваюсь и, естественно, не хочу. Найди 2 минуты, чтобы ответить мне любым, удобным для тебя способом по существу вопроса. Я - на Пленуме. Улетаю в субботу, 2/XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости...» Ответа Шолохов не получил...

Этот случай лишний раз показал Шолохову, что «написать о войне то, что он задумал, и так, как хотел, пока не удастся - никто не напечатает. ...А издаваться за рубежом ему тоже убеждения не позволяли: сначала дома, в своей стране, и только потом - за рубежом». Подлинная правда о войне не устраивала партийное руководство. Рукопись романа «Они сражались за Родину» Шолохов сжег.

Правильно Шолохов сделал или нет, бросая рукописи в камин, — не нам судить, но это был протест против фальши.

Почему же все-таки роман «Они сражались за Родину» так и не был закончен Шолоховым? Критики, да и читатели, сходятся во мнении, что «ви-

ной» тому и масштабность творческого замысла, и личность самого автора. Но главная причина «незаконченности» романа кроется, видимо, в том, что, как говорил сам писатель, правду писать легко, гораздо сложнее писать истину. И Шолохов до конца своих дней пытался не только отразить правду жизни, картину реальных событий в романе «Они сражались за Родину», но и показать истоки героизма, истинные причины, по которым была одержана победа: они, простые солдаты, сражались за то, чтобы положить конец всем войнам и сохранить, защитить любимое Отечество.

Гениальные творения живут века. Даже если уничтожаются их авторы, переписывается текст, даже если читают их предвзято, в угоду времени. Но истина навсегда останется истиной. Правда притягивает к себе читателей, заставляет волноваться, и ты невольно становишься соучастником жизни героев, разделяя вместе с ними радость любви, горечь разочарований, трагедию крушения жизни.

Русская литература XX века дала миру писателя, который воплотил в своих творениях величайшие трагедии века, да и сам был фигурой трагической.

Талант, а тем более гениальность, ко многому обязывает. Часто судьба таких людей складывается трудно, драматично. «Большие русские художники всегда рождались не вовремя, то ли рано, то ли поздно и всегда были неудобны правителям. Таким художником был М. А. Шолохов. В этой ситуации жизнь его не могла быть не чем иным, как трагедией, а творчество постоянной борьбой «на два фронта», с одной стороны с «доброжелателями, критиками» и цензурой, а с другой - самим собой. И, может быть, этот второй фронт – самая страшная для писателя борьба, обрекавшая на поражение, то есть молчание». Для него «расплатой за гениальность» оказались сплетни и клевета, змеящиеся с двадцатых годов прошлого века и по сей день...

Теперь, зная трудную судьбу романа, становится понятно, как мучительно и долго шёл творческий процесс, как личные переживания событий, мироощущение оказавшегося на фронте писателя и вся его военная проза стремились к встрече с таким материалом, такими персонажами, как герои «Они сражались за Родину».

Первые этапы изучения романа должны быть поучительными. Потому что это расширяет знания учащихся об истории государства, дает представление о мужестве русского писателя, его понимании долга, учит определённым исследовательским приемам при анализе литературного произведения, в частности, осмысление названия произведения, ведь оно не просто так дает-

ся. Следовательно, на завершающем этапе анализа произведения учащимся можно будет задать следующий круг вопросов:

- ✓ Можно ли поменять личное местоимение «они» на имя собственное? На какое?
- ✓ Как содержание романа «Они сражались за Родину» нашло отражение в его названии? «Они» - это кто?
- ✓ Можно ли найти название незаконченного романа Шолохова в истории прошлого вашей семьи?

М.А.Шолохов в апреле 1972 года говорил: «Война – это всегда трагедия для народа, а тем более для отдельных людей...Люди обретают себя в подвигах, но подвиги эти бывают разные...О войне нельзя писать походя. Слишком всё это ответственно...». Это ещё одно подтверждение тому, что Шолохов относился с повышенной требовательностью к своему роману. Масштабность творческого замысла не позволила писателю свернуть с намеченного пути, потому что от правды никуда не денешься. Как отмечалось выше, это тоже объясняет причины незаконченности романа «Они сражались за Родину». И в то же время это следствие перелома в шолоховском творчестве, который произошёл в условиях меняющейся действительности. Писатель пытался закончить роман, когда разрушалась концепция мира, которую Михаил Александрович хотел бы видеть, мира справедливого, нравственного. А на его глазах жизнь менялась в сторону размытых идеалов.

Если мы хотим объективно судить о явлениях, событиях, произведениях литературы, то мы не должны упрощать само время. Время создания романа – это время скрытых перемен.

Особенности военной публицистики М.А. Шолохова

Михаил Александрович Шолохов известен всему миру как писатель-романист. Вопросы мастерства больших художественных произведений Шолохова освещены во многих научных исследованиях, чего не скажешь о его публицистике. Публицистическому творчеству писателя посвящены работы А. Констанова, Ю. Лукина, А. Хватова, И. Рыбинцева, М. Кокты, И. Лежнева, Л. Якименко и других. Тем не менее, остаётся ещё ряд вопросов, требующих исследования. Например, при изучении военной публицистики Шолохова не уделялось должного внимания вопросу тематики его произведений.

В данном исследовании будет показан вклад М.А. Шолохова в тематическое разнообразие публицистических произведений периода Великой Отечественной войны.

Публицистика периода Великой Отечественной войны не знала себе равных во всей мировой истории. В этой области с изумительной творческой продуктивностью работали такие известные художники слова, как А. Толстой, И. Эренбург, Л. Леонов, К. Симонов, А. Фадеев, Н. Тихонов, А. Серафимович, В. Гроссман и многие другие писатели старшего и младшего поколений.

Военные корреспонденты участвовали в битвах за Москву, Ленинград и Сталинград, на Курской дуге. Они форсировали Днепр, преодолели тысячи километров по землям Украины, Белоруссии и Прибалтики. Когда требовала обстановка, брались за автомат и пулемёт. Но главным их оружием было перо.

Произведения прозы, поэзии, драматургии периода Великой Отечественной войны занимали значительное место в газетах. Наряду с первостепенным политическим материалом, сводками Совинформбюро, на страницах «Правды», «Известий», «Красной звезды», «Комсомольской правды» печатаются песни, стихотворения, публицистические статьи, рассказы, повести, поэмы, пьесы. Например, в 1942 году газетой «Правда», опубликовано более десятка произведений крупных писателей и среди них – «Наука ненависти» М. Шолохова, «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука и другие. Но всё же на первый план выдвинулись жанры, которые позволяют

наиболее быстро и непосредственно откликнуться на страшные события народной жизни – очерк и публицистическая статья.

Основой публицистических очерков служил документальный материал. Очеркисты стремились быть в центре событий, правдиво рассказывая о документальных фактах. Так мир узнал о героической и трагической гибели Зои Космодемьянской, Александра Матросова, о героях-панфиловцах.

Проблематика советской журналистики этого периода чрезвычайно многообразна. Но центральными оставались несколько тематических направлений: сообщение о военном положении страны и боевых действиях Советской Армии; всесторонний показ героизма и мужества советских людей на фронте и в тылу врага; тема единства фронта и тыла; характеристика военных действий Советской Армии на территориях Германии и европейских стран, освобождаемых от фашистской оккупации.

В 1943-1945 годах был очень распространён очерк о подвиге большой группы людей, например, очерки о ночной авиации К. Симонова, о героических комсомольцах Вс. Вишневского. Причём с самого начала писатели обращают внимание не столько на судьбы отдельных героев, сколько на массовый фронтовой и трудовой героизм. Наиболее часто о людях тыла писали Б. Агапов, Т. Тэсс, М. Шагинян. Проблемам обеспечения фронта и населения продовольствием посвящали свои очерки Е. Кононенко, И. Рябов, А. Колосов.

Но особой силы голос советской публицистики достигал, когда главной темой произведений становилась тема Родины. В тяжёлых условиях войны, когда решалась судьба страны, писатели звали народ на защиту своей Отчизны в таких статьях, как «Сила России» Н. Тихонова, «Размышления у Киева» Л. Леонова, «Душа России» И. Эренбурга, «Уроки истории» Вс. Вишневского, «Родина» А. Толстого и других.

Публицистика А. Толстого многопроблемна, но идейным стержнем его произведений этого периода является вера в народ и победу нашей Родины.

В. Гроссман в многочисленных корреспонденциях вводил читателя в атмосферу сражающегося Сталинграда («Сталинградская битва», «Волга-Сталинград»).

Центральной темой военной публицистики И. Эренбурга является защита общечеловеческих ценностей. Свою главную задачу он видел в возбуждении у народа ненависти к фашистским захватчикам («О ненависти», «Оправдание ненависти», «Киев», «Одесса» и другие).

Лейтмотивом рассказа М. Шолохова «Наука ненависти», статей «По пути к фронту», «Люди Красной Армии» стала убежденность автора в том, что нравственная сила народа, его любовь к Отчизне окажут решающее воздействие на исход войны, приведут к победе. Эта идея присутствует и в очерках Л. Соболева, А. Фадеева, А. Платонова и многих других.

Еще одной темой, ярко прозвучавшей в шолоховской публицистике военного времени и впервые раскрытой именно Михаилом Александровичем, стала тема военнопленных немцев.

В очерках «Военнопленные», «Гнусность», «На смоленском направлении» Шолохов поведал всему миру правду о гитлеровских солдатах, вторгшихся на нашу землю. Там, где проходят немцы, остаются дотла сожжённые деревни и сёла, ничем не оправданные, бессмысленные разрушения. С самого начала войны немцы не брезговали никакими средствами: как только под Ельней русские перешли в наступление, немцы отстреливались, спрятавшись за спины женщин, стариков и детей, расположив их перед своими окопами, в то время, как фашистское радио говорило о мужестве и благородстве немецких солдат. В этом эпизоде М. Шолохов показал, что немецкий солдат лишён всяких человеческих чувств. «И все, кто узнаёт об этом очередном проявлении фашистской гнусности, испытывают чувство жгучего стыда за немецкий народ и омерзение и ненависть к тем, кто на войне, позабыв стыд, прячется за спины безоружных мирных жителей».

О зверствах фашистских захватчиков писали многие корреспонденты, но М.А. Шолохов пытается понять и раскрыть психологию врага. Первое, что он отмечает в их поведении – страх. Страх за собственную жизнь.

Впервые об этом писатель заговорил в очерке «На смоленском направлении», который был напечатан в газете «Красная звезда» 29 августа 1941 года. Этот очерк стал результатом встречи автора с пленными немцами в 19-й армии И.С. Конева. Первоначально он назывался «Пленные». «На смоленском направлении» – такой заголовок был дан редакцией газеты.

Под заголовком «Пленные» этот очерк всё же вышел на страницах газеты «К победе» (орган штаба 19-й армии) 31 августа 1941 года. Произведение особенно заинтересовало газетчиков. «О героизме советских солдат мы и сами писали, а вот о военнопленных не доводилось», – вспоминает Илья Котенко. «Сколько раз участвовал в допросах фрицев и ни разу в голову не пришло написать об этом! – винил себя А. Бусыгин. То же самое мог сказать и каждый из нас».

В очерке М. Шолохов показывает начало неизбежного процесса распада, морального разложения немецкой армии. «Вот сидит перед нами пленный обер-ефрейтор гитлеровской армии Вернер Гольдкамп, смотрит тоскующими и в то же время ненавидящими глазами загнанного зверя... Вернер Гольдкамп попал в плен сегодня утром. Он участвовал в захвате Польши, Франции и с самого начала военных действий находится на Восточном фронте. Последние трое суток он не ел и не умывался, лицо и одежда его в грязи, серо-зелёный мундир изрядно потрёпан, сапоги залатаны, даже голенища пестрят латками.

Трое суток наша артиллерия громила батальон, в котором служил ефрейтор Гольдкамп. «Это было ужасно, – подавленно говорит он, – мы несли потери и не могли поднять головы в окопах, не то что умыться...». На четвёртые сутки бравый ефрейтор с выправкой спортсмена и ещё несколько солдат решили сдаться в плен».

Всеми изобразительными средствами М.А. Шолохов убеждает, что немецкие солдаты, попав в плен, окончательно теряют человеческий облик. В очерках «Военнопленные» и «На юге» автор говорит: «В плену их внешний облик разительно меняется. Вот они толпятся в просторной комнате, ёжятся от холода и зябко дуют на руки. Обросшие лица их грязны и скучны, в глазах – грусть почти такая же, как у людей».

«Как звери, набрасываются они на пищу и, обжигаясь, чмокая, почти не прожёвывая, глотают торопливо, жадно. Двоим из них не принесли ложек. Не дожидаясь, когда принесут ложки, они запускают в котелки грязные ладони, пальцами вылавливают гущу и отправляют её в рот, запрокидывая головы и блаженно щурясь».

Некоторые портретные характеристики пленных немцев показывают не только их внешний, но и внутренний облик: «Двадцатилетний безусый юноша. Гладко прилизанные волосы, синие прыщи на лице и юркие, воровато бегающие глаза. Член германской национал-социалистической партии. Танкист. Был во Франции, в Югославии, в Греции... Ранен четырьмя пулями. Раны лёгкие. Изредка он морщится от боли, но держит себя с нахальным, напускным мужеством. Отвечая на вопросы, не поднимает глаз. На некоторые вопросы категорически отказывается отвечать, но зато обстоятельно заученными фразами говорит о превосходстве германской нации, о неполноценности французов, англичан, славянских народов. Нет, это не человек, а плохой пирог с дурно пахнущей начинкой.

...Что-то фальшивое, неправдоподобно-уродливое есть в облике этого немецкого юноши, и только одна фраза звучит у него по-настоящему искренно:

– Жаль, что моя военная карьера прервана...

Безнадёжно развращённый гитлеровской пропагандой, молодой мерзавец не устал убивать. Он только что вошёл во вкус убийства. Он ещё не нанюхался вволю чужой крови, а тут – плен. И вот он теперь сидит перед нами навсегда обезвреженный, смотрит глазами затравленного кровожадного хорька, и слепая ненависть к нам раздувает его ноздри».

Военный корреспондент Шолохов разговаривал со многими немецкими солдатами, попавшими в плен, изучал их характеры, их поведение на допросах, во время еды. Почти всем военнопленным ничего не стоило предать интересы своей родины, лишь бы спасти при этом себе жизнь. Стоило этим воjakам в течение трех дней остаться без еды, как они уже были морально убиты, подавлены.

М.А. Шолохов, раскрывая тему военнопленных немцев, рисует их портретные характеристики. Это и трусливый, голодный, изрядно потрёпанный войной ефрейтор, который начинает понимать, что Гитлер, напав на Россию, совершил непоправимую ошибку; это и безусый двадцатилетний солдат-нацист, говорящий заученными фразами о превосходстве германской нации; это и пожилой солдат-крестьянин с большими мозолистыми руками. Насильно мобилизованный в гитлеровскую армию, он полон ненависти к «собаке Гитлеру», тяжело переживает несчастья, которые принесли фашисты народам Европы, и хорошо понимает, что «за всё это Германии придётся нести страшную расплату».

Рассматривая военную публицистику М.А. Шолохова, следует отметить, что писатель вносит свой вклад в тематику публицистических произведений этого периода, так как очеркисты военных лет изображали фашистов односторонне: только как захватчиков, насильников и мародеров. Михаил Александрович впервые показывает немецких солдат, попавших в плен, сломленными и раздавленными.

«Распечатанная» Михаилом Шолоховым новая тема не сходила со страниц фронтовых и центральных газет до конца войны.

*Стамболиян О.Р.,
учитель литературы ГБОУ СОШ № 1450*

Публицистика М. Шолохова

Для публицистики, как и для художественной литературы, свойственна опора на реальные факты и явления действительности, на субъективное выражение авторской точки зрения, на поиск диалога с аудиторией, на эмоционально-образное восприятие впечатлений. В то же время для публицистики как особого рода творческой деятельности свойственны большая адресность выступления, его оперативность и качественно иная, нежели в литературе и науке, актуальность.

Эти особенности публицистики в полной мере проявились в творчестве М.А.Шолохова. Писатель откликается на главные проблемы общества, его произведения находят отклик в сердце каждого человека, а публицистические статьи получили широкое распространение благодаря тому, что он затрагивает злободневные проблемы, которые актуальны и по

сей день. Тематика произведений Шолохова-публициста разнообразна: это и нравственный облик молодёжи, и новая жизнь в сельском хозяйстве, и литературная деятельность, и война.

Такие очерки и статьи, как «По правобережью Дона», «Преступная бесхозяйственность», «Жить в колхозе культурно», «Речь по поводу двухлетия Вёшенского казачьего театра» и многие другие, свидетельствуют о тесной связи писателя с трудящимися своего края. Вместе с тем в этих выступлениях ощущается стремление придать каждому факту характер широкого обобщения. В своих очерках он с максимальной достоверностью повествует о народной жизни. Например, в очерке «По правобережью Дона» (1931) М.А.Шолохов ведёт рассказ о новых формах крестьянского труда. Автор описывает довольно печальное положение колхозников: отсутствие в некоторых местах техники, нехватка зерна, ослабевший скот, быки, которые бессильно падают от усталости и голода. Положение крестьян тяжёлое: им трудно работать в таких условиях. Однако автор даёт читателю понять, что русский народ так просто не сдастся. Ведь не случайно ещё в самом начале дано описание природы, которое показывает, что, несмотря на пессимистичные прогнозы, даже сама природа на стороне крестьян: неожиданно начались заморозки, которые потом «сменились оттепелью, дождями, земля отмякла, и зерно не пострадало».

Но как человек, болеющий за судьбу своего края, своих земляков, писатель не ограничивается перечислением недостатков – он рассказывает и о достижениях. Причём если о бесхозяйственности говорится сухо, документально, то ударную работу описывает настоящий художник. Автор гордо сравнивает обычный рабочий трактор с человеческим сердцем, «предельно здоровым», а иногда это описание принимает грозный, устрашающий вид, подчёркивая непреклонность колхозников в выполнении их задачи: « ... трактор глухо и злобно рычал и, будучи не в силах разодрать лемехами плугов слежавшуюся грудину степи, становился как лошадь на дыбы; рев мотора ... звучал непотаенной и яркой угрозой».

В связи с тем, что Шолохов жил в постоянном общении с людьми, его интерес к жизни этих людей был неистощим, он не мог бездействовать и наблюдать со стороны за тем, что требовало незамедлительного вмешательства вплоть до критики работников райкома за отставание в севе. Действие в очерке сосредоточено вокруг борьбы за новую колхозную жизнь. Главным героем является народ, который Шолохов рисует не как нечто обобщенное, а как многоликую, активную, решающую силу создания новой жизни деревни.

Та же гордость за своих соотечественников прозвучит через много лет в очерке «Слово о Родине» (1948). Героя произведения автор не называет иначе как «хозяин», и именно ему принадлежит высказывание, которое выделяет писатель, потому что полностью согласен с этой мыслью: «А весною как работали! Иного ветром валит, а он в поле идёт и работает из последних сил. Золотой же у нас народ...! На своей земле мы крепко стоим!»

Жизнь писателя неотделима от жизни страны, поэтому тема войны не менее значима для Шолохова. Являясь постоянным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», писатель с первых же дней войны в своих очерках и памфлетах вел непримиримую борьбу с идеологией фашизма, показывал, как советский народ и, в частности, трудящиеся Дона защищали свою отчизну. В очерках и корреспонденциях «На Дону», «В казачьих колхозах», «На смоленском направлении», «Военнопленные», «На юге», «Гнусность» он выступает как непосредственный участник событий. Выполняя назначение писателя быть со своим народом, помогать ему в тяжелейших испытаниях, Шолохов уже в начале войны говорит о неминуемой победе над фашистами: «Великое горе будет тому, кто разбудил эту ненависть и холодную ярость народного гнева!» (очерк «На Дону», 1941). В своей речи на Втором Всесоюзном съезде советских писателей Шолохов указывал на то, что в эти годы: «...слово художника было на вооружении армии и народа... Была у них (писателей) одна задача: лишь бы слово их разило врага, лишь бы оно держало под локоть нашего бойца, зажигало и не давало угаснуть в сердцах советских людей жгучей ненависти к врагам и любви к Родине»¹ (1954).

Одно из главных мест среди публикаций занимает рассказ-очерк «Наука ненависти». В нем показан образ участника войны лейтенанта Герасимова, в котором воплотились характерные черты нашего народа. Ход развития событий доказывает, что суворовская наука побеждать - это фактически опора для науки ненависти, которая учит тому, как побеждать врага. Шолохов начинает рассказ-очерк с описания деревьев. Массивный участок леса был срезан огнем артиллерии, однако «израненный осколками» ствол березы уцелел и покрылся «молодыми, глянцеви́то-клейкими листочками», символизирующими новую жизнь. А заканчивается пейзаж описанием старого дуба, в стволе которого зияла рваная рана. Эти образы подготавливают читателя к встрече с главным героем, похожим на искалеченные деревья. Герасимов, побывавший в плену, только «осатаневшими от крови собачьими вырождаками» может называть немцев, к которым до войны «привык с уважением относиться»: работал с их машинами («Умные руки эти машины

делали»), любил книги немецких писателей. Подробный рассказ о злодеяниях фашистов никого не может оставить равнодушным. Поэтому с такой убеждённости говорит лейтенант: «Пока сердца бьются, пока хранится в сердцах любовь к Родине, ненависть будет храниться на кончиках штыков».

В конце рассказа Шолохов опять возвращается к образу дуба: именно с ним сравнивает автор героя, «надломленного пережитыми лишениями, но всё ещё сильного и крепкого», крепкого своей любовью-ненавистью. Герасимов, как и дуб, надломлен пережитым, но не сломлена его жизненная сила. Война губит все живое, но жизнь все равно продолжается. Жизнь, основанная на любви, всегда возрождается, как произошло с деревьями. Сравнение природы и человека показывает естественность стремления жить вопреки смерти, которую несет война.

Достучаться до сердца читателя, повысить эмоциональность обращения помогает художественное мастерство писателя. Язык М.А. Шолохова отличается величайшим разнообразием средств художественной выразительности, которые делают его произведения необыкновенно яркими, живописными. При этом писатель очень чуток в выборе средств: обращаясь к своим землякам, он использует бытовую лексику, фразеологизмы донских говоров.

В 1965 году М.А.Шолохов получил Нобелевскую премию по литературе.

Каждая из премий мотивируется особой формулировкой, причём не за отдельные произведения, а за исключительную черту целого творчества. Формулировка для Шолохова звучала очень чётко: «Бескомпромиссная правдивость». А в дипломе лауреата значится: «В знак признания художественной силы и честности, которые он проявил в своей донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа». Процесс выдвижения на эту престижную премию сопровождался серьёзной идеологической борьбой вокруг кандидатов, поэтому писатель стал лауреатом только в 1965 году, хотя его кандидатура начала рассматриваться уже с 1955 года. Ответ на такое несколько предвзятое отношение к советскому писателю не мог не дать Шолохов в своей речи при получении Нобелевской премии.

Все темы, раскрытые в его выступлениях, публицистических произведениях, нашли отражение и в этой речи. Остановившись в начале на важности жанра романа в современной литературе и на своём отношении к «молодым течениям в искусстве», Шолохов обратил внимание аудитории на единство человечества, живущего «общими интересами, в гораздо большей

степени объединяющими» людей, «нежели разъединяющими». И это не случайно, ведь основной темой послевоенных публицистических выступлений писателя становится борьба за мир («Свет и мрак», «Мы хотим мира!» 1949, «Сказать войне «Нет!»» 1958 и пр.). Чтобы подчеркнуть общечеловеческий характер проблемы, Шолохов использует цитату из Евангелия. Такая ссылка противоречила одной из составляющих советской идеологии – атеизму, но публицист должен говорить со своими слушателями на одном языке, поэтому речь Шолохова произвела на аудиторию большое впечатление, как отмечалось в европейской прессе.

Этой же цели служит и метафорический протест Шолохова против войны. «Пепел», который «стучит в сердце» писателя – это символ памяти о погибших, который вдохновляет, даёт силы для борьбы за свободу, символ из книги бельгийского писателя Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле», понятный и близкий европейцам.

Особое внимание Шолохов уделил роли художника, «малой частицы человечества», в жизни общества. Самая главная его задача – служение «народу-труженику, народу-герою», «созидание прекрасного в душах людей». Сам Шолохов как писатель и публицист в полной мере воплотил в жизнь своё творческое стремление – «помогать людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку».

Изучение публицистики М.А. Шолохова на уроках литературы в 11 классе

Публицистика. Что она может дать современному учителю и современному ученику? Знакомясь с публицистическим произведением и размышляя над его темой, учащиеся формируют свое представление об идеологии, о человеке и основных исторических и идейных конфликтах эпохи. В контексте документов эпохи: статей, мемуаров, писем и дневниковых записей и других материалов публицистики, можно обучать аналитическому и комментированному чтению, созданию отзыва или рецензии на рассказ. Работая над материалами темы, ученики размышляют о том, как история преломляется в публицистическом произведении, каков взгляд на судьбу человека у того или иного автора, какова будет собственная оценка той или иной эпохи, как объяснить судьбы людей, их мировоззрение, поступки в определенный исторический период.

Понятие публицистики вводится рано, в 7 классе, но усвоения специфики этого жанра к одиннадцатому классу практически нет. А ведь этот жанр обладает многими преимуществами: это и аргументация к экзаменационному сочинению по русскому языку, это и работа с семантическими полями, концептами; работа над композицией, проблематикой; обучение эмоциональному воздействию слова на читателя и многое другое. Поэтому при работе с публицистическим жанром необходимо направить мысли учеников на следующее: **кто пишет? кому адресовано? где это должно прозвучать? когда? почему? зачем? чему учит? к чему призывает?** Данные вопросы позволяют осмыслить значение публицистического произведения для читателя и слушателя.

На уроках литературы в старших классах публицистика представлена недостаточно. Как правило, изучаются очерки, статьи Ильи Эренбурга, Константина Симонова, Алексея Толстого. Публицистика Михаила Шолохова не изучается, разве что обзорно, несмотря на то что М.А. Шолохов создавал публицистические произведения на протяжении более чем пятидесятилетнего периода творчества. В его публицистике много правды и честная гражданская позиция.

В 1923 году фельетоны М.А. Шолохова публикуются в газетах. В сентябре 1923 года за подписью «Мих. Шолох» в комсомольской газете «Юношеская правда» («Молодой ленинец») (сейчас — «Московский комсомолец») был напечатан фельетон — «Испытание», через месяц появился второй фельетон — «Три», а затем и третий — «Ревизор» [1].

В годы войны М.А. Шолохов становится корреспондентом «Красной звезды», был на переднем крае, под обстрелом, получил контузию с осложнениями на долгие годы. В 1941—1945 гг. опубликовал очерки («На Дону», «На юге», «Казачи» и др.) и рассказ «Наука ненависти» (1942) — первый рассказ о судьбе пленного, а в первые послевоенные годы — публицистических тексты патриотической направленности («Слово о Родине», «Борьба продолжается» (1948), «Свет и мрак» (1949), «Не уйти палачам от суда народов!» (1950) и др.)

Шолохов активно, по велению сердца, пишет напутствия молодым писателям, беседует со школьниками, старается быть полезным вообще молодежи страны. Его обращения, письма статьи актуальны и сегодня

У каждого учителя свой путь изучения публицистической литературы. Предлагаем вам некоторые приемы работы по теме. В своей оценке следует опираться на оценку критиков. Например, В. Петелин писал про публицистику Шолохова: «Вся публицистика Шолохова пронизана раздумьями о той все возрастающей роли художника в мире, где не смолкают выстрелы, убивающие стариков, женщин и детей. Слово художника должно быть действенным, обладать необоримой силой, способной пробуждать активную ненависть в сердцах миллионов людей всех стран ...»

Вначале изучения темы можно предложить цитаты, содержащие оценку публицистики Шолохова критиками. Затем предложить ученикам попробовать сформировать свое отношение к публицистике Шолохова.

Просим учащихся **бегло просмотреть** названия некоторых его публицистических произведений: **что можно сказать** о содержании, жанре, героях и ценностях, судя только **по одним только названиям**? Это задние может быть полезно с точки зрения развития умения школьников извлекать максимум сведений из минимума информации.

«Ревизор» (Истинное происшествие) — фельетон, 1924г.

Письмо М. Горькому (Ст. Вешенская, 6 июня 1931г.)

«Преступная бесхозяйственность» — статья, 1932г.

«За честную работу писателя и критика» — статья, 1934г.

«Литература – часть общепролетарского дела» (из речи на собрании ударников Лензавода и железнодорожного узла в Ростове-на-Дону)

«Горжусь своей Родиной» – заметка об отваге и мужестве советских женщин, 1937г.

«Все силы отдадим на благо Родины» - 1939г.

«Из обращения к вёшенцам, идущим на фронт»- 1941г.

«На Смоленском направлении» - очерк

«Гнусность» - заметка о зверствах фашистов под Ельней, 1941г.

«Люди Красной Армии» - очерк, 1941г.

«Военнопленные» - очерк, 1941г.

«Письмо Ленинградцам» - 1942г.

«Письмо американским друзьям» - 1943г.

«Слово о Родине» - статья, 1948г.

«Свет и мрак» - статья, 1949г.

«С родным правительством – за мир» - 1951г.

«Солдаты моей Родины» - очерк, 1958г.

«Английскому писателю Чарльзу Перси Сноу» (поздравлением с почетным званием доктора филологических наук Ростовского-на-Дону государственного университета)- 1963г.

«Юным земледельцам» - заметка, 1964г.

«Земле нужны молодые руки» - беседа с молодежью, 1965г.

«Защитим жизнь, пока не поздно!» - обращение к писателям мира, 1983г.

Можно попросить ребят составить свое представление об особенностях публицистики Шолохова, о содержании и мироощущении.

«Письмо американским друзьям» - это, на наш взгляд, наиболее актуальная тема. С первых строчек звучит тема жестокой и тяжелой войны для нашего народа, опасности распространения фашизма на земле (гитлеризм – враг всего человечества), об оказании помощи нашему народу, израненному войной. Обращаем внимание учащихся на то, что советский народ в письме характеризуется только словом *наш*, страна – *наша*, противопоставляя местоимению *ваша* (американская).

Почему здесь такое противопоставление?

Даем историческую справку. Из беседы с представителем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, обратившимся к писателю с просьбой американского общества помощи России написать письмо американским друзьям, мы узнаем позицию Шолохова по поводу предоставления американцами помощи России в 1943году: «Советский народ ощущает эту помощь

и благодарен, но настоящая боевая дружба между двумя бойцами не может быть основана на том, что один сражается и идет в смертельный бой, а другой, подбрасывая ему патроны, хлопает в ладоши и кричит: «Браво, ты хорошо дерешься!» Со стороны даже другу трудно судить о том, какое напряжение сил духовных и материальных требуется русскому народу, чтобы при отсутствии второго фронта в Европе вести борьбу с врагом человечества».

Попросим ребят составить план текста. Почему Шолохов имеет право писать о тяжести войны?

(Факты из личной судьбы Шолохова, нет вымысла и лозунгов, *личное горе каждого из нас складывается во всенародное, общее бедствие; Шолохов видел «кровь близких на пороге своего дома»*).

Как в этом письме раскрывается тема борьбы с фашизмом?

(Разъясняется необходимость открытия второго фронта, звучит призыв идти в бой с фашизмом, предложение не просто дружбы народов, а дружбы солдат; в письме нет вымысла и лозунга).

Найдите определения фашизма в тексте

(*Осуществляя свой разбойничий расчет; охвачена врагом, самым жестоким из тех, что знала история; описание зверств фашистов: страшно изуродованные трупы, дочиства сгоревшие деревни*).

О чем прямо говорит Шолохов американским друзьям? К чему призывает? На что обращает внимание?

(*«Но война – тогда война, когда в ней участвуют все силы. Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше»*).

Во что верит Шолохов? Какова позиция автора?

(Ради жизни на земле люди должны и могут объединиться).

Разделяете ли вы точку зрения автора? В чем? Почему тема объединения народов в борьбе с фашизмом (неофашизмом) актуальна сегодня? (мини-сочинение, развернутый ответ)

В конце урока зачитываются работы учащихся (по желанию) и сопоставляются с оценкой критиков, данных в самом начале урока.

В качестве рефлексии можно предложить нарисовать образ-символ, который выразил бы их представление о написанном в «Письме американским друзьям».

*Солодова Марина Викторовна,
учитель русского языка литературы
ГБОУ СОШ № 1623*

М.А. Шолохов как общественный деятель

Попробуем осмыслить, что же значит часто употребляемое сочетание слов «общественная деятельность»? Это и активное участие в социальной, политической, культурной сферах жизни, но и равнодушие к духовным проблемам общества.

Писатель, поэт в России, начиная с XVIII века, играл большую роль в различных общественных сферах жизни. Творчество многих писателей всегда было связано с происходящими событиями в государстве, они жили с твёрдым чувством патриотизма в душе, старались воспитывать гражданский дух в людях, доносить до общества актуальные проблемы; они всегда всем сердцем переживали за свою страну, беспокоились за настоящее и

будущее России. Общественная деятельность Шолохова осуществлялась в традициях лучших русских писателей.

У Шолохова были великие предшественники: Н.В.Гоголь, А.С.Пушкин, Ф.М.Достоевский, Н.С.Лесков, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов. Гоголь имел большую переписку с Министерством просвещения, старался внести свой вклад в духовную жизнь общества. О проблемах общества, в частности и о проблемах образования, он писал в своих знаменитых произведениях «Ревизор» и «Мёртвые души»

Можно отметить и деятельность Лескова в сфере образования. Во время своих рабочих поездок он знакомился с бытом разных областей страны, позже в своих очерках «Русское общество в Париже» писал: «Я думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе этого ни в какую заслугу. Я не изучал народа по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под тёплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек...».

Л.Н. Толстой открыл много школ, заботясь о возрождении русской культуры и уровню духовного развития русского народа.

А.П. Чехов провёл перепись на Сахалине, чтобы сделать выводы о том, к каким результатам приводит каторга; принимал участие в организации помощи голодающим крестьянам Нижегородской и Воронежской губерний и заведовал в Мелихове холерным баракком, лечил безвозмездно людей.

Как отмечалось ранее, Михаилу Александровичу Шолохову было с кого брать пример и на кого равняться, а его общественная деятельность с годами приобретала большое значение не только в жизни народа на берегах Дона, но и всей России.

Бурные исторические процессы начала XX века, связанные с политическими преобразованиями, послужили важным фоном биографии и становления Шолохова как личности. Он вырос среди казаков, был свидетелем распада казачьей земельной общины. Сам Шолохов говорил: «Поэты рождаются по-разному. Я, например, родился из гражданской войны на Дону...».

В 1921-1922 годах будущий писатель каждодневно находится в гуще политических событий. Он уже не только внимательный и заинтересованный свидетель происходящего, но и непосредственный участник ожесточенной социальной схватки. В этой борьбе двух миров юный Шолохов

вставал на сторону большевистской партии. Всё происходящее в дальнейшем волновало и вдохновляло творческое воображение писателя.

После восстановления разгромленных бандитами станичных и хуторских Советов Шолохов принимает участие в первой Всероссийской переписи населения, промышленности и хозяйства. Во многом благодаря Михаилу Александровичу удаётся в срок продработникам организовать быструю сдачу налога. Данный факт подтверждает высказывание делегатов окружной партийной конференции: «Выполнение ста процентов единого и единовременного налога в течение одного месяца в Верхне-Донском округе, в одном из отсталых во всех отношениях округов Донской области, это небывалое явление в течение всего времени существования Советской власти на Дону даёт нам полную уверенность считать, что курс советского ко-
рабля
взят правильно...»

Осенью 1922 года Шолохов поступил на рабочий факультет, но он не имел комсомольской путевки и очутился в нэповской Москве в положении безработного. Регистрировался на бирже труда, несколько месяцев жил на средства, добытые трудом чернорабочего (приходилось работать и грузчиком, и каменщиком, и счетоводом, и делопроизводителем). Жизнь будущего писателя в данный период оказалась очень не простой.

Настоящее мужество и смелость, вера в могущественную силу правды, в советскую власть давали силы Шолохову достойно выстоять, победить в сложное время в конце 20-30-х гг. Он изобличал массовые репрессии, порочную практику проведения хлебозаготовок, когда у крестьян отбирали все зерно. Писатель обращался к Сталину и добился того, что на Дон прислали зерно. Письма к «вождю» до сих пор поражают исследователей своей прямотой и искренностью, Шолохов не просто просит, он «кричит» и призывает Сталина к восстановлению справедливости.

Также он отправлял много писем в разные организации, чтобы восстановить социальную и общественную справедливость. Например, в обращении к юристу Ф. Князеву писал: «Пересылаю ходатайство твоего станичника о смягчении приговора. А затем прошу твоего прокурорского вмешательства в следующее дело: у Яушенковых (братьев) в 1930 или 32 г. С/Совет (Букановский) изъясил дом... Они не лишены, оба работают в колхозе. Третий работает в Москве, демобилизовавшись из Красной Армии. Рассмотрите это дело, пожалуйста, и восстановите попорченную революционную справедливость». Но главным делом писателя остаётся литературный труд.

В 1928 году журнал «Октябрь» начинает печатать «Тихий Дон», всего в этом журнале были напечатаны первые три тома романа, а четвёртый – в журнале «Новый мир» в 1940 году. После публикации первого тома писатель приобретает известность, успех у читателей – ошеломляющий. Он известен, о его произведении появляется огромное количество отзывов. Шолохова узнают, а народ признаёт в писателе «родную душу», тысячи писем приходят на его имя от читателей. Михаил Александрович становится постоянным участником творческих вечеров в писательских организациях, домах культуры; выступает в клубах, на заводах, читает опубликованные и не опубликованные главы из романа, обсуждает их, делится планами на будущее, а также продолжает тяжелую, кропотливую работу над романом «Тихий Дон».

В марте 1941 года за роман «Тихий Дон» Шолохову была присуждена Государственная премия, которую он в июне перечислил в фонд обороны страны.

Из письма руководителя Вешенского восстания Павла Кудинова, который писал из Болгарии: «Роман М. Шолохова «Тихий Дон» есть великое сотворение истинно русского духа и сердца. ... Читал я «Тихий Дон» вздохом, рыдал-горевал над ним, и радовался - до чего же красиво и влюбленно все описано, страдал-казнился - до чего же полынно горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки - батраки-поденщики - собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались «Тихим Доном» - до слез, и пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту».

Отметим одно важное признание в этом письме: «Скажу вам, как на духу, - «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах - просветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова «Тихий Дон», как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!) - эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера - Дранг нах Остен - был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за это прозрение на чужбине тысяч темных казаков благодаря «Тихому Дону» и передайте Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон...».

Шолохов всегда считал события, связанные с жизнью простого народа, неотъемлемой частью своей личной жизни. Писатель переживал и болел всей душой за будущее народа.

В июле 1941 г. Михаил Шолохов, полковой комиссар запаса, был призван в армию, направлен на фронт. Работал в Совинформбюро, был военным корреспондентом газет "Правда" и "Красная звезда", участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте. С первых дней войны писал статьи, очерки ("На Дону", "В казачьих колхозах", "По пути к фронту", "Первые встречи", "Люди Красной Армии", "На Смоленском направлении", "Гнусность", "Военнопленные"). После войны Шолохов опубликовал ряд публицистических произведений: "Слово о Родине", "Борьба продолжается" (1948), "Свет и мрак" (1949), "Не уйти палачам от суда народов!" (1950).

В первые дни войны Шолохов понял, что для победы необходимо было вызвать у русского солдата чувство ненависти к фашизму. Каким же образом это можно было сделать? Конечно же, правдиво показать его было возможно только через литературные произведения. Герой в военных очерках обладает определенными чертами характера: невероятной выносливостью, способностью переносить все удары судьбы и колоссальным патриотическим порывом. Писатель правдиво нарисовал картины народной войны, тяжелых и страшных фронтовых будней. Никто до Шолохова не осмелился в те трудные и суровые годы рассказать правду о людях, прошедших тяжелые испытания, несправедливо осужденных и не сломленных обстоятельствами, но задумавшихся о том, что происходит со страной. До последних дней своей жизни Шолохов вспоминал о войне, тема Великой Отечественной войны была для него очень значима.

Известный журналист В.О.Осипов долгое время занимался изучением творчества Шолохова и в одной своей книге о нём писал: « Память о войне не отпускала Михаила Александровича Шолохова до смерти. Я тому свидетель – несколько раз был у него в предсмертной для него больнице. Так почти в каждом разговоре – а уж как болен! – он обязательно что-то говорил или писал о войне. Но выделяю: не о себе в войне, а о тяготах войны и о тех, кто воевал на войне...» Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в душе писателя на всю оставшуюся жизнь.

И после войны Шолохов активно занимался общественной деятельностью: принимал участие в работе Всемирного конгресса деятелей науки и культуры в защиту мира, был членом Советского комитета защиты мира.

Был депутатом Верховного Совета, академиком АН СССР, членом Президиума Союза писателей СССР.

Всю свою долгую жизнь Шолохов помогал жителям Вешенской станицы; внимательно следил за судьбами знакомых и близких по духу людей и, по словам жены, Марии Петровны, безгранично доверял им: «Старался в каждом добро разглядеть. И если видел это добро - последним готов был поделиться». Казачка Бокова говорила: «Он такой человечный. Все расспросит, прямо в душу заглянет и поможет, если что совхозу нужно. Когда его в Венгрию пригласили, он шестерых земляков с собой повез, и все время с нами - в кино, на стадион, на все встречи. Да что говорить, хороший он человек. Простой казак».

В газете “Известия” 23 января 1941 г. сообщила, что «по инициативе и с помощью Шолохова в Вешенской был сооружен водопровод, с его же помощью были построены электростанция, здание больницы, родильного дома, благоустроены улицы, воздвигнуты общественные здания”. Он добился, чтобы был построен мост через Дон, заботился об открытии в Вешенской педучилища, о путевках в санаторий учителям, о создании казачьего театра в станице. Сталинскую, Ленинскую и Нобелевскую премии он израсходовал не на свои нужды. В апреле 1935 г. Шолохов попросил зав. ГИХЛом Н. Некорякова перечислить деньги с его текущего счета конторе Сельхозснабжения Наркозема СССР «в уплату за грузовую машину, отпущенную Еланской средней школе Вешенского района» и объяснил, что «у школы не оказалось презренного металла».

Многие современники отмечали скромность и простоту Шолохова. Калинин М.И. (советский государственный и партийный деятель, всесоюзный староста) замечал: «Шолохову было свойственно какое-то удивительное величие простоты или, может быть, простота величия. ...Аристократизм духа, внутренняя грация, благородство мысли и слова, предельная простота - все это органично сочеталось в нем»

Писатель не различал и не сравнивал людей по социальному положению: «...мог не удостоить вниманием высокопоставленного чиновника или заезжую знаменитость, если те ему не понравились, и в то же время часами разговаривал с людьми простыми, искренними, самобытными». Известно много случаев, когда Михаил Александрович приходил на помощь и известным людям, оказавшимся в беде, перечислим лишь некоторые из них: «В 1938 г. Шолохов заступился за конструктора “Катюши” И. Клейменова, писал о нем же заявление в комиссию партийного контроля при ЦК КПСС в

1955 г. В 1940 г. он предлагал дать Сталинскую премию А. Ахматовой за сборник "Из шести книг", вскоре запрещенный. Шолохов вызволил из тюрьмы Л. Гумилева, сына А. Ахматовой; критика И. Макарьева и любимую артистку Э. Цесарскую (советская актриса, Заслуженная артистка РСФСР, сыгравшая роль Аксиньи в фильме «Тихий Дон»); помог выйти из тюрьмы Е. Пермитину, сыну А. Платонова. Когда произведения самого Платонова не печатали, и писатель остался без средств существования, Шолохов помог ему издать сборник отредактированных сказок.

Людские боли и радости Шолохов «воспринимал, как свои, тяжело ранящие или радующие его. Если нужны были его помощь, защита, вмешательство, он немедленно шел человеку навстречу». Константину Воробьеву (писатель, автор известной повести «Убиты под Москвой») не удавалось напечатать правдивый рассказ о жизни литовской деревни в первые послевоенные годы, и Шолохов, прочитавший это произведение, «выразил готовность лично отредактировать рукопись и тем самым снять бесчисленные вопросы издателей».

Многим людям он помог в решении трудных проблем. И. Шкапа (русский советский писатель-очеркист, писал под псевдонимом И.Гриневский), когда вышел на свободу после длительного заключения, случайно встретил Шолохова, и тот так отреагировал: «Шолохов шел по улице в Москве, нес в обеих руках огромный арбуз. Когда увидел меня - арбуз вдребезги. Жил у него полтора месяца, еще не реабилитированный... Вот был друг»

Хотелось бы отметить, что Михаил Александрович переживал не только за будущее людей, но и за будущее состояние окружающей среды.

Шолохов неоднократно писал о необходимости беречь природу, о недопустимости пренебрежительного отношения к памятникам и заповедным местам, стремился внушить людям чувство беспокойства за тех, кто будет жить после нас. «Шолохов защищал остатки лесов в верхних районах Дона, обращался к председателю Совмина РСФСР с письмом, где протестовал против бездумной вырубki их лесхозами: «Если их сейчас не остановить, то в ближайшие годы у нас будет «зона пустыни». Русский народ - от богатства, что ли, своего - был всегда недостаточно внимателен к бережному сохранению лесов, морей, рек... Мы привыкли, что у нас всего много. Видно забыли, что не все вечно».

Литературная и общественная деятельность Шолохова всегда привлекала внимание общественности.

В 1965 году Михаил Шолохов был награжден Нобелевской премией, которую он передал на постройку школы в Вешенской. Следует заметить, что самому Шолохову была важна данная премия не в качестве награды за личные достижения, а в качестве награды как первому советскому писателю, получившему Нобелевскую премию с согласия властей СССР. В своей Нобелевской речи Шолохов говорил: «Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив».

Михаил Шолохов был многократно отмечен наградами Советского правительства. Он дважды Герой Социалистического Труда (1960, 1980), лауреат Сталинской премии I степени (1941 г. – за роман "Тихий Дон"), Ленинской премии (1960 г. – за роман "Поднятая целина"), международной премии мира в области культуры Всемирного Совета Мира, международной литературной премии "София", международной премии "Лотос" Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Писатель был награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Отечественной войны I степени, медалями: "За оборону Москвы", "За оборону Сталинграда", "За победу над Германией", Золотой медалью имени А. Фадеева. Награжден орденами других государств: орденом "Большая Золотая звезда дружбы народов" (Германия), орденом Сухэ-Батора (Монголия), орденом Георгия Димитрова (Болгария), орденом Кирилла и Мефодия (Болгария).

При жизни являлся действительным членом Академии наук СССР, почетным доктором Ростовского государственного университета, Лейпцигского университета имени Карла Маркса, Сент-Эндрюсского университета права (в Шотландии).

В начале статьи мы постоянно обращали внимание на то, Михаила Александровича волновала судьба простого народа, жителей донских земель. Он участвовал в политической жизни края. В январе колхозники и интеллигенция станицы Вешенской выдвинули Шолохова кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Миллеровскому избирательному округу. В это же время проходили встречи с избирателями. Газета «Большевистский Дон» (Вешенская) 18 января 1946 года в рубрике «Незабываемая встреча» публикует материал о встрече писателя с избирателями колхоза им. Шолохова в связи с выдвижением писателя кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР:

Избиратели поздравили М. А. Шолохова с выдвижением его кандидатом в депутаты. В ответном слове писатель поблагодарил избирателей за доверие и честь, оказанные ему. Говорил о задачах по залечиванию ран, нанесенных хозяйству страны войной; о восстановлении и благоустройстве Вешенского района. Заверил, что постарается оправдать оказанное ему высокое доверие. И 20 января газета «Правда» публикует речь М. А. Шолохова перед избирателями в станице Вешенской. Из выступления: «...Разрешите поблагодарить за высокую честь и доверие, которые вы мне оказали, выдвинув своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР...

...На возрождение Вешенского района правительство отпустило большие средства. Но надо еще много приложить сил и старания для использования местных возможностей. Наша задача — в ближайшие год-два превратить разрушенную Вешенскую станицу в красивую, благоустроенную станицу, какой она была в довоенные годы. Депутатские обязанности сложны. Депутат должен быть чутким ко всем просьбам и жалобам избирателей. Депутат — активный деятель, ревностный наблюдатель того, как на местах проводятся в жизнь решения правительства. Я обязуюсь служить вашим интересам. Моя основная профессия — писатель. Я на литературном поприще буду работать так, чтобы вам не было стыдно за меня...».

После проделанной работы 10 февраля 1946 года Шолохов избирается депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР по Миллеровскому избирательному округу.

11 марта 1946 года писателю выдан диплом доктора филологических наук АН СССР, а ученая степень присуждена была ранее, 28 января 1939 года.

7 сентября 1946 года Шолохов вошел в состав Государственной редакционной комиссии по подготовке академического издания сочинений Л. Н. Толстого согласно постановлению Политбюро ЦК партии. Председателем комиссии стал А. А. Фадеев.

В 1946 году по поручению И. В. Сталина А. А. Жданов предложил М. А. Шолохову пост секретаря Союза писателей СССР. Писатель отказался.

Из беседы в ЦК. Жданов: «Не смогли бы вы, хотя бы ненадолго, возглавить писательский союз?» Шолохов: «За предложение спасибо. Но дело вот в чем. Через три часа поезд на Ростов, и я уже взял билет...». Ответ писателя на предложение не удивителен: Шолохов серьезно и очень ответ-

ственно относился к государственным постам, он не умел лукавить и всегда искренне и открыто выражал свою точку зрения. Ответ подчеркивает и тот факт, что дела в станицах для писателя были важнее, чем предложенный пост.

Нельзя не упомянуть о том, что Шолохова беспокоила судьба молодого поколения, он говорил: «Наша молодежь в основном хорошая... Конечно, есть у нас молодые люди, отравленные ядовитой западной пропагандой... За влияние на молодежь идет повседневная борьба. И не в наших интересах отдавать вас, таких хороших девчонок и ребят, в чьи-то чужие и грязные руки...» В другом своём выступлении отмечал: «Чего греха таить, некоторая часть городской молодежи порой легко воспринимает от Запада и несет за собой ненужное нам».

Шолохов обращался и к молодым писателям, он был убежден, что «очень велика ответственность писателя перед народом», обращаясь к ним, писатель говорил: «Мы все вместе и каждый из нас отдельно должны быть совестью народа <...> Вопросам культуры уделяется со стороны всех организаций ничтожное количество времени и средств».

Шолохов много времени уделял пропаганде русской литературы, в станице Вешенской проходили всевозможные встречи, по его инициативе приезжали иностранцы, чтобы познакомиться с укладом жизни русских людей, казаков. Шолохов был истинным патриотом и считал, что «каждая нация, большая или малая, имеет свои культурные ценности. Из этих ценностей складывается великое духовное состояние человека».

Петелин Виктор Васильевич в своей книге «Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников» писал: «Когда Шолохов умер, мир стал на голову ниже в своем духовном росте, опустилась нравственная планка, словно перестал действовать тот совестный суд, который всегда живёт в сердце русского писателя».

Чтобы понять и осознать, насколько Шолохову была важна жизнь страны, насколько он переживал за её будущее и как стремился помочь людям, забывая подчас о своей собственной жизни, достаточно вспомнить и упомянуть отрывок из книги Константина Симонова «Глазами человека моего поколения», в котором сообщается, что однажды на совещании Сталин при разговоре с Фадеевым о творческих командировках Шолохова сказал, что, «когда серьезный писатель серьезно работает, он сам поедет, если ему нужно», а потом спросил собеседника: «Шолохов не ездит в командировки?» - помолчав, спросил он. «Он все время в командировке», - сказал Фадеев.

ев. «И не хочет оттуда уезжать?» - спросил Сталин. «Нет», - ответил Фадеев...

Шолохов не только гениальный писатель, но и отважный правдоискатель, стойкий борец за справедливость; свершал добрые дела без афиширования; ему не нужна была слава, его поступки, общественная деятельность всегда приносили пользу простому народу, а литературные произведения до сих пор при прочтении оставляют неизгладимое впечатление и след в душе каждого читателя.

Фрагмент урока **«Интересные факты из жизни М.А.Шолохова»**

Первый урок, посвященный творчеству Шолохова, значим. От него зависит, как школьники в дальнейшем будут воспринимать произведения писателя. Важно сформировать общие представления о личности Михаила Александровича, подчеркнуть его важность не только как литературного деятеля, но и как общественного.

Михаил Александрович — личность уникальная. Известные его произведения — накопленный годами опыт, совокупность исторического контекста и личных переживаний самого писателя. Прежде чем приступить к изучению произведений, необходимо познакомиться со страницами биографии Шолохова.

Высказывание М.И.Калинина послужит хорошим эпиграфом к уроку: «Шолохову было свойственно какое-то удивительное величие простоты или, может быть, простота величия. ...Аристократизм духа, внутренняя грация, благородство мысли и слова, предельная простота - все это органично сочеталось в нем».

Цели и задачи урока:

- заинтересовать учащихся М.А.Шолоховым как Личностью;
- познакомить с биографическими фактами жизни М.А.Шолохова;
- показать значение творчества и общественной деятельности писателя;

Оборудование:

- портреты писателя;
- фотографии станицы Вешенской;
- раздаточные листы к уроку;

Основные направления работы учителя и детей на фрагменте урока:

1. Политическая ситуация в России в XX веке:
 - Гражданская война (беседа)
 - голодающее Поволжье (работа с раздаточным материалом).Учитель рассказывает о семье писателя, самообразовании, о понятии «рабочий факультет».
 2. Деятельность Шолохова в данный период: борьба с несправедливостью
 3. Популярность Шолохова после выхода в свет 1 тома «Тихого Дона».
- Чтение отрывка из письма руководителя Вешенского восстания Павла Кудина (раздаточный материал) .
4. Станица Вешенская (иллюстрации):
 - доклад ученика;
 - Шолохов — депутат: бесконечная забота о жителях станицы
 5. Заслуги и награды писателя.
 6. Вопросы для обсуждения:
 - 1) Объясните, на чём держался авторитет Шолохова как писателя и как человека?
 - 2) Подберите эпитеты, которые определяли бы характер писателя. Существует ли дефицит таких качеств в настоящее время?
 - 3) Как вы понимаете фразу, сказанную Шолоховым в ответном слове на вручении Нобелевской премии:
«Разумеется, я доволен присуждением мне Нобелевской премии. Тут преобладает чувство радости оттого, что я хоть в какой-то мере способствую прославлению своей Родины... Это важнее и дороже личных ощущений...»?
 - 4) Как вы оцениваете заслуги М.А.Шолохова перед народом?
 7. Подведение итогов. Рефлексия.

Раздаточный лист №1. Историческая справка.

Голод в Поволжье.

Массовый голод во время Гражданской войны в России на территориях, контролируемых большевиками. Регионы Южного Урала и Поволжья пострадали наиболее длительно и массово. Пик голода пришёлся на осень 1921— весну 1922года, хотя случаи массового голодания в отдельных регио-

нах регистрировались с осени 1920 года до начала лета 1923 года. Согласно данным официальной статистики, голод охватил 35 губерний (Поволжье, Южную Украину, Крым, Башкирию, частично Казахстан, Приуралье и Западную Сибирь) общим населением в 90 миллионов человек, из которых голодало не менее 40 миллионов.

Главные причины:

- жестокая засуха 1921 года — от засухи погибло около 22% всех посевов; в некоторых районах урожай не превышал количество семян, затраченных на посевную; урожайность в 1921 году составила 43% от уровня 1913 года;
- разрушительные последствия Гражданской войны;
- проводимое большевиками уничтожение частной торговли и денег (продразвёрстка и военный коммунизм).

Раздаточный лист №2. Из письма руководителя Вешенского восстания Павла Кудинова, писавшего из Болгарии:

«Роман М. Шолохова «Тихий Дон» есть великое сотворение истинно русского духа и сердца. ... Читал я «Тихий Дон» в захлеб, рыдал-горевал над ним, и радовался - до чего же красиво и влюбленно все описано, страдал-казнился - до чего же полынно горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки - батраки-поденщики - собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались «Тихим Доном» - до слез, и пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту <...> Скажу вам, как на духу, - «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах - просветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова «Тихий Дон», как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!) - эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера - Дранг нах Остен - был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за это прозрение на чужбине тысяч темных казаков благодаря «Тихому Дону» и передайте Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон...»

Слова-символы шолоховской поэтики

В языке больших писателей есть образы, которые используются ими неоднократно. Нередко эти образы, превращаются в символы. Наше исследование посвящено некоторым символам поэтики М.А. Шолохова (часть из них была описана шолоховедом; часть даже помещена в «Словарь языка Михаила Шолохова» в раздел «Текстемы», часть еще ждет более глубокого описания).

Наиболее исследованным является образ-символ солнца (статьи А.А. Тахо-Годи; Н.И. Зайцева, Н.В. Сухоруковой, Т.В. Акиньшиной и др.)

Образ восходящего или весеннего солнца в произведениях Шолохова имеет значение начала жизни, надежды, начала чего-то нового. Так *"ласковым телком притулялось к оттаявшему бугру рыжее потеплевшее солнце"* в сцене возвращения в дом Мелеховых Натальи, прошедшей через унижения, насмешки хуторян, попытку самоубийства, но еще не утратившей веру в то, что Григорий вернется в семью. В романе *"Они сражались за Родину"* Шолохов показывает, как вместе с восходом солнца появляется первая травинка: *"Так безрадостно начался первый по-настоящему весенний день у раздавленного горем и ревностью Николая Стрельцова. А в этот же день, поутру, когда взошло солнце, на суглинистом пригорке, неподалеку от дома, где жил Стрельцов, выбилось из земли первое перышко первой травинки"*.

Образ закатного солнца, наоборот, связан с чем-то трагическим и драматическим. *"Натуживаясь и багровея, солнце плюхнулось за станичное кладбище, и следом за мною по хворосту голубизной за клубились сумерки"* - таково начало рассказа *"Семейный человек"* (1925), предвещающее трагедийное повествование казака Микишары об убийстве собственных сыновей. *"За курганом садилось солнце"*, когда Наталья узнала от Дарьи о возобновлении связи между Аксиньей и Григорием.

У Шолохова также есть образ палящего солнца. Он появляется в *"Тихом Доне"* во время покоса, перед тем, как пришла весть о начале войны с Германией: *"Ветер, наплывавший от Дона редкими волнами, подбирал полы пыли; марью, как чадрой, кутал колючее солнце"*. Чтобы показать антигуманистическую сущность братоубийства в период Гражданской войны Шолохов также использует образ жгучего солнца: *"Солнце палило исступ-*

ленно. Хутор простирал к бугру почти безлюдные улицы". Этот образ связан с чем-то жестоким, невыносимым, ужасным.

В эпизоде первого разрыва Григория с Аксиньей, в подсолнухах, предстает образ затуманенного солнца: *"На минуту затуманилось солнце, за-слоненное курчавой спиной облака, и на степь, и на хутор, на Аксиньину по-нурую голову, на розовую чашечку цветка повители упала, клубясь и уплывая, дымчатая тень"*. Как перед Аксиньей померкли краски, так и в природе все покрылось тенью.

В сцене последнего прощания Григория с Аксиньей, случайно погибшей от шальной пули, возникает образ черного солнца: *"В дымной мгле суховея вставало над яром солнце. Лучи его серебрили густую седину на непокрытой голове Григория. Слово пробудившись от тяжкого сна, он понял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца"*.

Много характеристик дает М.А. Шолохов солнцу. Он выделяет даже *холодное солнце*. Так в конце "Тихого Дона" автор пишет о Григории: *"Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром"*.

Исследователи (Н.М. Муравьева) уже отмечали особую смысловую нагруженность у М.А. Шолохова образа быка. Бык у писателя символ яркой силы и труда. Жизнь казака связана неразрывно с ним. Бык помогает пахать, возить, вытаскивать тяжелые предметы из воды. Григорию часто на войне вспоминается мирная жизнь, труд, и вместе с этим возникает образ быка: *"Цепь дней. Звено, вкованное в звено. Переходы, бои, отдых. Жара. Дождь. Смежные запахи конского пота и нагретой кожи седла. В жилах от постоянного напряжения - не кровь, а нагретая ртуть. Голова от недосыпания тяжелее снаряда трехдюймовки. Отдохнуть бы Григорию, отоспаться! А потом ходить по мягкой пахотной борозде плугатарем, посвистывать на быков, слушать журавлиный голубой трубный клич, ласково снимать со щек наносное серебро паутины и неотрывно пить винный запах осенней, поднятой плугом земли"*.

В "Тихом Доне" есть эпизоды, где бык играет роль в судьбе героев. Перед тем как Наталья совершит попытку самоубийства, идет сцена, где бычок ранит кобылицу в живот. Здесь бык является носителем сокрушающей силы. И как удалось спасти кобылу, так же выжила и Наталья. В эпизоде последнем свидании Натальи и Григория опять возникает образ быка с его большой силой. Наталья, увидев в окно, как возвращается вечером стадо,

рассказывает Григорию о том, что бугай тоже "отступал" за Дон и во время боев спасался за Доном. Здесь возникает бык злой, ревущий, который поддевает с силой астаховский плетень. И он готовит Наталье опять беду.

Неоднократно отмечали исследователи значимость для поэтики М.А. Шолохова образа волка (бирюка) (О.А. Давыдова, Ю.С. Лычкина). Как мы знаем из народного творчества, из мифологии волк - таинственная, мрачная фигура. По народным поверьям, волк являлся олицетворением темной тучи, заслоняющей солнце, и вообще темноты. Волки приносили несчастья людям. Поэтому волком называют коварного, злого человека. Также волком называют человека, который приобрел знание жизни в невзгодах и лишениях. Слово-символ *бирюк* не является полным синонимом слова *волк*. Бирюк - это диалектное название волка-одиночки. При этом семы "одиночество, замкнутость" выходят на первый план.

Слова-символы *волк* и *бирюк* неоднократно используются Шолоховым для характеристики Григория Мелехова. Войны, смерть брата иссушили сердце Григория, он только внешне похож на человека. Автор характеризует его в этот период жизни словами Прохора: *"Истый бирюк в человеческой коже!"*. Жестоко Григорий поступает с Натальей - бросает ее ради Аксиньи. Мирон Григорьевич говорит: *"Разве можно так над живым человеком? А?.. Раз смерти себя предавала и теперь калека... и ее (Наталью. – В.М..) топтать в могилу? А?.. Сердце-то, сердце-то... - зашипел Мирон Григорьевич, одной рукой царапая себе грудь, другой притягивая свата за полу, - аль у него (Григория. – В.М.) волчиное?"* Тих. Дон, 3, XVII. Об этом же говорит Григорию и мать: *Ильинична, крестя и целуя Григория, зашептала скороговоркой: - Ты Бога-то... Бога, сынок, не забывай! Слухом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил... Господи! Да ты, Гришенька, опамятуйся! <...> У тебя уж, гляди-кось, сердце как волчиное исделалось...* Тих. Дон, 6, LI.

Чтобы подчеркнуть одиночество Григория Шолохов использует также сравнение: *«Иду вот к чужой жене на побывку, без угла, без жилья, как волк буерачный...»* – думал Григорий, шагая с равномерной усталостью, горько смеясь над своей диковинно сложившейся жизнью. Тих. Дон, 3, XXIV. По данным «Словаря языка Михаила Шолохова» волк – одно из частотных образов шолоховских сравнений: *Бегут столбы в муть осеннюю, белесую, через лога и балки перешагивают, а мимо столбов шляхом глянцевитым ведет атаман банду – полсотни казаков донских и кубанских, властью советской недовольных. Трое суток, как набедившийся волк от овечьей отары, ухो-*

дят дорогами и целиною бездорожно, а за ним вназирку – отряд Николки Кошевого. Родинка, III; *Ходит Игнат по двору, как будто волк на привязи, ногу, прикладом перебитую, волочит и тельце маленькое, щуплое к груди жмет, жмет, жмет.* Коловерть, XII; *В лесу, в буреломе, затравленный, как волк на облаве, как бешеная собака, умрет от пули своего же станичника он, Васька, сын пастуха и родной кровный сын бедняцкой власти.* Кривая стежка; – *Уйди, дед... Уйди, убью!* – орет Аникушка, а у самого пена на губах и глаза дикие, *как у заарканенного волка.* Лазоревая степь; *Солдаты поглядели по сторонам, пожались в нерешительности и, как волки, гуськом, грязно-серой цевкой потянулись в залохматевшую осинником ложбинку.* Тих. Дон, 4, XXI; *В этом месте сотниковой речи старики сдержанно загомонили; председатель ревкома заерзал на стуле, ровно волк, ущемленный капканом.* Тих. Дон, 5, XXIII; – *Что ж вы, братцы! - Вахмистр, как волк, не поворачивая шеи, оглядел всех. Голос его как будто помолодел и выправился. – Аль вы на казаки? Значит, нехай пропадает войсковое имущество?* Тих. Дон, 6, XV. Среди сравнений с волком есть даже повторяющееся в двух романах, что еще раз свидетельствует о единстве стиля писателя: *Зачем металась душа, - как зафлаженный на облаве волк, - в поисках выхода, в разрешении противоречий? Жизнь оказалась усмешливой, мудро-простой.* Тих. Дон, 6, XXVIII. *Как зафлаженный волк, пытался он (Давыдов. – В.М.) выбраться из круга связанных с колхозом мыслей, вспоминал свой цех, приятелей, работу; становилось чуточку грустно оттого, что там теперь многое изменилось и все это в его отсутствие; что он теперь уже не сможет ночи навалет просиживать над чертежами катерпиллерского мотора, пытаясь найти новый ход к перестройке коробки скоростей, что на его капризном и требовательном станке работает другой – наверное, этот самоуверенный Гольдшмидт; что теперь о нем, видимо, забыли, наговорив на проводах уезжавших двадцатипяти тысячников хороших, с горячинкой, речей.* Подн. цел., 1, XIII.

Слово-символ бирюк используется Шолоховым в самом конце романа. Григорий горестно размышляет: *"Ежели бы я пограмотнее был, может, и не сидел бы тут с вами на острове, как бирюк, отрезанный половодьем". В итоге поисков и метаний Григорий остается один, без семьи, в полной изоляции от внешнего мира, не принимая правоты ни красных, ни белых".* Кроме названных сейчас образов волка и бирюка, М.А. Шолохов активно использует и однокоренные слова: волчонок, волчуга, волчий, волчиный, бирю-

чинный (с ними в словаре языка писателя отмечены устойчивые сочетания, пословицы, поговорки).

Часто можно встретить у Шолохова слово огонь. Им сопровождают все боевые действия, пожары, им прикуривают, его разводят и зажигают. Однако огонь можно встретить и как символ всепоглощающего начала. Автор в "Тихом Доне", описывая пожар, дает точную характеристику огню: *"Огонь то вздымался так, что отблески его мерещили текучую быстрину Дона, то ниспадал, клонился на запад, с жадностью пожирая строения"*. Или: *"Ранней весною, когда сойдет снег и подсохнет полегшая на зиму трава, в степи начинаются весенние палы. Потоками струится подгоняемый ветром огонь, жадно пожирает он сухой аржанец, взлетает по высоким будылям татарника, скользит по бурым верхушкам чернобыла, стелется по низинам... И после долго пахнет в степи горькой гарью от выжженной и потрескавшейся земли"*.

Также огонь жадно пожирает и людей. Сцена первого расставания Аксиньи и Григория: *"Качнулась Аксинья. Скрюченными пальцами вцепилась в жилистую повить. Раздувая ноздри, ждала конца фразы. **Огонь страха и нетерпения** жадно лизал ей лицо, сушил во рту слюну. Думала, скажет Григорий: "...прикончим Степана", но он досадливо облизал пересохшие губы (тяжело ворочались они), сказал: - ...прикончим эту историю. А?"*.

Здесь Аксинья, красная от страха и нетерпения, не может вынести разлуки с любимым. Но позже она будет так же, как и огонь, жадно пожирать жизнь. После того, как Аксинья на прощание попросила Е. Листницкого утешить ее тоску, он наблюдает следующую сцену: *"Всходя на крыльцо, оглянулся. В людской, в желтом просвете окна, виднелась статная фигура Аксиньи, - закинув руки, Аксинья поправляла волосы, смотрела на огонь, улыбалась..."*. Она улыбается поглощающему началу, которое сидит и в ней.

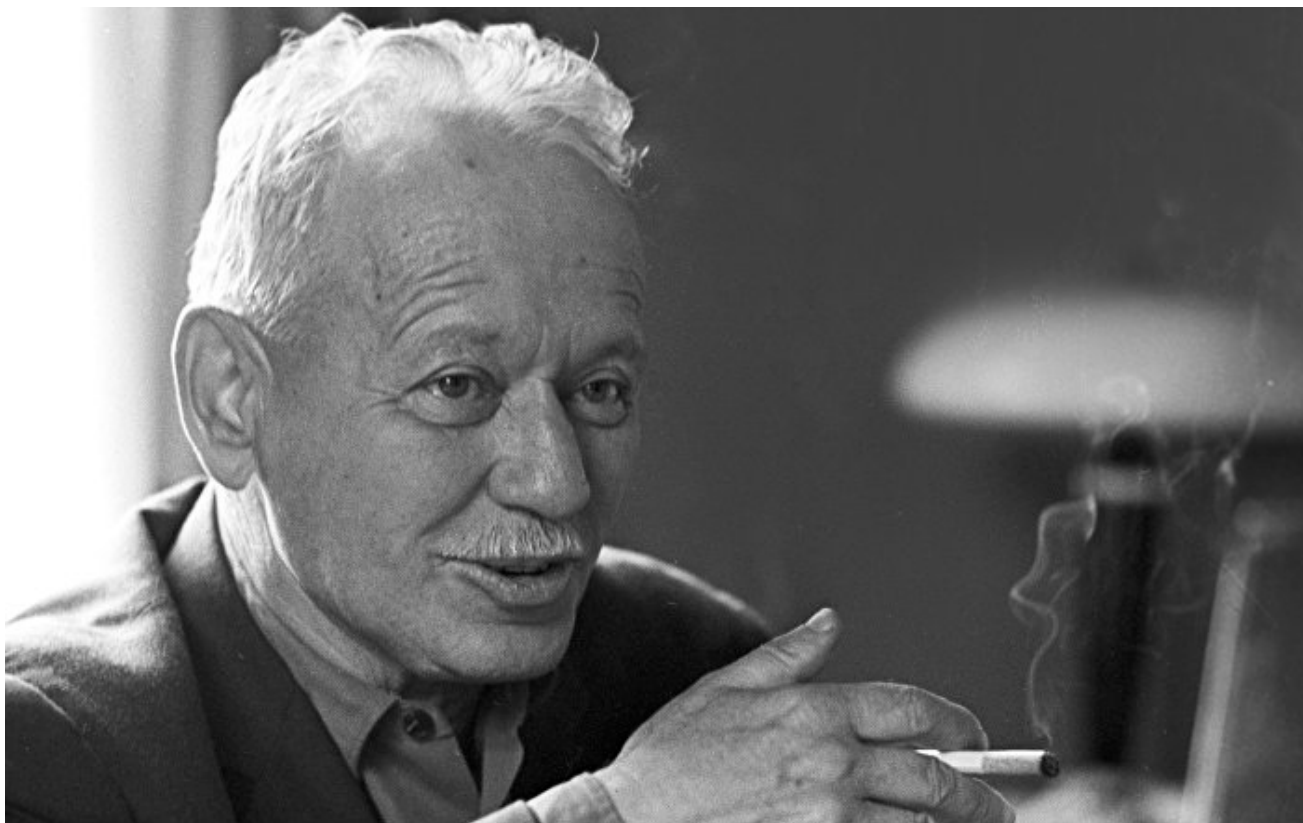
У Шолохова можно встретить образ огоньков, которые мелькают в глазах у разных персонажей. Зачастую огоньки имеют характеристику злого, порочного: *"Григорий в упор поглядел Аксинье в глаза, увидел, как вспыхнули они балованным отчаянным огоньком"*; *"У Степана розовели скулы, в опущенных светлых глазах возгорались и тухли злобно-тоскливые огоньки"*; *"Адъютант и офицеры, стоявшие позади Сидорина, движениями бровей указывали друг другу на разбитную вдову; в глазах их забегали веселые огоньки"*. Но есть у этого же образа и значение доброты: *"Но Ильинична с удивлением заметила, что потухшие глаза "душегуба" теплели и оживлялись, останавливаясь на маленьком Мишатке, огоньки восхищения и*

ласки на миг вспыхивали в них и гасли, а в углах рта еще долго таилась чуть приметная улыбка. Потом он переводил взгляд, и снова на лицо его тенью ложилось тупое равнодушие". Здесь огоньки приобретают значение жизни, того человеческого, что еще осталось у Михаила Кошевого, прошедшего путь, полный испытаний и невзгод.

Исследователи (А.В. Дроботун) писала об особой роли запахов, заполняющий пространство шолоховских книг, о словах, связанных с обозначением запахов и их восприятия. Особое место в прозе Шолохова занимает запах полыни. Запах полыни - неотъемлемая часть степи. Все шолоховские герои воспринимают этот запах как горький и родной. Он возникает всегда, когда в жизни персонажей происходит значительное событие. Герой повести "Путь-дороженька" возвращается в разрушенную станицу восстанавливать жизнь: *"Молча шагает Петька, раскрытым ртом жадно хлебает воздух. Увядающая придорожная полынь пахнет горечью, горьким потом..."*. Но запах полыни может толкнуть и на жестокие поступки: *"горький, полынный запах степи"* вызывает у Дарьи причинить боль Наталье, рассказать о свидании Григория и Аксиньи.

В станице Вешенской рассказывают, что, когда у М.А. Шолохова спросили, какие цветы он хотел бы видеть у подножия своего бюста (как дважды Герою Социалистического труда М.А. Шолохову при жизни был установлен бронзовый бюст), он ответил: "Полынь".

В небольшом по объему сообщении мы упомянули только некоторые из символов поэтики выдающегося писателя.

*Т.О. Осипова, кандидат филологических наук,
доцент Южного федерального университета,
старший научный сотрудник
Музея-заповедника М.А. Шолохова*

Современные российские писатели о Михаиле Александровиче Шолохове

Вряд ли в наши дни требует доказательств тот факт, что среди русских классиков XX века, оказавших особое воздействие на развитие отечественной литературы, одно из главных мест принадлежит Михаилу Шолохову. В связи с этим достаточно вспомнить целый ряд глубоких научных исследований, посвященных проблеме шолоховских традиций в нашей литературе, восприятия личности и творчества донского гения отечественными прозаиками. Однако о Шолохове пишут не только ученые, но и современные писатели. В последние годы появились учебные пособия по русской литературе XX века, а следовательно, и о Шолохове как наиболее значимой фигуре в истории отечественной словесности, авторами которых стали современные прозаики. Как отмечала В. Тимофеева, воронежский учитель русского языка

и литературы, «их взгляд «изнутри» на предмет должен оживить материал, продемонстрировать нетрадиционные способы прочтения классики...».

Одним из тех, кто попытался объяснить молодому поколению, почему следует читать русскую классику вообще и Шолохова в частности, стал Дмитрий Быков, автор пособия «Советская литература. Краткий курс». Отношение автора к величайшему роману XX века закреплено уже в названии статьи, посвященной М. Шолохову: «Дикий Дон». Посетовав на то, что и современные защитники писателя, и его ниспровергатели «похоже, роман не читали», Д. Быков дает свою характеристику «Тихого Дона» как самого «русофобского» произведения XX века «о зверствах, темноте, чудовищной беспринципности того самого народа», который является главным героем произведения. И далее автор впадает в явное противоречие: с одной стороны «Тихий Дон» – это роман-приговор, лишенный надежды, полный «темного зова плоти», с другой – настоящая народная трагедия. Как говорится, или одно, или другое.

Не прошел Д. Быков и мимо сопоставления Л. Толстого и М. Шолохова. И вновь поражает эстетическая глухота автора: «Если пафосом «Войны и мира» было именно пробуждение человеческого в человеке... то главной мыслью «Тихого Дона» оказывается отсутствие этого самого человеческого». Что ему, школьному учителю, между прочим, до многочисленных работ о гуманизме Шолохова!

Еще более нелеп приговор, который выносит Д. Быков Григорию Мелехову. Об одном из самых прекрасных героев мировой литературы он пишет: «...от семьи к любовнице и мечется, съдаемый беззаконной страстью, – а на эти метания накладываются его судорожные шныряния от красных к белым». И все это, по мнению Быкова, «эмоция не особенно высокого порядка», «впадение в первобытность». В результате у каждого, кто ознакомился с этой статьей, возникает естественный вопрос: читал ли Дмитрий Львович Быков «Тихий Дон», снисходительно названный им «очень хорошей книгой»?

В 2011 году увидел свет еще один учебник, написанный писателями: «Литературная матрица. XX век». Статья о Шолохове здесь принадлежит перу А. Мелихова. Заметим, что в данном случае имеем дело с псевдонимом автора, выбранным, правда, с изменением одной буквы, в знак любви к великому писателю. Свое участие в этом проекте А. Мелихов объясняет весьма оригинально: «Лично я писал эссе о Шолохове, потому что люблю писателя с самого детства. Еще когда был мальчишкой, узнал от соседа, что в

«Тихом Доне» сплошные матюги, – решил ее почитать. Матюги не зацепили, а писатель понравился. Вырос, а Шолохова всё так же люблю и попрошу, чтобы в мой гроб положили издание «Тихого Дона»!».

А. Мелихов озаглавил статью о Шолохове «Красочное и серое». Причем, начал анализ творчества писателя с «Поднятой целины», первую книгу которой прочитал еще в детстве. Эта часть статьи представляет собой не столько анализ произведения, что было бы вполне закономерно для статьи школьного учебника, сколько детские воспоминания о той «вселенной», в которую погрузился юный читатель: «У меня там было полно друзей: азартный Аркашка Менок, солидный, хотя и скучноватый Кондрат Майданников, могучий Хопров, разухабистая Лушка...».

Однако основная часть статьи посвящена «Тихому Дону». Эти страницы интересны стремлением автора соединить юношеские впечатления о прочитанной книге (за чтение «Тихого Дона» Мелихов, по его словам, «уселся» в день получения паспорта) и сегодняшний взгляд человека, приближающегося к семидесятилетию: «От этого трагического мира буквально не оторваться – хотелось вглядываться в него снова и снова, хотя каждый персонаж, раз явившийся при первом погружении, оживал навеки... В ту пору моим кумиром был Ремарк... Правда, ослепительный диск солнца – это была поэзия неизмеримо более гениальная...».

Словно предвидя обвинения Д. Быкова (книга вышла на год раньше работы Быкова), Мелихов пишет о «Тихом Доне» как о высокой трагедии, которая «не только признает все ужасы мира, но даже намеренно их концентрирует, однако изображает человека среди этих ужасов красивым и нестигаемым». Если для Быкова у Григория, как и у всех казаков, отсутствует какой-либо «внутренний стержень», а правит ими лишь «безликий и неумолимый фатум», то у Мелихова главный герой прекрасен своей гордостью, бесстрашием, жаждой справедливости, а в искусстве, как пишет автор, «кто прекрасен, тот и прав».

Какой же смысл вложен автором в название статьи: красочное и серое. По мнению Мелихова, далеко не новому и оригинальному, кстати сказать, большевистские деятели у Шолохова «не так ослепительно ярки, как казаки». Именно на берегу великой реки разворачивается история борьбы между яркой, многокрасочной народной жизнью и миром серых, безликих, блеклых. Как замечает Мелихов, там, где появляются большевики, там тускнеют и язык, и даже пейзаж. Автор твердо уверен, что этот контраст породил устра-

шающий эффект: «...многоцветная, клубящаяся вселенная поглощается чем-то серым и неумолимым».

Примечательно, что к миру серых Мелихов относит и «третью силу», так называемый культурный слой, представители которого проигрывают не только в сюжетном плане, но и образности языка. Приведя в качестве примера диалог Листницкого и Лагутина (глава XII, часть 4 второй книги романа), Мелихов пишет: «Насколько необразованный казак Лагутин спорит ярче, а потому и убедительнее, чем образованный аристократ... здесь что ни фраза, то образ».

Д. Быков в свое время назвал А. Мелихова «одним из самых упорных защитников шолоховского авторства». Хотя в своей статье Мелихов практически не касается этого вопроса, он ощущается, так сказать, в подтексте. Автор заявляет, что и в «Донских рассказах», и в «Поднятой целине» видна твердая рука автора «Тихого Дона».

Но вернемся вновь к названию статьи. Совершенно неожиданно для читателя автор, мечтающий о том, чтобы в гроб ему положили книгу любимого писателя, совсем по-быковски бросает упрек в адрес Шолохова: «...на свою беду Шолохов поверил, что партия – такая же величественная, вечная стихия, как природа и народ. Но... если народность вознесла Шолохова на Олимп мировой литературы, то партийность стащила его в ряды напористой серости». В качестве, как ему кажется, доказательных доводов Мелихов приводит многочисленные отрывки из выступлений Шолохова и, совершенно игнорируя природу художественного таланта писателя эпического склада, горестно восклицает: «...неужели это же перо могло произвести на свет «черный диск солнца в дымной мгле суховея»? Почему бы автору в таком случае не привести отрывки из шолоховских писем Сталину, которым в статье посвящены лишь несколько строк?

Работы, о которых шла речь, названы учебниками, коими они, конечно, не являются. Слишком субъективны статьи, составляющие эту книгу.

Говоря о современных писателях, которые обращаются к личности и творчеству М.А. Шолохова, не обойдем вниманием и Захара Прилепина, неоднократно писавшего о роли Шолохова в истории отечественной словесности. Даже любимого и почитаемого им Леонида Леонова, которому он посвятил книгу, Прилепин назвал вторым гениальным писателем после Шолохова.

В своей работе о Л.М. Леонове Прилепин достаточно подробно пишет о точках творческого пересечения двух великих представителей нашей литературы: о тематическом сходстве «Барсуков» и «Тихого Дона», стилистиче-

ском созвучии «Взятия Великошумска» и военных глав «Они сражались за Родину». А вместе с этим – о весьма прохладных отношениях между писателями. Как пишет автор книги, «Леонов утверждал, что никогда и не разговаривал с Шолоховым более минуты». В связи с этим почти детективной выглядит в книге история вторичного выдвижения в 1972 году Леонова в действительные члены АН СССР. Здесь и происки недоброжелателей: Б. Храпченко, Б. Сучкова, старавшихся не допустить Л.М. Леонова в Академию, и статьи, в которых критиковались «основные позиции, отстаиваемые Леоновым». Однако в день голосования впервые за многие годы на заседании появился Шолохов, поддержавший своего собрата по перу. Захар Прилепин отмечает, что до конца жизни Леонов не верил в эту поддержку Шолохова. А ведь это не единственный пример подобной помощи. За несколько месяцев до голосования именно Шолохов обратился в Северо-Кавказский научный центр высшей школы, председателем которого являлся Ю.А. Жданов, с предложением поддержать его инициативу по выдвижению писателя Леонова в действительные члены Академии Наук. Судя по всему, этот факт не был известен ни Л. Леонову, ни З. Прилепину.

Во всех своих выступлениях Захар Прилепин яростно отстаивает имя Шолохова как автора «Тихого Дона». В одном из интервью, отвечая на вопрос журналиста, сомневающегося в авторстве Шолохова, Прилепин сказал: «Как раз он это и написал. Я обладаю каким-то слухом к литературе. Я читал весь восьмитомник Шолохова подряд. Это делал он стопроцентно, я вам клянусь своей кровью. Это сделано нечеловечески хорошо». Журналист, желая сгладить нежелательные высказывания, заметил, что пожалуй, неважно, кто автор этого великого романа. Важно, что «Тихий Дон» существует. Однако столь обтекаемые выводы явно не устраивали Прилепина. В ответ журналист услышал: «А мне важно! «Тихий Дон» написал Шолохов... Шолохов соответствует своему весу».

Как известно, одним из важнейших признаков творчества гениального художника является его вневременность. Именно поэтому каждое новое поколение находит в нем что-то особенно важное для себя. Но бывает и по-другому: и сам гений, и его наследие оказываются незащищенными перед теми, кто пытается свести их до мелочной суеты, до уровня посредственности. Не так ли происходит с великим Шолоховым?

II. ШОЛОХОВ. ПИСЬМА

Письма и комментарии к ним представляют широкую возможность узнать не только внешние обстоятельства жизни писателя, но и глубже проникнуть в его духовный мир, четче представить творческую историю его произведений, увидеть его как живого человека: в семье, наедине с самим собой, во время отдыха, в кругу друзей, в период творческих поисков, а в письмах к И.В.Сталину Шолохов предстает, как бесстрашный народный заступник, мужественно вставший на защиту народных интересов против всемогущества партийных и государственных чиновников, извративших своими действиями устав сельской артели, суть коллективизации, смысл новой Конституции. Читаешь письма и вспоминаешь глубокие размышления Александра Герцена о сокровенности писем, не предназначенных к публикации, написанных непосредственно под впечатлением дня, события, только что пережитого, под напором нахлынувших чувств. "Письма больше, чем воспоминания, — писал Герцен, — на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное". Здесь публикуются из сборника письма М.А. Шолохова известному русскому писателю Николаю Федорови-

чу Корсунову (родился в 1927 г. Много лет руководил писательской организацией в Уральске и Оренбурге)

*М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
Вешки, 03.01.1968 г.*

Дорогой Яицкий казакишка! Был в длительном отсутствии и, вернувшись домой, получил сразу два твоих письма. С запозданием поздравляю и с тем, что разломал пятый десяток, и с Новым годом. В конце этого м-ца предстоит мне побывать в Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии, но в задумках заветных мечтаю посидеть летом с удочками где-нибудь в Бобровом или еще каком-либо озере уральской поймы. А посему и тревожит меня, какой уровень половодья будет на Урале, как сложится у вас там зима?

Скажи своему соседу Варееву, что он не только татарин, мордвин, черемис и прочий безродный чуваш, но и просто сукин сын азиатского склада. Сколько раз он гостил на Братановском, а не считает себя обязанным хотя бы из элементарного приличия написать: как рыба, какие виды на будущую рыбалку, как зимовка, вообще — как жизнь прядется в Уральске и его окрестностях. Держали его в редакции, чему-то учили, воспитывали, а из него культурный хунвэйбин проклевывается. Разумеется, с Егорова спросить нечего (уровень не тот), но вы-то с Вареевым хороши! Не новогодние поздравления от вас нужны, не подыгрыш под старинный стиль письма, как у тебя, а дельное письмо, из которого можно было бы хоть что-то узнать о жизни уральцев. Петр Петрович изредка пишет, но издали ему плохо видно, что творится в Уральской области.

В частности, он писал о большом сбросе крупного рогатого скота и овец. Что нового в этой области? Как с зимовкой? С перспективами ее окончания? Сходи, пожалуйста, в обком, разузнай там и напиши. Я бы мог прямо обратиться к Шапету, но боюсь оптимистически-казенной отписки, а это меня никак не устраивает.

У нас с экономикой благополучно, но вот снег за последнюю неделю сошел чистоганом, озимые голые, и тревога уже щекочет где-то под дыхалом. Ростовчане — знакомые тебе — пребывают в здравии. Писатели пишут, лихих в посадке и проезде конников не видится и не предвидится... Аким Андреевич нянчится с иностранцами, коих перебывало в Ростове с миллион, не меньше. Ростов значительно приукрасился жильем, гостиницами, внеш-

ним видом. Вот вам будто и все донские новости. Привет от нас жене и сыну. Тебя обнимаю. М. Шолохов. P.S. Жду обстоятельного письма. М.Ш.

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
10.04.1968 г., Вешенская.

Дорогой Николай! Не мог своевременно ответить и теперь спешу поправить свою оплошность. Недавно вернулся домой после почти трехмесячного отсутствия. Поездку по Скандинавии все же совершил, сопровождаемый М.П., дочерью и сыном. Самолетом до Копенгагена, поездом до Осло, поездом же до Стокгольма и оттуда самолетом до Хельсинки. Побывал на деловых встречах и приемах у всех своих издателей. Завершил все, что замышлял и, признаться, изрядно устал из-за больной ноги ото всех этих поездок, визитов, банкетов и пр. чертовщины.

Это не помешало мне побывать на фермерских хозяйствах, посмотреть на новое, что имеется у них. Пребывание в этих четырех странах, очень своеобразных и богатых, было во всех отношениях и содержательным и интересным, в познавательном отношении. Здорово хозяйствуют сукины сыны! Летом в разное время приедут в Вешенскую с женами издатели: Линдхарт из Дании, Фьелд и Кристобель из Норвегии и Швеции. Был в гостях — принимай сам. К осени пожалуют финны и японские писатели, так что лето будет "прибойное"...

А все же хочу в июне побывать в ваших краях, порыбачить. Если же не удастся летом, то уж осенью всенепременно. У нас Дон только что вывалился из берегов, пора бы быть "теплой" воде, а она что-то медлит. Возможно, разлив будет не ахти какой.

Как Урал? Обилие снега не всегда гарантирует большую воду, пример — прошлый год на юге. Много у нас по области придется пересевать озимых, да и погода что-то не радуется, "високосная", с ветрами и бездождем. Напиши, как у вас с водой на Урале. До мая буду в Вешенской, а потом съезжу в Грузию недели на две-три. Хожу еще не очень резво, прихрамываю, но с костылем уже расстался. К лету думаю "расходится".

При встрече надо поговорить с тобой о твоих творческих планах. Тревожит меня то, что основное ты откладываешь "на после". А годы-то идут! И ты уже немолод, во всяком случае "молью траченный". Как бы ты не ошибся в расчетах. Обидно будет. Я понимаю, что хлеб насущный — великое дело, но,

во-первых, не хлебом единым, а во-вторых, если под этим "хлебом" понимать и "Волгу" и безбедную житуху, и пр. удовольствия, то времени на основное не будет. Надо смотреть правде в глаза. Мафусаилов век тебе не отпущен. Так-то мил-сердечен друг! Но это только приступ к большому разговору.

Если выберусь в июне на Урал — поеду через Уральск. Если осенью — прямо на Фурманово. Но при всех условиях надо повидаться. Жду от тебя письмецо. Привет от нас Зое и Саньке. Обнимаю. М. Шолохов 10.4.68. Вешки. Р.З. Передай привет хунвейбину Варееву и его милой супруге Раисе Александровне. М.Ш.

***М.А.Шолохов — Н.Ф.Корсунову
ст. Вешенская. 27. 11. 1968г.***

Дорогой Николай! Спасибо тебе за письма. Все-же какая-то ниточка тянется из Уральска, и я уже не пребываю в неведении, как там и что с житухой. Рад, что наконец-то уральские казачишки разбогатели хлебом, да и сколько же можно было терпеть неурожаи? Твоя гипотеза о тяге к югу и теплу несостоятельна. Дело проще: с грузинами у меня давняя дружба, и я уже несколько лет имею книжку почетного колхозника колхоза им. Ленина в Абхазии. Надо было побывать там и вообще посмотреть то, что не досмотрел в первый раз, вот и поехали, воспользовавшись любезным приглашением В.П. Мжеванадзе, который пригласил со всеми чадами и домочадцами. Отправились в количестве 16 человек (целая экспедиция), ну и прожили две недели в предоставленном нам палаццо в Гаграх, и в море купались, и по Грузии поехали, и провели эти дни, как в сказке. Даже поработать удалось малость. Не утерпел, уж больно условия были подходящие и для труда и для отдыха. Собственно, это был ответный визит на приезд в Вешенскую большой делегации грузин, возглавлявшейся уже покойным Леонидзе. Ведь тогда они приехали довольно в широком составе, прихватив с собой даже двух отличных певиц и композитора — автора известной песни о Тбилиси. В это время у меня гостил мой норвежский издатель г-н Фъельд с супругой, они были совершенно покорены грузинскими концертами. Поездка была занимательна, при встрече расскажу. Сколь речь зашла о поездках, желаю тебе приятного пребывания во Франции, только не вздумай, как Закруткин, свои поверхностные впечатления (а иными они не могут быть) об этой интереснейшей стране всунуть в какую-либо свою книжицу. "Развесистой клюквы" и без тебя хватает на литературных прилавках.

Должен тебя, Коля, огорчить. Две твои последние книги производят гнетущее впечатление. Нельзя так писать! Печешь ты их, как исправная баба блины, а толку? Ну, деньгу сшибешь в угоду своей рачительной хозяйке, а дальше? Литературе-то что от этого прибавится? Разговор этот, разумеется не для письма, но, надеюсь, поговорить с тобой лично, как только встретимся. Тревожишь ты меня и всерьез.

По моему мнению, разговор о творчестве молодых (т.е. тех, кои уже облысели от жизни, не повзрослев в литературе и до 60 ходят в "молодых") назревает в больших масштабах и будет жесток и беспощаден. Да иначе и нельзя. Дошло уже до того, что читатель любую книгу — если имя более или менее новое — берет с готовым, уже сложившимся предубеждением. Думается, что такой разговор гораздо более уместен в будничной деловой обстановке, а не на съезде, где неизбежен "парадиз" и всяческое суесловие. В июне будущего года все же думаю приехать на Урал, пока еще не перевели в нем окончательно рыбу. Попрошу тебя, не забудь только, информировать меня хоть коротенько о земле, снегах, а туда к весне поближе, — о паводке и видах на него. Вареев, как отставной царский чиновник, пришлет поздравительную открытку к великому дню и опять молчит. Петра Петровича видел "накоротке" в Москве. Куда-то он, как всегда, впрочем, спешил, торопился, заикался и исчез так же неожиданно, как и появился. Пиши, не забывай. Поклон от Марии Петровны и меня твоим близким.

Обнимаю. М.Шолохов.

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
16.02.1970г., Вешенская.

Дорогой Николай, сын тамбовского мужика Корсунова! Огорчен твоими настоящими и ожидаемыми хворостями. Тамбовцы, вообще, народ хилый и подверженный всяческим болезням. Тут уж ничего не поделаешь. Письмо твое нас не застало. М-ц провели с М.П. в Норвегии, Швеции, и Финляндии и только недавно вернулись. В июне думаем снова побывать в ваших краях, если не изменим маршрут и не махнем куда-либо поближе, хотя бы на Маныч. Позднее будет видно ее. А пока — в трудах, в грехах и на своих ногах. Пиши, как зима на Яике и какие виды на разлив. У нас изрядно снегу, но весна с капризцами, с резкой сменой температур. М.П. всем Корсуновым кланяется, я — тоже.

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову

18.03.70г., Вешенская.

Дорогой Николай! Очень обрадовал ты меня перспективой нынешнего половодья. Если прогноз оправдается, то это будет чудесно. У меня к тебе просьба не такая уж обременительная: в апреле напиши, каков уровень воды будет в Урале, когда подойдет верховая вода, и вообще, как будет шествовать весна. Если действительно будет большой паводок и озера пополнятся — соответственно и планы строить. В конце марта собираюсь в Москву. Предполагаю увидеться там с Петром Петровичем. Он обещал подлететь туда.

У нас в области тревожно: придется, очевидно, много пересевать. Опять подвели озимые. Какое-то дикое невезение, и это — на протяжении ряда лет. Не фортит донским казачкам, хоть что хошь делай... После возвращения из Скандинавии в Москве не был и о лит. новостях не осведомлен, но, судя по всему, "мовчат" бо благоденствуют и после ухода с поста Твардовского ничего значительного нет. А ты, Микола, интереснейший "куркуль". И мера к человеку у тебя своеобразная: дал квартиру — хороший человек и коммунист, не дал — "настоящий ленинец" этак, с "подсыпочкой"... У вас, у яицких, у всех такой критерий при оценке человеческой личности, или это свойственно только тебе? Но особенность занятная... Все это шуточки, а серьез в том, что весна у нас гадкая, и в природе стала преобладать серость и нудность, как в литературе. Домашним привет, тебя обнимаю" М. Шолохов.

**М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
15.04.1970г., Вешенская.**

Дорогой Микола Яицкий! Очень обрадовал ты меня сообщением о большой воде на Урале. Стало быть есть еще одно "за" поездку в июне: нальются озера и старицы, больше будет комаров, словом все данные за то, чтобы ехать... Я тихонько радуюсь тому, что дачу твою затопило. На званом ужине я несколько раз предлагал Зое продать эту дачу Облисполкому, обещал быть посредником. Вот теперь и пусть она кусает локотки: дачу-то размает к черту, нужен будет ремонт, снова возня и суета сует, а то бы денежки были в кармане, и никаких тебе "музлей" ни на ногах, ни на руках... Старших слушаться надо!

Будь добр, напиши, каков же будет максимум подъема воды и — практически — что будет затоплено на том берегу, который мне известен, т.е. вниз от Уральска. У нас тоже обещают до 8 м., сейчас пошла "теплая" вода, и

уже около 5 по отлатке! Озимые у нас воспряли, не так уж много придется пересевать. Весна пока хорошая, а что будет в мае, — увидим. 19-го еду в Москву и вернусь, очевидно, после майских праздников. Думаю встретится там с П.П.

На Съезд не поехал. Не люблю акварели, выписанной в серых тонах. И мне непостижимо, что тебя ввергло в этакый энтузиазм? Серые доклады о серой действительности, — это еще не Третьяковка и отнюдь не Эрмитаж. Впрочем, все это — дело вкуса. Жду от тебя письма. М.П. и я кланяемся Зое и Саше. Тебя, хотя ты и "куркуль", ввиду полной победы колхозного строя — обнимаю.

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
05.07.1970г., Москва

Дорогой Яицкий казакишка! В целях информации довожу до сведения, что в 20-х числах августа будем в Уральске. На пленуме видел Коспанова, узнавал про ваши края. Секретарь настроен оптимистически. Впрочем, ему так и положено. А вот у нас — подлинно хорошо и с хлебом, и с сеном, и со всем прочим. Сейчас уже начинают косить озимую и ячмень. Я задержусь в Москве до 7-го, потом домой работать. С этой нуждой поеду и к вам, на Урал. В Москве идет уже подготовка к нашему съезду, который откроется 25-26 мая. Будет не то, что на малом Съезде. Напиши в Вешки письмецо о рыбалке, видах на охоте, о житье-бытье. Обнимаю. М.Шолохов.

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
08.09.1970г., Вешенская.
Телеграмма.

Тринадцатого рад буду увидеть стареющего не по дням, а по часам захудалого Яицкого казакишку. Шолохов.

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
26.04.1970г., Вешенская.

Дорогой Николай Яицкий! Одновременно с этим письмом посылаю письмо и Коспанову. Хочу уточнить время приезда уральцев в Вешенскую. Мне думается, что начало июня будет лучшим из возможных вариантов, к этому склоняются и наши, районные руководители, да и для меня подходяще, т.к. во второй половине думаю съездить за границу. В мае установи контакт с Обкомом, — и милости просим в Вешенскую. Если учитывать, что Съезд братьев пишущих будет в середине июня, — надо до 10-го визит за-

кончить, ввиду того, что в это время мне уже надо будет трогаться в Москву. Эти соображения я изложу Коспанову, а там его дело решать. Вчера проводил на Украину Петра Петровича (так в автографе-ВП). Где-то в первой половине мая он будет в Уральске. Оттуда обещал написать о уральских делах, но это не освобождает тебя от описания обстановки на Урале, какая была вода и пахнет ли рыбой.

Во второй половине августа думаем быть на Бобровом. Получил письмо от гостивших у вас немцев, пишут, что в Тольятти встретили Зою. Уж не "Жигули" ли она там промышляла по твоему поручению? Смотри, хоть жену не записывай по интендантскому ведомству... Обнимаю и всего доброго, до встречи; на Дону!

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
17.05.1971г., Вешенская.

Дорогой Николай! Планы, которые мы с Коспановым намечали осенью прошлого года, потерпели провал. Да оно и понятно: в прошлом году нельзя было учесть ни времени выборов, ни нашего писательского Съезда. Придется ваш общий приезд в Вешенскую перенести на будущий год, т.к. ни во второй половине июня, ни в июле я не смогу вас принять, а в августе всей армией (думаю и внуков повезти, порыбачить) сами будем на Урале. Иначе не получается, как это не огорчительно. Гостевой билет попробую добыть по приезде в Москву. Дам тебе т-му. Получил приглашение почти ото всех республиканских съездов, но никуда доехать на смог. Из Москвы пока нет вестей, однако — судя по всему — переносить сроки, уже не будут. Недели через две поеду в Москву, чтобы до Съезда управиться со своими делами, а после Съезда очевидно махну за границу недели на две. Таковы планы на ближайшее время. М.П. шлет привет, я — тоже. 17.5.71. М.Шолохов. Р.З. Коспанов в письме тоже склоняется к тому, чтобы перенести поездку на будущий год, исходя из того, что последующие м-цы уйдут на подготовку к уборке и пр. летние дела.

М.А. Шолохов — Н.Ф. Корсунову
17.02.1973 г., Москва.

Дорогой уралец! К сожалению, ознакомиться с твоим романом я не смогу. Нет у меня и не будет такой возможности в этом году. А потому и иди путями проторенными: издательство, редактор и все прочее. Желаю успеха. У меня год начался плохо. В Стокгольме схватил грипп, в Финляндии доба-

вил к нему воспаление легких, и вот до сей поры отлеживаюсь в Кремлевке, вместе с М.П. Такие-то, брат, дела, а тут своей заботы по ноздри и выше. Крутись, как, знаешь. Шлю привет и добрые пожелания.

М. Шолохов.

*М.А. Шолохов — Г.М. Маркову
20.07.1976г.*

Дорогой Георгий Мокеевич! Два года назад я обратился к тебе с просьбой помочь вдове погибшего в войну писателя Кудашева в решении квартирного вопроса. Ты передал дело в МПО. И Смирнов, и Ильин обещали решить положительно этот вопрос. Первый умер, второй отошел от дел и вопрос о квартире семье Кудашева стал на мертвый якорь. Напомни пожалуйста руководству МПО, чтобы они решили это дело хотя бы на третий год. Обнимаю и желаю всего доброго! 20.7.76. Твой М. Шолохов.

*М.А.Шолохов — В.П.и Р.А. Вареевым
22.05.1972г., Вешенская.*

Дорогие Василий Петрович и Раиса Александровна! Наконец-то, с благословения тов. Кунаева, с которым я говорил в конце марта по телефону, в первых числах июня состоится поездка уральцев в Вешенскую. Теперь уже официально просим вас приехать к нам в гости. Приглашаем и Третьякова в числе прочих. Думается, что вам будет удобнее ехать с ними. Все остальные тоже поедут на машинах, с Третьяками вы доберетесь в донские края, а отсюда поедете поездом. Деньги на проезд получите у моего главбуха — Марии Петровны.

У нас такие планы: проводим уральских гостей, а вы останетесь, поживете у нас недельку без суеты и шума, потом и тронетесь в обратный путь через Саратов. О времени отъезда из Уральска узнаете у помощника Коспанова. Очевидно вы тронетесь все вместе, организованным порядком, через Сталинград. Одновременно с этим письмом пишу и Третьякам, и всем остальным приглашенным. С Ив. Михайловичем договоритесь заблаговременно. Петру Петровичу написал несколько раньше. Он должен ехать вместе со всеми и приедет в Уральск в конце мая. Я ему так советовал. Я и Мария Петровна вас обнимаем и будем рады обнять в Вешенской.

Ваши М. и М. Шолоховы.

Письмо Донецкого Л.А. к Шолохову

Письмо Донецкого Л.А., 19 мая 1972 г., г. Ростов-на-Дону (орфография и пунктуация автора сохранены):

«Дорогой Михаил Александрович!

Мое детство и юность прошли в одном из донских хуторов. Когда впервые была опубликована первая часть «Тихого Дона» я прочитал ее не отрываясь.

Помимо того волнения, которое вероятно испытали многие миллионы других читателей, у меня осталось еще и впечатление неожиданной встречи с чем-то родным и близким.

В то время я работал в станице Константиновской и через несколько недель встретил человека, который знал Вас лично – им оказался милиционер Щегольков, фамилия которого упоминается Вами в связи с «подвигом» Кузьмы Крючкова. По словам Щеголькова он служил с Вами в продотряде.

С тех пор я старался не пропустить ни одного Вашего произведения, ни одной статьи. Но дело сейчас не во мне лично – мне хотелось бы рассказать об одном необычном эпизоде, связанном с «Тихим Доном».

В 1938 году я был арестован и после нелегкого следствия и скитаний по пересыльным тюрьмам попал в одно из отделений сельскохозяйственного Мариинского исправительно-трудового лагеря (Кемеровская область).

Там застала меня война.

Вместе с сотней других заключенных я работал в ремонтно-механических мастерских. Жили мы в условиях строгого режима, в бараке, у которого над поверхностью земли возвышалась только крыша. Зима в тот год стояла особенно суровая, с сильными морозами и буранами, а одеты мы не по климату. Работали много, было голодно, а холодно не только на работе, но и после нее.

Но в основном угнетало нас другое. Главное было в непонятливости всего происходящего с нами (а среди нас было много коммунистов), в отсутствии связи с семьями, в неизвестности, что же будет с нами дальше. Раньше были какие-то надежды на пересмотр наших дел – сейчас же было ясно, что на это рассчитывать нельзя ни в настоящее время, ни после войны; мы – «зэка» (употребительное сокращенное от слова «заключенные») и останемся ими долго; кроме того, теперь уже никогда не сумеем доказать свою невиновность и навсегда за нами сохранится клеймо «враг народа», а в лучшем случае «бывший враг народа». Исчезла и надежда на встречу с семьями.

И вот в этих условиях мы где-то добыли седьмую часть «Тихого Дона» (книги были у нас большой редкостью).

Читали ее вслух много вечеров – времени для этого было мало.

После работы старались как можно быстрее закончить обычные бытовые дела.

Потом все укладывались на сплошные двухъярусные нары, укрывались своей одеждой (холодно было в бараке) – все затихало, предметы и люди неясно обозначались в полутьме.

Я усаживался за стол, подвигал поближе коптилку и начинал чтение.

Слушали с напряженным вниманием; если кто-то не мог сдержать кашля, я на эти минуты делал перерыв. Люди хотели услышать все до последнего слова.

Хотя прошло уже почти 30 лет, я помню с удивительной ясностью как слушали они те страницы, где описывались сцены прополки бахчи, приезда Григория домой после смерти Натальи. Затаив дыхание лежали они потрясенные и захваченные чужими страданиями.

У меня самого прихватывало от волнения голос и тогда мы молчали все, ожидая пока я снова могу продолжить чтение.

Я переживал то же, что и мои слушатели и одновременно меня охватывал трепетный восторг и гордость – восторг, изумление перед силой слова, заставившего всех нас забыть свои искалеченные жизни, вечную тревогу за близких, тоску при мысли о тревожном будущем – забыть свою судьбу и жить чужой. Я не могу сказать «судьбой вымышленных людей» – для нас они были людьми живыми, с которыми мы все время шли рядом.

А гордость я чувствовал за нашу Родину и за наш тихий Дон, породивших писателя, который мог создать такую книгу.

И в те дни я дал слово: если когда-нибудь меня реабилитируют, то я обязательно напишу Вам обо всем этом от себя и своих слушателей.

Но до реабилитации лежал длинный и довольно тернистый путь: освобождение в 1946 году, унижительные поиски работы, непродолжительная работа в хорошем коллективе, второй арест, ссылка и только в конце 1955 года я был реабилитирован и восстановлен в партии.

Но к этому времени я начал сомневаться нужно-ли Вам писать обо всем этом?

А годы между тем шли.

Недавно я попал в больницу на операцию – по существу она была несложной. Но ведь бывают всякие случайности. И вот, лежа в палате и пере-

бирая в памяти прошлое, я по иному оценил свое обещание и заволновался: «а вдруг операция будет неудачной и я уже не смогу Вам написать о давно прошедшем эпизоде? Может это будет для Вас важнее некоторых парадных выступлений, которые я слушал в Ростовском театре в день Вашего 60-летия?»

Операция прошла благополучно и я уже снова на работе.

С большим опозданием я выполняю свое обещание. Спасибо Вам и низкий поклон от меня и моих слушателей за все написанное Вами.

Будьте здоровы, дорогой Михаил Александрович, и живите, пожалуйста, еще долго-долго.

Л. Донецкий. 19/V-1972.

Ростов н/Д-71, 2-я Краснодарская, 155/3, кв. 39».

III. ВОСПОМИНАНИЯ О ШОЛОХОВЕ

Виктор В.П., литературовед, литературный критик, прозаик, журналист, доктор филологических наук, член Союза писателей

ШОЛОХОВ – ВЕЧНО ЖИВОЙ
(обращение в газету «Литературная Россия»)

Дорогая редакция!

Очень прошу напечатать полностью этот материал, столь важный для меня и для памяти о великом Михаиле Шолохове. Даже Д.Поликарпов ничего не мог сделать для публикации моих статей, хотя и Шолохов, и Поликарпов были друзьями. Управляли делами Литературы Хрущёв и Суслов.

Виктор Петелин

В мае 1956 года я позвонил **Михаилу Александровичу Шолохову** (телефон и адрес сохранился после первого свидания в декабре 1954 года), который, после весёлого шуточного разговора, что встретиться он не может, потому что вечером уезжает в Вёшенскую, неожиданно пригласил меня и аспирантов филфака МГУ в Академию бронетанковых войск. Несколько аспирантов и преподавателей МГУ были пропущены на встречу, где Шолохов, бурно встреченный танкистами, отвечал на множество вопросов, касавшихся и политики, и творчества, и отношений со **Сталиным**. И я задал ему волновавший меня вопрос: «Автор записки спрашивает, – Шолохов читает мою записку, – как я отношусь к Григорию Мелехову. И если бы состоялся суд над ним, помиловал ли бы я его. Он бы его помиловал... Я бы, наверное, тоже помиловал».

А чуть раньше я прочитал все шолоховские интервью. Отвечая на вопрос болгарских читателей, какова дальнейшая судьба людей типа Григория Мелехова, Шолохов сказал: «Люди типа Григория Мелехова к советской власти шли очень извилистым путём. Некоторые из них пришли к окончательному разрыву с советской властью. Большинство же сблизилось с советской властью, принимало участие в строительстве и укреплении нашего государства, участвовало в Великой Отечественной войне, находясь в рядах Красной Армии» (Литературен фронт. София. 12 июля 1951).

Через несколько дней после этой встречи я уложил в чемодан все свои заметки, выписки из статей, газетных и журнальных, книги, пачки бумаги, а в рюкзак – несколько килограммов гречневой крупы, сухой колбасы и ещё кое-что из продуктов, и отправился в деревню Плешкино, к тётушке Арише, сестре отца моего, писать диссертацию «*Человек и народ в романах М.А. Шолохова*»: 15-го октября заканчивался трёхлетний срок моей аспирантуры на филфаке МГУ.

Мне создали самые благоприятные условия, какие только и могли предоставить сельские жители: на чердаке поставили стол у самого окошка, крепко сколоченную дядей Ваней табуретку, а только что скошенная трава, покрытая плотной дерюжкой, стала моим ложем на несколько месяцев беспрестанной работы.

Вставал, казалось, рано, но тётя Ариша уже подоила корову, процедила молоко и приготовила мне целую кружку парного молока. Я выпивал и снова поднимался к себе на чердак. Часа через три завтракал, и снова работал.

Иной раз дядя Ваня брал меня в лес косить траву. На колхозной земле косить строго воспрещалось, и мы искали поляны и – выкашивали, сушили, складывали в стожок, а потом дядя Ваня вывозил... Как он находил свои стожки – это так и осталось для меня тайной. Суровый, молчаливый, он так и не сошёлся с колхозной жизнью, резко критиковал современный уклад её.

– Дядя Ваня, – как-то спросил я его, – а почему вы уехали из родного села Хавертово? Чем тут-то лучше...

– А ты спроси своего отца! Почему он ещё раньше меня сбежал в Москву! Почему ваши соседи по деревне Шалуповы все разбежались, кто в Москву, кто в подмосковные деревни... Да и многие наши, хавертовские, покинули родные места в поисках лучшей доли.

– Отец рассказывал, что не мог прокормить в деревне большую семью, продали корову, чтобы заплатить налоги, а без коровы какая же в деревне жизнь, тем более с детьми мал мала меньше...

– Вот и кумекай, почему крестьянин оказался неспособным прокормить свою семью. Раньше мог, а после революции, и особенно после коллективизации, оказался немощным... Ты ещё молод, ничего в жизни не испытал, всё учишься, а теперь всё пишешь и пишешь, потом бежишь на речку, опять пишешь, потом бежишь на вечеринку, к девкам, а с утра ты снова пишешь. А зачем? Ты сеешь слова, а взойдут ли они добрым знаком? Ты, как и я, – сеятель. Но только я сею отборное зерно и знаю, что оно взойдёт добрым, полезным человеку, накормит страждущего, а чем накормишь-напоишь ты? Своими словами? А может быть, твои слова болеют неправдой. Ты по книжкам знаешь революцию, по книжкам знаешь коллективизацию. А знаешь, что говорится в Библии? Ты, я заметил, пренебрегаешь самой мудрой книгой на земле. В ней всё сказано, что надо знать человеку на земле, чтобы быть честным перед самим собой и полезным другим людям.

Конечно, я знал революцию и коллективизацию не только по книгам, отец – участник Первой мировой войны, участник на стороне красных в революции, бригадир колхозной бригады, много интересного поведал он в устных рассказах, поэтому не случаен мой выбор – Шолохов.

Я давно приглядывался к этой книге, Библии, раскрытой то на одной, то на другой странице, что свидетельствовало о каждодневном её чтении. Я не раз брал её в руки, перелистывал, любясь иллюстрациями, вчитывался в текст, но уж слишком назидательной казалась она мне. С холодком я возвращал Библию на её привычное место. После того разговора в Библии я нашёл притчу о сеятеле и семени, а прочитав, задумался: действительно, только

доброе зерно, упавшее на добрую землю, может дать плод, взошедший и выросший, и принести «иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто». Да, честная и чистая книга, утверждающая народную совесть и справедливость.

За эти несколько прекрасных месяцев, проведённых в деревне, разговоров было много, но то, что сейчас кажется существенным, чаще всего я отвергал, спорил с ним, приводил свои аргументы, иной раз вычитанные из книг и Постановлений ЦК КПСС и Совета Министров. Почти шёпотом дядя Ваня рассказывал о жутких историях во время гражданской войны и коллективизации, о массовых расстрелах непослушных крестьян, просто так, без суда и следствия... О бунте крестьян в селе Пителино во время коллективизации, недалеко от Рязани. Я знал о подобных фактах из «Тихого Дона», из других книг, но всё это происходило на мятежном Дону, на Кубани, в Сибири, а дядя Ваня говорил только о том, что происходило в нашей Рязани, в городе Михайлове, в селе Хавертово и соседних селениях – местах, где, как мне казалось, царили мир и тишина. Отец рассказывал, что во время коллективизации раскулачили одного лишь **Саблина**, сельские руководители позавидовали его огромному и чудесному саду, нужно было его взять в колхозную собственность, вот и решили раскулачить.

Как жалею я о том, что не записывал за дядей Ваней истории, он говорил таким ярким, свежим, чисто деревенским языком, полным особенных слов, выражений, пословиц, диалектизмов, особенно удачно он пользовался церковнославянизмами, взятыми из обихода, церковных служб и Библии. А ведь жив был ещё и дед Кузьма, его отец, изредка выходивший из своего чулана; только сейчас понимаю, что он был ровесником **Булнина** и **Шалаяпина** и мог о многом рассказать из той, давно прошедшей жизни... Но вот не сообразил по молодости и увлечённости книжными премудростями...

В конце августа 1956 года я завершил работу над диссертацией, которая и легла в основу всех моих работ о творчестве Шолохова. С удовольствием перелистывал пухлый том, особенно те страницы, где с дерзкой беззаботностью критиковал своих предшественников, называвших моего любимого героя Григория Мелехова «бандитом» и «преступником». Пожалуй, впервые я испытал истинную радость от работы, я уже предвкушал удовлетворение от победы над признанными авторитетами, писателями, критиками, учёными, утверждавшими всякую чушь... Это был настоящий праздник души... В начале сентября я сдал рукопись на перепечатку за университетский счёт, воспользовался привилегией, предоставленной тем аспирантам, которые свои работы представляют досрочно.

И в эти дни стало известно, что необходимы публикации по теме диссертации, слишком много халтурных диссертаций защищалось, особенно в провинциях. Публикация – это контроль за качеством научных работ. Очень правильное постановление, с этим у меня не будет особых проблем, самоуверенно подумалось в то время... Перепечатанную на машинке диссертацию я передал своему научному руководителю профессору **А.И. Метченко**.

И в это время ко мне подошёл студент четвёртого курса, председатель научного студенческого общества **Боря Бугров** и предложил выступить с докладом «О художественном методе» на НСО.

Представьте себе молодого аспиранта, только что написавшего диссертацию «Человек и народ в романах М.А. Шолохова», который яростно вступает в полемику против устоявшихся законов литературы. Стал известен доклад **Н.С.Хрущёва** о Сталине, приняты постановления о культе личности. Научный руководитель А.И. Метченко предложил мне пол-ставки на кафедре русской литературы. В 1956 году профессор А.И. Метченко, прочитав мою диссертацию в рукописи, остро критикуя господствовавшие в то время социологические схемы в критике и литературоведении, писал в статье «Историзм и догма»: *«Попутно отмечу, что тот же упрощённо социологический подход к явлениям искусства наложил свою печать на изучение пейзажа в наиболее поэтических произведениях советской литературы. Прав молодой исследователь творчества М.Шолохова В.Петелин, критикуя некоторые последние работы о Шолохове за схематическое освещение в них функции пейзажа в «Тихом Доне»... авторы этих работ утверждают, будто в те светлые периоды, когда этот герой романа находится на правильном пути, он воспринимает величие и красоту окружающего мира... а когда идёт против народа, то и красота мира идёт как-то мимо него...»* («Новый мир», 1956, № 12. С. 227). Профессор А.И. Метченко, словно отвечая исследователям творчества М.А. Шолохова о специальной «обработке» текста, которая представила Григория Мелехова отрицательным персонажем, дал понять читателям, как обрабатывалось восприятие пейзажа в романе, столь же специально был обработан и портрет главного героя романа и другие приёмы художественности.

Открывались хорошие перспективы к научной деятельности в университете.

Два месяца – октябрь и ноябрь 1956 года – я готовился к докладу, написал, подобрал цитаты... Встречаясь с друзьями, товарищами, коллегами по аспирантуре, я по своему темпераменту и душевной неиспорченности

щедро делился своими мыслями и соображениями. Почти все соглашались со мной, поддерживали основной тезис: **социалистический реализм как разновидность художественного метода вреден, принёс литературе, искусству вообще, непоправимый ущерб**. Вспоминаю, как однажды, случайно в метро, кажется, на станции «Маяковская», столкнулся с **Петром Палиевским**, и мы долго рассуждали о современном состоянии литературы, дружно осуждая принципы социалистического реализма. Это поддерживало и окрыляло: значит, я на правильном пути, нужно только убедительно и толково изложить то, что вошло в душу моего поколения.

Всё было проще, как всегда, и сложнее, чем это представил в своей статье **Дмитрий Урнов**: я никогда не был игрушкой в чьих-то руках, не признаю и не терплю «кукловодов», а ведь именно эту нелепость высказал почтённый мой коллега в своих воспоминаниях: «мы подобрали», «деканат показал», «он озвучил то, что мы думали» и пр. и пр.

О моём намерении выступить с докладом «О художественном методе» узнал мой научный руководитель профессор А.И. Метченко и пригласил к себе на кафедру. Естественно, я забеспокоился, чувство самосохранения забило тревогу: на пути загорелся красный свет. Но избежать встречи было невозможно – у научного руководителя лежала только что перепечатанная (750 стр.) кандидатская диссертация на тему «Человек и народ в романах М.А. Шолохова (в 1965 году она вышла в свет под названием «Гуманизм Шолохова» в издательстве «Советский писатель»)), от которой зависела вся моя судьба, во всяком случае так мне казалось в то время.

Хмуро встретил меня Алексей Иванович. Стал расспрашивать о докладе. Сначала я пытался увильнуть от прямого разговора, но мой профессор был человеком опытным, знал и мой характер. Он сумел зажечь меня, и я всё выплеснул перед ним, всё, что накопилось в душе за эти месяцы после XX съезда. Внимательно слушал он мою горячую речь. Да, как оказалось, не только он: в связи с ремонтом наша беседа проходила в библиотеке, недалеко от нас сидел, а потом стал нетерпеливо прохаживаться высокий человек в мундире с орденскими планками (годы спустя я познакомился с ним – это был **Павел Павловский**, писавший у Алексея Ивановича то ли курсовую, то ли дипломную).

– Не надо тебе выступать, откажись от доклада, – прервал Алексей Иванович мои излияния. – Ты испортишь себе жизнь...

– Ну почему? Ведь то, что я думаю и скажу, кому-то – надо сказать... Многие со мной согласны...

– Вот этот «кто-то» и пусть скажет, а у тебя – готовая диссертация, и надо думать о защите, а этот доклад может испортить тебе всю жизнь, – раздражённо повторил он, явно не ожидавший столь упорного сопротивления. – Я дочитываю её, работа интересная, спорная, остро полемическая, в своей статье «Историзм и догма», она выйдет в 12-м номере «Нового мира», я ссылаюсь на твою рукопись – случай небывалый, у тебя всё впереди, на кафедре есть место, пока полставки, а там посмотрим...

«Как мудр и доброжелателен был мой научный руководитель, и как искренне хотел он мне добра», – часто думаю я сейчас, пройдя через многие превратности своей судьбы, так и не остудившие мой темперамент. – «Но он был мудр той мудростью, которую сформировало в нём его Время, я же был переполнен идеями своего Времени», – возражаю тут же самому себе.

– Как же я откажусь, ведь я дал слово выступить, уже написал то, что я думаю сказать...

– Эх, Виктор, ты не можешь себе представить последствия такого, как я чувствую, бесшабашного выступления. Ну кто ты сейчас? 15 октября у тебя закончился срок пребывания в аспирантуре. Ты уже не аспирант, но ещё и не преподаватель... так, ни то, ни сё... А лезешь на рожон.

– Ну почему на рожон? XX съезд осудил культ личности и провозгласил свободу мнений... тем более я дал слово и работал над докладом почти два месяца... Что обо мне подумают? Скажут: струсил...

– Какое ещё слово? И кто тебе сказал, что так будет всегда. Свобода мнений! О свободе творчества ещё скажи! Ну вот что: или ты отказываешься от доклада, или я отказываюсь думать о твоём будущем. И почему ты дорожишь мнением студентов, а не мнением твоего научного руководителя, который желает тебе только добра.

Недовольные друг другом, мы расстались: Алексей Иванович не подал мне руки, как это было всегда после наших разговоров. «М-да, – подумал я, – начинается...»

После нашего разговора на факультете началось лёгкое волнение. Вечером того же дня на заседании партбюро, отвечая на вопрос секретаря, А.И. Метченко доложил о результатах нашего разговора, после этого было решено обсудить тезисы моего доклада.

Рано утром на Измайловском шоссе, где я проживал в то время, прибежал Боря Бугров и огорошил меня: часа через три-четыре нужны тезисы доклада, необходимые для обсуждения на партбюро, и нужно написать их так «обтекаемо», чтобы партбюро не запретило конференцию вообще. Ах,

Боря, Боря, как мы были наивны в ту пору. Я действительно попытался написать «обтекаемые» тезисы (они-то и сохранились у меня), надеясь перехитрить матёрых докторов и кандидатов наук, заседавших в партбюро. Как я ни старался, но главные-то мысли, ниспровергающие теорию социалистического реализма и литературу, сотканную по её рецептам, с пьедестала Времени, конечно, остались. Да и пафос – как его «закамуфлируешь»?

Партбюро решило, что с докладом на научно-теоретической конференции четвёртого курса филологического факультета МГУ выступит профессор А.И. Метченко, автору же тезисов слова не давать, тем более, что он закончил аспирантуру и к нашему факультету уже не имеет никакого отношения. Это решило партбюро поздно вечером накануне открытия конференции.

А утром следующего дня я с тревогой в душе иду в родной университет, не ведая и ничего не зная о драматических событиях, происходивших на факультете...

Теперь-то могу себе представить, что А.И. Метченко провёл, может, бессонную ночь, готовясь в спешном порядке к докладу и чертыхаясь по адресу строптивного аспиранта, рукопись которого он уже отметил в своей «новомирской» статье, которая вот-вот выйдет и ничего уже снять из неё нельзя. Такие чувства испытывал бы любой профессор того времени, неожиданно оказавшись в столь неловком положении: А.И. Метченко был умным, образованным, даровитым, но при этом он был человеком своего времени, события 20–40-х годов формировали его ум и душу, а мы знали об этом времени лишь понаслышке да из доклада Хрущёва, ошеломившего нас.

Борис Бугров уже ждал меня. И сразу огорчил: докладчик – Метченко, мне слова не давать, и вообще обстановка накалилась до предела.

– Но я после Метченко предоставляю тебе слово, Виктор. Так что говори всё, что подготовил, ничего не меняй.

В то время эти слова показались мне нормальными и естественными, и только сейчас, вспоминая этот эпизод, понимаю, что это было решение отважного и мужественного человека: на четвёртом курсе идти против партбюро... М-да-а!

А между тем в аудиторном корпусе МГУ творилось что-то явно неладное: никогда я ещё не видел такого скопления людей, – громадная очередь в гардероб, много суеты, громких разговоров, чувствовалось, что ожидали чего-то необычного, скандального. А у меня всего лишь научный доклад... и никакой политики...

Коммунистическая аудитория была битком набита, хотя до начала оставалось не меньше тридцати минут. Первые два ряда – свободны: для профессорско-преподавательского состава и членов партбюро... Пристроился с краю, чтобы поскорее выйти, когда вызовут. На кафедре – профессор Метченко. Трудно вспомнить, о чём он говорил, но только не о литературе; хорошо помню, что больше всего времени докладчик уделил международному положению. А в то время как раз происходили чудовищные события: Англия, Франция и Израиль напали на Египет. Советское правительство потребовало прекратить агрессию: Израиль вторгся на Синайский полуостров, Франция и Англия после бомбардировки Египта с воздуха высадили десант в районе Порт-Саида, но жители города мужественно сражались за только что обретенную свободу от английских колонизаторов. 5 ноября 1956 года Советское правительство предупредило захватчиков, что готово применить силу, чтобы помочь египтянам отразить агрессию. После этого военные действия были прекращены, но из захваченного Порт-Саида и с Синайского полуострова не собирались уходить. Советское правительство на этот раз предупредило агрессоров, что не будет препятствовать добровольцам Советского Союза, готовым помочь с оружием в руках египтянам в их справедливой борьбе за свою свободу. Лишь 22 декабря 1956 года войска Франции и Англии покинули Египет, а Израиль – лишь в марте 1957 года.

Так что научная конференция студентов четвёртого курса как раз приходилась на самое взрывоопасное время, когда могла разразиться война, совершенно непредсказуемая по своим последствиям (примерно такая же, как недавняя с Ираком, только ситуация была другая, да и Советский Союз был другим).

И вот этим опытный оратор воспользовался на полную, так сказать, «катушку», говорил о бдительности, о тех, кто в это напряжённое время готов отказаться от наших незыблемых принципов партийности и народности, подвергнуть безнравственной критике наши ценности, завоёванные в результате острейшей классовой борьбы. Имеются такие и на нашем факультете... А.И. Метченко говорил ярко, темпераментно, с таким искренним пафосом, что верилось в его слова.

Первые ряды бурно хлопали ему, а сотни собравшихся сидели тихо. Но причём здесь вопрос «О художественном методе», который мы собирались обсудить? Да, Англия и Франция должны покинуть Египет, но почему это должно быть связано с отжившим своё время социалистическим реализ-

мом, с теми догмами, которые, как ржа, разъедали души писателей. Так примерно, думал я, слушая эти бурные аплодисменты первых рядов.

В этой накалившейся до предела атмосфере председательствующий Бугров предоставил мне слово. Начал я с азартом:

– Сейчас отовсюду слышится недовольство: прозаики говорят, что нет прозы (незадолго до этого в той же аудитории выступал **К.Симонов** и резко сетовал по этому поводу); критики – нет критических острых выступлений; драматурги – нет хороших пьес; поэты – нет настоящих стихов... Кто же мешает тому же Симонову создать нетленное художественное произведение, **Софронову** – захватывающую дух драму или трагедию, а **Борису Рюрикову** создать такие критические статьи, которые повергли бы нас в духовный трепет от глубоких мыслей и яркости изложения?... Но, увы, никто из недовольных состоянием нашей литературы не спешит поразить нас глубокими художественными откровениями.

Что же мешает прозаикам, драматургам, поэтам и критикам создавать честные, правдивые произведения?

Метод социалистического реализма!

Тишина воцарилась, как говорится, гробовая.

Естественно, я не собираюсь пересказывать доклад, длившийся час пятнадцать минут. Первые ряды пытались сорвать моё выступление. Некоторые из самых ретивых даже топали ногами, что-то возмущённо кричали председательствующему, дескать, мы ж решили не давать Петелину слово, но Борис Бугров невозмутимо разводил руками. Свобода слова гарантирована.

Конечно, нельзя было так затягивать выступление, испытывать терпение. Попутно я рассказал о драматической истории трилогии **Алексея Толстого** «Хождение по мукам», привёл переписку между редактором «Нового мира» и автором, который предупреждал редактора, что он вовсе не заинтересован дать бесконфликтный, праздничный роман к 10-летию Октябрьской революции, у него сложные судьбы персонажей, которые поступают по своей воле, а не по воле автора, тем более редактора. Рассказал о трагической истории третьей книги «Тихого Дона», когда жестокая цензура редакторов пыталась сломать тяжёлую судьбу его главного героя и сделать его большевиком. Но уж очень накалённой была обстановка и хотелось высказаться: я понимал, что другого такого случая не представится. Да и опыт подобных выступлений у меня был невелик, прямо надо сказать...

Потом выступил Д.Урнов, выступил ярко, темпераментно, заученные фразы так и слетали с его уст, совершенно не задевая души, больше упоминая о западно-европейских именах, – и ни слова – о социалистическом реализме. «О чём он говорит, – недоумевал я. – Словно на экзамене по теории литературы...»

Здесь, в моём докладе, было высказано новое отношение к главному герою «Тихого Дона», к донскому казачеству во времена Первой мировой войны и революции.

26 сентября 1990 года профессор Д.Урнов в статье «Кто создаёт иллюзии?» в рубрике «Поминки по советской литературе» писал: *«На моей памяти первым о границах советской литературы во всеуслышание заговорил Виктор... Нет, не Ерофеев, а другой, Виктор Петелин. Было это тридцать четыре года назад и являлось в свою очередь следствием глубоких перемен в нашем обществе.*

*Год тысяча девятьсот пятьдесят шестой. Как сейчас помню бас своего сокурсника **Валентина Недзвецкого**, провозглашающего с трибуны Коммунистической (Богословской) аудитории в старом здании МГУ: «Пора спросить у нашего правительства...» В число неотложных задач, которые мы тогда собирались либо поставить перед руководством, либо решить собственными силами, был занесён и вопрос о литературе. «А подать сюда...» И было поручено аспиранту филологического факультета Петелину осветить этот вопрос. Докладчика выбирал деканат, старательно выбирал, стремясь найти оратора, способного отстоять наши позиции.*

*Что с той трибуны услышали от Виктора Петелина, не шло ни в какое сравнение с этюдом на ту же тему, опубликованным лишь три года спустя, и то за границей. Я имею в виду эссе о социалистическом реализме, вышедшее в 1959 г. в Париже под именем **Абрама Терца** и принадлежавшее **А.Д. Синявскому**. Вот это эссе, ныне широко известное, рядом с петелинским выступлением следовало бы считать апологией названного метода.*

Следовало бы... однако... Спрашивается, почему А.Д. Синявского (Абрама Терца) как подхватили сразу, так по сию пору и носят на руках, а слово истинного смельчака критика, в самом деле первого и поистине во весь голос сказавшего, что такое социалистический реализм, забыто?

Да потому же, почему похоронную речь по советской литературе произносит анфан терибль (баловень) советского режима, произносит в порядке дерзкого откровения, между тем даже в редакционном врезе не упо-

мянуты те, кто по меньшей мере пятнадцать лет тому говорил (понятно, без эпатажа) о тех же проблемах»

(ЛГ, 1990, 26 сентября).

Естественно, статью в «Новом мире» прочитали и на факультете, ведь не часто учёные факультета удостоивались такой чести быть опубликованными в «самом» «Новом мире». И на первом же заседании Учёного совета профессор **Н.А. Глаголев**, конноармеец в гражданскую, рапповец в 20-е, выходец из Института Красной Профессуры в 30-е, не защитивший ни кандидатской, ни, уж тем более, докторской, типичный представитель вульгарно-социологического направления в литературоведении, в своём выступлении обратил внимание коллег на противоречивость А.И. Метченко в отношении к своему аспиранту: с одной стороны, на трибуне резко критикует антипартийную, идейно-порочную позицию В.Петелина, отвергающего основополагающие принципы теории социалистического реализма, а с другой стороны – поддерживает его публично же в «Новом мире».

– Что же получается, Алексей Иванович – ехидно, как мне рассказывали, спрашивал Н.А. Глаголев. – Публикация в «Новом мире» перечёркивает ваше выступление в Коммунистической аудитории. Нехорошо получается, Алексей Иванович... Мы, красногвардейцы, в гражданскую войну немало порубали таких вот, кто порочит нашу идеологию и кто выступает против марксизма-ленинизма... Что подумают студенты, аспиранты, молодые преподаватели, которые должны брать с нас, старых коммунистов, пример для подражания в отстаивании наших идеологических основ... Нехорошо, Алексей Иванович, вы недавно получили орден Ленина...

Представляю себе самочувствие непогрешимого до сей поры профессора Алексея Ивановича Метченко... Не раз, предполагаю, он ещё пожалеет, что сослался на мою диссертацию. Но... «Написанное пером – не вырубишь и топором»...

Скажу лишь, что после того выступления настала тяжелая пора. А.И. Метченко, только что отметивший в «Новом мире» правоту молодого исследователя В.Петелина и получивший «нагоняй» за это на Учёном совете, проходил мимо меня при неизбежных встречах в узких коридорах факультета, не отвечая на мои приветствия, словом, не замечал. Но однажды я остановил его:

– Алексей Иванович! Как моя работа, вы ж мой научный руководитель, мой учитель...

– Нет, я не ваш учитель, Виктор Васильевич! (Впервые, кажется, так называли меня в те мои молодые годы), у вас другие учителя, – и пошёл дальше.

Горько, но ничего не поделаешь. Нужно работать. Я подготовил и отдал на машинку свою первую статью «Трагическое в «Тихом Доне» М.Шолохова». Ну, думаю, держитесь, не сомневался, что статью напечатают... Где я только не был: в «Новом мире», в «Знамени», «Дружбе народов», в «Октябре», в «Литературной газете», потом отослал статью в журнал «Русская литература», потом в «Дон»... В «Литературной газете» (главный редактор **Всеволод Кочетов**) меня принял **Валерий Друзин**, наговорил комплиментов, да и на полях статьи были одобряющие слова и знаки, но заметил, что редакция может снова вернуться к рассмотрению статьи только после серьёзной творческой доработки: во-первых, сократить, во-вторых, осудить Григория Мелехова за его борьбу против советской власти, ведь сам Шолохов осуждает его, отнимая у него честь, совесть, превращая его в жалкое и страшное подобие человека, а из вашей статьи получается, что Шолохов любит своего героя, сочувствует ему, сострадает ему и мучается вместе с ним... Таков был отовсюду ответ на мои предложения.

Стал бывать на писательских собраниях, и кто-то, не помню, познакомил меня с **Фёдором Абрамовым**, доцентом Ленинградского университета, но уже написавшим свой первый роман «Братья и сёстры». Он-то и порекомендовал мне обратиться к **Александру Григорьевичу Дементьеву**, тоже доценту Ленинградского университета, только что назначенному главным редактором журнала «Вопросы литературы», дескать, ему сейчас нужны острые статьи, чтобы привлечь внимание к новому журналу.

Действительно, А.Г. Дементьев по-доброму принял меня, быстро прочитал мою статью. Сделал ряд существенных замечаний о литературном качестве статьи, о композиции, о том, чтобы смягчить полемику, Григорий Мелехов и у него был отрицательным... Кое-что из его замечаний я принял, ещё раз прошёлся по статье, устраняя недостатки. Вновь редактор быстро прочитал, вновь сделал замечания, ему очень хотелось эту статью опубликовать в одном из первых номеров журнала за 1957 год. Вновь я кое-что переделал, смягчил, улучшил, но основной пафос статьи, естественно, оставался прежним. Мне и в голову не приходило, что редактор добивается от меня принципиальных изменений и в отношении донского казачества, и в отношении Григория Мелехова...

Прочитав третий вариант статьи, он наконец не выдержал и воскликнул, обращаясь к своим сотрудникам (вся редакция занимала тогда две или три комнатёнки):

– Ну что мне с ним делать?! Третий раз приносит мне всё ту же статью. Григорий Мелехов у него оказывается чуть ли не самым положительным героем русской литературы, а донское казачество сохраняет у него все положительные качества русского народа. Ну сколько же мне повторять вам, что Шолохов осуждает Григория Мелехова за все его кровавые дела против Советской власти?..

Действительно, три раза читал мою статью главный редактор «Вопросов литературы», но так и не удалось мне убедить его в том, что мой взгляд на «Тихий Дон» коренным образом отличается от взгляда моих предшественников и от его собственного только потому, что я не был ещё заражён микробами вульгарного социологизма, что я по своей молодости и наивности воспринимал любую книгу с юношеской доверчивостью, не подгоняя её к тем или иным теориям, а воспринимая просто и безоглядно, как отражение самой жизни. Ничего не получилось у меня от этих визитов в журналы

Тут впервые, кажется, за мои двадцать шесть лет я затосковал. Как же так? С отличием окончил филологический факультет Московского университета, аспирантуру, написал диссертацию, мои родители, сёстры и братья, родной и двоюродный, ждут от меня успешной литературной карьеры, а ничего не получается – не печатают... Двоюродный брат мой **Василий Сергеевич Петелин** как водитель персональной машины рассказал о моих мытарствах своему «хозяину», служившему Чрезвычайным и Полномочным Послом в одной из крупных капстран, тот «проникся» и дал телефон своего друга **Д.Поликарпова**, заведовавшего в то время Отделом культуры ЦК КПСС, рассказав ему о мытарствах аспиранта.

Я тут же разведал, кто такой Д.Поликарпов. Ответственный работник ЦК КПСС. Слушатель Высшей партийной школы, закончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Порой, занимая высшие должности, ведёт себя как диктатор, груб, своё мнение считает неперемнным на различных дискуссиях. Много лет был заместителем заведующего Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) **Г.Ф. Александрова**, секретарём Союза писателей СССР по организационным вопросам. Но М.А. Шолохов, выступая на Втором съезде советских писателей, дал ему высокую оценку: *«Когда мы, думая о будущем, говорим о типе политического руководителя нашего Союза, то большинство из нас с благодарностью и грустью вспоми-*

нают т. Поликарпова с благодарностью – потому, что он многое сделал для здорового развития литературы прежде всего уже тем, что стоял вне всяких групп, а с грустью – потому что при нашем молчаливом попустительстве его всё же сумели «скушать» те из литературных молодчиков и молодниц, которые, к нашему несчастью, удачно соединяют в себе две профессии – писателя и интригана» (М.Шолохов. Т. 8. М., 1986. С. 214). Эту оценку Д.Поликарпову я слышал на съезде.

Естественно, я позвонил, сославшись на имя Чрезвычайного и Полномочного Посла, был принят. Как сейчас, вижу огромный кабинет, большой стол для совещаний, в далёком углу, как я догадываюсь, сидит Д.Поликарпов и что-то читает или пишет, издалека трудно понять. Я, можно догадаться, стою столбом. Встаёт и машет рукой. Подхожу, царственный жест, дескать, садитесь.

– Вы закончили аспирантуру, завершили диссертацию, тщетно пытаетесь что-то опубликовать из написанного. Так говорил мне мой друг, так мне доложили мои помощники, товарищ Петелин. Как называются Ваши статьи?

– «Трагическое в «Тихом Доне», «Народ в «Поднятой целине», «Коммунисты в романе «Поднятая целина».

– Вы знаете, что Михаил Александрович завершает вторую книгу романа?

Я кивнул в знак согласия.

– Вы принесли свои статьи? Вижу, что не принесли. Мы опубликовать их не можем. Мы можем только отправить их по тем же адресам, где вы уже были, с просьбой повнимательнее посмотреть. И ждать ответа. Так что завтра же принесите и передайте моему секретарю, он всё сделает так, как надо. До свиданья.

Вышел из-за стола и крепко пожал мне руку.

На следующий день я принёс статьи и вручил их Д.Поликарпову, который тут же решил «Трагическое в «Тихом Доне» вновь отправить в «Вопросы литературы», а две статьи – в журнал «Дон». Ну, думаю, слава Богу, кончаются мои «хождения по мукам». И действительно, вскоре пришло из «Дона» письмо, полное оптимистических ноток: дескать, статьи ваши получили, будем печатать сначала одну, потом, через полгода, другую. И потом – глухое молчание. Наконец – толстый конверт из «Дона» с одной из моих статей и письмо: *«Редакция не может согласиться с Вашей характеристикой Григория Мелехова, особенно с теми местами, где Вы говорите о пребывании Григория в банде Фомина. Неверными, на наш взгляд, являются у Вас*

сравнения Нагульнова и Григория, трактовка подсознательного у Григория Мелехова, трактовка экспедиции Подтёлкова. Здесь, в частности, сказала ошибка автора, на которую в своё время было указано Шолохову...» Кореным образом предлагалось автору переработать статью. Таким же образом редакция «Дона» «отфутболила» и мою вторую статью. И тут же, словно они сговорились, я получил ответ из журнала «Вопросы литературы», подписанный А.Дементьевым и **М.Кузнецовым**. Это любопытный документ того времени, а потому я его процитирую: *«Это уже третий вариант статьи, представляемой автором в редакцию журнала «Вопросы литературы». В.Петелин внёс некоторые изменения по сравнению с предшествующими вариантами. В статье есть отдельные, заслуживающие внимания наблюдения над образом Григория Мелехова. Однако с общей концепцией автора по-прежнему невозможно согласиться. Укажем лишь на наиболее существенные пункты.*

*Стремясь, что называется, любой ценой реабилитировать Григория Мелехова, которого, по мнению В.Петелина, неверно оценивают многие литературоведы, автор данной статьи даёт неверную, одностороннюю трактовку истории гражданской войны и самого романа М.Шолохова. Так, первая часть статьи, в сущности, посвящена не литературному, а чисто историческому вопросу – выяснению причин, вызвавших восстание казачества против советской власти. Это, по сути, исторический трактат, которому место, скорее, в историческом журнале. Но трактат весьма и весьма сомнительный. В.Петелин совершенно отвергает мысль о том, что контрреволюционное восстание казачества вызвано агитацией враждебной советской власти верхушки казачества. Для подкрепления своих положений он приводит слова **Ленина**: «Нет ничего смехотворнее, когда говорят, что дальнейшее развитие революции, дальнейшее возмущение масс вызвано какой-либо партией, отдельной личностью». Однако Ленин говорит о «пожаре революции», а у Петелина речь идёт о вспышке контрреволюции – разве справедливо ставить знак равенства между этими совершенно различными явлениями? Думаем, что нет, несправедливо, наоборот, грубо ошибочно. Далее, в полном разрыве с историческими фактами В.Петелин пишет: «Казак... активно поддержит свержение царя», «Казачество участвует в свержении монархии, в свержении Временного правительства». Не говоря о множестве других фактов, сошлёмся лишь на один – самый общеизвестный: **Керенский**, пытаясь вернуть власть, ведёт наступление на Петроград именно казачьими частями, а казачье правительство в Новочеркасске при-*

глашает в это время Временное правительство приехать на Дон... Казачья специфика, по В.Петелину, до революции состоит в том, что здесь «изнурительный труд хлебороба сочетается с воинскими упражнениями». Это подавление революционных рабочих и крестьян именуется воинскими упражнениями?

Всё это не случайные описки, а звенья одной цепи. И хотя автор пишет, что «вешенское восстание возникло в результате органического переплетения исторических, экономических, социальных, политических условий», но фактически причина восстания у В.Петелина одна – плохая советская власть. Даже Подтёлков у В.Петелина из героя гражданской войны превращается в отрицательную фигуру, человека, которого испортила советская власть. Получается весьма любопытно: верхушка казачества своей контрреволюционной агитацией не может вызвать восстание, но вот «верхушка» из плохих комиссаров – вызывает его...

Весь «исторический трактат» вольно или невольно сводится к ложному утверждению – казачество потому пришло к контрреволюции, что была плоха советская власть.

С этой же точки зрения рассматривается и Григорий Мелехов. Оказывается, он пламенный революционер, а вот коммунисты только и делают, что нарушают революционные идеалы. Григорий и землю хочет отдать мужикам, Григорий – страстный борец за уравнительность, а в Красной Армии бойцы ходят в обмотках, в то время, как комиссары одеты в кожу с головы до ног... И Кошевой, Штокман, Котляров не понимают настоящей революционности Григория, тогда последнему ничего не остается, как восстать. Григорий всячески идеализируется, вся его вина перед революционным народом снимается, он, в сущности, только жертва коммунистов... Повторяем, В.Петелин высказал ряд справедливых и свежих суждений по поводу образа Григория, но общая концепция автора статьи не может быть принята... Общий вывод – статью помещать в журнале «Вопросы литературы» не следует».

А.Дементьев и М.Кузнецов направили свой ответ Д.А. Поликарпову, а мне – копию. После этого стало ясно, что круг замкнулся: никто в ЦК статью читать не будет, никто так и не узнает, что этот ответ «Вопросов литературы» полон умышленных передержек, умолчаний, демагогии и вульгарного пустозвонства. Об этом я и рассказал Василию Сергеевичу Петелину, а он своему «хозяину». Так что первое моё посещение ЦК КПСС окончилось неудачей.

Прошло почти полтора года со дня моего выступления «О методе художественной литературы». Что-то новое и глубинное происходило в нашем государстве, неотвратимо шли перемены в жизни общества, в сознании народа, перемены коснулись и жизни учёных факультета, где я, порой бывал... Наконец А.И. Метченко ответил на моё приветствие, а через какое-то время пригласил через секретаршу к себе на приём:

– Теперь можно говорить о русском национальном характере, готовьте по диссертации статьи, напечатать в наших научных журналах, одну – о «Тихом Доне», другую – о «Поднятой целине», а первую главу диссертации, где вы говорите о литературно-эстетических взглядах Шолохова, нужно серьёзно доработать, слишком много цитат **Канта, Гегеля, Шопенгауэра**, даже **Ницше** приглашаешь в свои консультанты, начитался, постоянно демонстрируешь свою эрудицию, много лишнего, экономнее будьте, внимательнее следите за ссылкой, кое-где нет инициалов, года издания...

К этому времени все мои статьи, разосланные по журналам, вернулись ко мне, рецензии о статьях были доброжелательные, но непременно упоминалось, что автор должен был сделать, чтобы их напечатать. И я передал статьи А.И. Метченко. Пришлось по его замечаниям ещё раз сократить статью «Трагическое в «Тихом Доне», и под названием «Два Григория Мелехова» она вышла в журнале «Научные доклады высшей школы» (1958, № 4).

В 1962 году Ф.Абрамов и **В.Гура**, анализируя мою статью «Два Григория Мелехова», писали: *«Несколько в стороне от этой дискуссии стоит и статья В.В. Петелина «Два Григория Мелехова... Автор её считает, что на страницах «Тихого Дона» нарисован совершенно положительный характер Григория, а в книгах исследователей этого романа, с помощью какой-то специальной «обработки» его текста, создан другой, отрицательный персонаж»* (См. Гура В.В., Абрамов Ф.А. М.Шолохов. Семинарий. Изд. второе, дополненное. Л., 1962. С. 31)

Читатели, надеюсь, помнят статью А.И. Метченко, который, анализируя работы шолоховедов, писал, как извращённо они цитируют «Тихий Дон», чтобы представить Григория Мелехова отрицательным персонажем, не воспринимающим красоту природы.

Но этой статье предшествовала длинная дорога мучительных поисков. И вспоминаю в связи с этим, с каким трудом нащупывалось верное осмысление творчества Шолохова в то время, когда господствовал в художественном мире Советского Союза метод социалистического реализма.

Преодолевая это влияние, вышли мои книги «Гуманизм Шолохова» (СПб., 1965), «Михаил Шолохов» (Воениздат, 1974), «Михаил Шолохов» (СПб., 1986), «Жизнь Шолохова» (Центрполиграф, 2002), «Михаил Александрович Шолохов. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» (Алгоритм, 2011).

*Мартти Ларни,
финский писатель и журналист*

Семь дней с Шолоховым

Волнующие переживания, накопившиеся за недельное пребывание в гостях у великого русского писателя, вызвали немало последующих размышлений. Я один из тех счастливых иностранцев, кому представилась возможность погостить у Михаила Александровича. Может быть, мой гостеприимный хозяин, приглашая меня и мою жену в Вешенскую в самую жаркую июльскую пору, думал испытать мою выносливость к жаре. Откровенно признаться, теплый сухой воздух Дона был исцеляющим средством для моего радикулита. А вот замечательное гостеприимство действительно было таким, которое требует «выносливости».

Многие мои друзья и братья по профессии интересовались личностью Михаила Александровича. Если бы я был репортером отдела светской хроники какого-нибудь всемирно известного журнала, я бы, конечно, запечатлел писателя Шолохова подобно фотоаппарату.

Среднего роста, крепкий казак с умным взглядом голубовато-серых глаз, волосы, как и аккуратно подстриженные усы, – с проседью. Говорит живо, много курит, жестикулирует. Приветливый и радушный человек, повидавший свет. Ему вверены высокие посты, и он пользуется доверием и уважением всего советского народа.

Что ж! Можно с Михаила Александровича Шолохова нарисовать и такой портрет, и он, несомненно, будет правильным. Однако он не раскрывает и четвертой части того Михаила Александровича, с которым я познакомился в Вешенской, в его доме на берегу тихого Дона. Мне, возможно, придется разочаровать кое-кого из моих читателей, поскольку я не буду рассказывать о том, как одевается Михаил Шолохов, какого размера носит обувь, какое блюдо любит больше всего, над чем сейчас работает, чем интересуется на досуге, что думает о моде на женские шляпки, твисте и лунных вечерах.

Я попытаюсь в нескольких скупых словах дать неполное изображение Шолохова-человека: писателя Шолохова знает весь цивилизованный мир, а если кто не знает, пора бы уже знать!

С Михаилом Александровичем мы уже раза четыре встречались в Финляндии. Последний раз ранней весной этого года, когда нам представился случай обменяться мнениями о задачах и ответственности писателя в современном обществе.

Михаил Александрович в целом отвечает тому представлению, какое у меня создалось о нем по его произведениям: я вижу в нем человека, который живет глубокой эмоциональной жизнью. Мысли его не блуждают в джунглях надуманной непонятности. Заниматься софистикой и рассечением волоса он охотно предоставляет тем, кому нечего сказать, но кто, тем не менее, жаждет сообщить об этом. Он не морализует, а повествует; он не судит человека, а вразумляет его. И только человек, обладающий подлинно великим пониманием, может быть и великим писателем. Он, чистокровный реалист, который умеет заставить «ожить бумагу», лирик, рассматривающий природу в неотрывной органической связи с жизнью. В глубины души человеческой он проникает взором ясновидца. Поэтому, повествуя о страданиях человека, о его борьбе за условия существования, о его отчаянии или необузданной жажде жизни, о любви, он не нуждается в циркуле и линейке камерных философов и бездушных теоретиков.

Я вполне понимаю любовь Михаила Шолохова к Дону, его природе и людям. Для него Дон не просто могучий водный поток, не плодородный чернозем или бесплодные пески на берегах реки. Дон для него – живой организм. Михаил Шолохов – патриот, и поэтому он в полной мере понимает и мой патриотизм. Это приводит нас к взаимопониманию и уважению ценностей, дорогих каждому из нас. Любовь к Родине для него не пустая фраза: в ней и душа его, и жизнь его, плоть и кровь – все, за что он сражался и готов сражаться.

Писательская профессия для Михаила Александровича Шолохова – призвание. Чтению и письму можно научиться в школе, а писателем нужно родиться. Михаил Шолохов был рожден для того, чтобы воспеть свои край и жизнь. Знание народного эпоса былин и легенд, близость к народу, высокий гуманизм, великолепная память и замечательный дар рассказчика – вот те качества, которые выдвинули его в ряды самых выдающихся русских мастеров художественного слова. И раз опорой его литературного творчества являются огромные знания и большая начитанность, то стоит ли удивляться,

что ему по плечу произведения такого размаха, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина»!

Дорога жизни Михаила Александровича Шолохова пролежала «не по гладкому асфальту». Годы его молодости были исполнены безотрадного опыта, жестокой борьбы за хлеб насущный, ощущения своего рода жизненной сиротливости. Лунную романтику он утратил еще подростком, работая в порту среди грузчиков, огрубевших в суровых лишениях жизни. Когда на плечи юноши вваливали огромные мешки с мукой, которые приходилось таскать в глубины трюмов, он не раз был близок к потере сознания. Но обида на социальную несправедливость никогда не перерастала в нем в обиду на жизнь. Он вбирал опыт – горький и реальный опыт, – как промокательная бумага – чернила. Из этого опыта он черпал впоследствии соль своих произведений.

Как-то июльским вечером, когда мы сидели на берегу тихого Дона под сенью тенистого дуба, я попросил Михаила Александровича спеть какую-нибудь балладу о казаках. Меня, вообще говоря, интересуют русские сказания и народные напевы, потому что им, как и соответствующим финским народным поэмам, свойственна меланхолическая окраска. Михаил Александрович начинает рассказывать, перемежая напевами, балладу о молодом казаке, уходящем на войну. И вдруг голос его начинает дрожать, обрывается и умолкает. Он не может продолжать. На глаза его навертываются прозрачные мужские слезы. Он не в силах, да и не хочет скрыть свои чувства. Он слишком открыт и искренен, слишком честен и мужествен. Песни рождены печалью: в них собрана вся мука и боль народная, и это поэт чувствует. Он – живая частица своего народа, чуткий и проникновенный толкователь души человеческой, переживший роковые моменты судьбы своей Отчизны и как патриот, и как солдат, и как поэт.

Слишком часто забывают, что профессия писателя – это прежде всего труд, требующий нервов. Рядом с Михаилом Александровичем уже не один десяток лет стоит добрая фея – его жена Мария Петровна, умная женщина. Она не только добрая и заботливая жена, но и товарищ жизни, дни которой не всегда озарены только солнечным светом. Я знаю по своей семье, что не всем можно доверить роль супруги писателя, ибо его профессия изматывает нервы и его семьи. Но может быть, и жены при этом облагораживаются, подобно металлу в горне? Образ Марии Петровны, проникнутый благородным

внутренним обаянием, остается в мысли каждого гостя, посетившего дом Шолоховых.

Я от души благодарен моим хозяевам, пригласившим меня на Дон. И, несмотря на то, что мне за мою жизнь немало довелось в разных направлениях исколесить наш беспокойный, но, надо надеяться, постепенно успокаивающийся земной шар, в моей памяти не оставалось столь приятных и богатых впечатлений, как от этой поездки. Я испытал радостное волнение, увидев овеянную легендами реку, но еще большим переживанием и радостью для меня было ближе познакомиться с человеком, увековечившим эту реку в мировой литературе, как символ и как действительность.

Хельсинки, август. (По телефону)

*Сергей Герасимов,
советский кинорежиссёр,
сценарист, актёр кино,
драматург и педагог, профессор*

Как создавался фильм «Тихий Дон»

...После «Сельского врача» я четыре года не входил в павильон, занимаясь исключительно Институтом кинематографии. И только после XX съезда партии приступил к своей следующей постановке – экранизации любимого романа М. Шолохова «Тихий Дон». Должен подчеркнуть, что решение это подготавливалось не днями и не месяцами. Достаточно сказать, что в первый раз я предложил экранизацию «Тихого Дона» еще в 1939 году, сразу после «Учителя». Но тогда мне было сказано, что едва ли имеет смысл экранизировать роман, который при всех своих достоинствах выводит на первый план судьбу Григория Мелехова, человека без дороги, по сути, обреченного историей.

На этот раз я получил согласие на экранизацию и вместе со своим коллективом взялся за нее с жадностью. В коротком очерке невозможно

сколько-нибудь подробно рассказать историю подготовки и осуществления этой работы. Она продолжалась более двух лет и при всей своей сложности принесла участникам трехсерийного фильма огромное наслаждение. Мы имели дело с первоклассной литературой, где каждый характер, каждая черта его были не только продуманы и высмотрены в самой гуще жизни, но и выстраданы автором, как личная судьба. Вот здесь уж не возникал вопрос о «подогревании» жизненного материала средствами искусственного обострения конфликтов. Гигантский исторический конфликт лежал в недрах самой истории, которую нам предстояло воплотить со страниц этого удивительного романа.

Главнейший вопрос состоял в подборе исполнителей не только главных, но и второстепенных ролей этого необыкновенно населенного сочинения. Как и всегда, немалую помощь оказал мне коллектив, работавший со мной и ранее из года в год, – оператор В. Раппопорт, художник Б. Дуленков, директор Я. Светозаров и ученики мастерской ВГИКа. Работать над сценарием, написание которого Шолохов доверил мне, помогал Ю. Кавтарадзе. А на съемках со мной работали А. Салтыков, Р. и Ю. Григорьевы, Ф. Давлатян и Л. Мирский. Участвовал наш коллектив также и в поисках и подготовке к съемкам множества исполнителей. Была составлена гигантская картотека кандидатур на исполнение самых различных ролей – от царя Николая II до кучера в доме Листницких, но у нас не было еще ни Григория, ни Аксины.

Наконец, по решению Шолохова, среди множества кандидатур на роль Аксины была отобрана Элина Быстрицкая. А Мелехова все не было и не было.

Само собой разумеется, что прежде всего мы начали поиски на Дону – в Ростове, в станицах. Попадались люди, похожие по темпераменту, но совсем непригодные по внешности, или наоборот. Слитного, цельного образа Григория Мелехова, так скульптурно, точно выписанного Шолоховым, никак не находилось.

И вот, когда мы готовы были уже согласиться на одну в высшей степени приблизительную кандидатуру, случай подсобил нам.

Мы проводили пробную съемку для артиста Игоря Дмитриева, который намечался на роль Евгения Листницкого. Войдя в павильон, я мельком оглядел полутемный блиндаж, где за столом сидели офицеры.

Я обратил внимание на одного из них, еще совсем не сопоставляя его облик с обликом Григория Мелехова. Но очень сильные глаза заставили приглядеться к актеру повнимательнее.

Я ждал, когда он заговорит. И пожалуй, голос-то как раз и решил дело. Это был артист П. Глебов, зашедший на студию мимоходом, с намерением сниматься в эпизоде.

Я попросил ассистентов загримировать его Мелеховым. Это вызвало некоторое недоумение, но так как положение было критическим и мы пробовали самые различные варианты, то никто не стал возражать. В то время пробы актеров на роль Григория проводились по две-три в день.

По-видимому, я и сам не очень-то верил в эксперимент, потому что на другой день совершенно забыл об этой своей просьбе.

И вот утром, придя на студию, я увидел идущего ко мне по коридору Григория Мелехова. Очевидно, в процессе гримировки и одевания артиста ассистенты, костюмеры, гример все больше убеждались в успехе этой затеи. Они теснились позади Глебова, с откровенным любопытством ожидая, какое впечатление произведет на меня этот новый Мелехов. Впечатление было чрезвычайным. Он был похож необыкновенно на того самого Григория Мелехова, который встает со страниц романа для каждого мало-мальски пытливого и заинтересованного читателя. Может быть, здесь сыграли роль иллюстрации, которые постепенно, в различных изданиях сложили облик Мелехова, как если бы это был исторический персонаж.

Процесс создания всякого фильма интересен весь – от начала до конца, но, может быть, самое интересное в нем даже не съемка, а прилаживание актера к роли, поиски совпадений актера-человека с образом. Тут-то и лежит начало художественного успеха. Нам предстояло убедиться в способности Глебова не только найти и обыграть внешнее сходство, но и отыскать в себе все многообразие противоречивых мелеховских черт. Мы закрылись с ним вдвоем в комнате, и Глебов приступил к чтению шолоховского текста.

«Есть! – думал я. – Есть Мелехов! Если в интонации еще не все точно, то главное он понимает. Понимает и добродушие, и иронию, и свирепость, и скорбь...»

Но ликовать было рано – предстояло еще показать нашего нового Григория Мелехова М. Шолохову. И когда пробы были отсняты и мы сели с Шолоховым в просмотровом зале, то после первых же кадров, не желая томить коллектив, Михаил Александрович с необыкновенной легкостью сказал:

– Он. Он живой и есть.

Вот тогда – уже с легкой душой – мы приступили к съемкам.

И опять, как во времена работы «Семеро смелых», или «Комсомольска», или «Молодой гвардии», мы выбрались на места событий – на Северный Донец. Выстроили там, на хуторе Дичинском (где, к слову сказать, в свое время Преображенская и Правов снимали немую версию «Тихого Дона»), дома Мелеховых, Коршуновых, Астаховых, Кошевых, хуторскую церковь. Тут же неподалеку Дуленков поставил усадьбу Листницких со всеми службами. И пошла казачья жизнь!

Молодым казакам предстояло снова сесть на коней, о которых они уже порядком позабыли, надев современные пиджаки и шляпы. Во время подготовки кавалерийских сцен старые казаки корили молодых трактористов и комбайнеров, стыдили их, кивая на актеров и прежде всего на П. Глебова, который к тому времени успел срастись с конем, как истый казачина.

Сейчас, когда все это позади, мы спрашиваем себя: трудная ли это была работа? Да, наверное, нелегкая, если вспомнить, что надо было воссоздать казачью конницу, окопы Первой мировой войны, сцены в Петербурге, на станциях железных дорог, в Закарпатье, в казачьих станицах. И все же легкая! Потому что вся она была интересной для всех ее участников, интересной с начала до конца. Не было ни одной пустой сцены, где режиссеру приходится мучительно думать – как извлечь из пустоты нечто, как высечь из мякины живую искру, что еще так часто случается в кинематографе.

И вот наступила пора, когда мы повезли первые две серии «Тихого Дона» к Шолохову в Вешенскую. Из Ростова полетели на самолете – была весна, распутица. Сели неподалеку от станицы, прямо в чистом поле, за огородами.

А когда добрались до станичной площади, увидели картину необыкновенную. Станица буквально переполнилась людьми всех возрастов. Съезжались целыми семьями, толпились вокруг станичного клуба. Просмотры должны были проходить круглосуточно – столько собралось людей, желающих посмотреть «Тихий Дон». В битком набитом просмотрном зале все новые и новые зрители смотрели фильм, а на улице, прямо на площади, обсуждали.

Каждая новая работа завершалась встречей со зрителями. Но должен сказать, что ничего подобного по обширности встреч, по живости и приметливой остроте зрительских выступлений мы никогда не переживали до этой поры.

Три дня мы жили среди героев своего фильма, спали по два-три часа. О чем только не переговаривали, ну и пировали, конечно.

В апреле 1958 года сдали третью серию, и надо было начинать думать о новой работе. По замыслу это была история генерала Паулюса, которую я, между прочим, рассказывал Шолохову и которую он горячо одобрил. Это должна была быть совместная постановка с киноработниками ГДР, но ей не суждено было осуществиться. И я начал работать над фильмом «Люди и звери». Началом этой картины послужило партийное собрание во ВГИКе, посвященное одному из педагогов. Он был в немецком плену, побывал в гитлеровских лагерях и после скитаний по разным странам вернулся на родину. А теперь восстанавливался в партии.

При всей безыскусственности и простоте рассказа он произвел на нас очень сильное впечатление. Тамара Федоровна в ту же ночь последовательно записала весь рассказ и задумалась о его возможной экранизации. И вот через несколько недель она положила мне на стол свое либретто, где история человека, потерявшего родину, переплеталась с историей ленинградской блокады, где ведомые нам судьбы послужили прототипами героев фильма. Желание написать сценарий по этим материалам возникло у меня сейчас же, но я еще не был уверен, что сам буду ставить его.

Однако уже в процессе написания мне стало очевидно, что это и есть моя следующая работа. И когда я закончил сценарий, то уже отчетливо представлял себе, как разойдутся роли, имея в виду учеников нашей мастерской.

И опять предстояли поиски исполнителя главной роли. И опять помог случай...

Как бы то ни были важны для создания кинокартины сценарий и подготовительный период, судьба фильма все же решается на съемках. Правда, каждый режиссер справедливо скажет: если нет хорошего сценария, то даже самый гениальный художник не сделает нечто из ничего. Но известно также, что все лучшие замыслы сценариста и режиссера, все усилия коллектива могут быть сведены к нулю непродуманной, ленивой или бесталанной работой режиссера на съемке.

Съемка подобна сражению, какое проводит полководец по заранее продуманному плану, со всей надлежащей подготовкой. Однако в каждом сражении предусматривается и противник, его противостоящая воля. От режиссера, ведущего съемку, требуются ясность ума, живость воображения, быстрота ориентации и железная воля для того, чтобы объединить все разнообразные творческие силы в одном месте, в единое время, с единой целью. И наконец, необходимо точное знание своей задачи, страстная увлеченность ею, без чего режиссер-полководец не способен увлечь за собой весь коллектив.

Поэтому, приходя в павильон, режиссер – будь он даже многоопытным художником – испытывает всегда известный трепет, то неповторимое счастливое волнение, какое знает каждый, кто приступает непосредственно к самому творчеству, созиданию.

Он как бы вновь, объединяя силы с оператором, мысленно подсчитывает все свои художественные ресурсы. Их у него немало, и сейчас ему надо распорядиться ими с максимальной строгостью, умением, взыскательностью, мобилизовать и мысли и чувства, взвесить и продумать каждую возможность и найти ей наилучшее применение. Опытный режиссер никогда не приходит на съемку без какого-то уже сложившегося, продуманного плана. Однако развитая творческая фантазия неизбежно подскажет ему много нового и в поведении актера, и в уточнении обстановки, и в построении кадровой и монтажной композиции. Все это порой невозможно представить себе и учесть вне самого павильона.

Попробую восстановить в памяти съемку одной из сцен фильма «Тихий Дон». Это сцена возвращения из лагерей Степана Астахова. Сцена сни-

малась одной из первых, если не самой первой среди ста пятидесяти или двухсот, составляющих трехсерийный фильм по роману Шолохова.

Как выглядела съемочная площадка?

В одном из павильонов Студии имени М. Горького художником Б. Дуленковым была выстроена декорация куреня Астаховых. Прежде чем создать эту декорацию, художник провел несколько месяцев на Дону, зарисовал множество казачьих куреней и снаружи и внутри, со всем характерным убранством. Дом Астаховых Дуленков постарался восстановить в павильоне киностудии, пользуясь и своими непосредственными зрительными впечатлениями от пребывания на Дону и описанием, данным в романе Шолохова.

Разумеется, что декорация была продумана и выстроена сообразно с замыслами постановщика и оператора и не представляла для нас с В. Раппопортом неожиданности или загадки. Но одно – видеть декорацию в эскизе или плане, или даже в макете, другое – войти в нее, как в реально существующий дом, в котором тебе предстоит провести несколько напряженных трудовых дней, а то и недель.

Какие требования предъявляли мы художнику?

Прежде всего живописная выразительность декорации. Она должна стать слитой с жизнью людей, которые населят, обживут, освоят этот дом, имеющий все четыре стены, лишь со специально оставленными просветами для расстановки осветительных приборов.

Кроме того, умелое расположение декорации в пространстве. Декорацию надо расположить так, чтобы можно было снять общий план, то есть дать зрителю наиболее полное и реалистическое впечатление от облика всего жилища.

Затем режиссер и оператор ищут в декорации многообразия съемочных точек: монтажный строй эпизода должен быть подвижен и максимально выразителен. Требуется также выразительность фактур тех материалов (дерево, стекло и т. п.), из каких создана или какие изображает декорация. Очень важно впечатление достоверности и, так сказать, обжитости стен, будь они бревенчатыми или штукатурными.

Если в декорации дома есть печь, то эта печь должна быть сделана так, чтобы в ней можно было разжечь огонь, не театральный, из бумажных языков, поддуваемых вентилятором, а настоящий.

Режиссер и оператор требуют также (тем более когда речь идет о цветной картине) тщательного соблюдения цветовых (не говоря о фактурных) особенностей в отделке помещения, разнообразных деталях убранства, будь то половики, занавески, скатерти, одеяла и т. д.

Художник всегда сверяет декорации с эскизом, но взыскательность режиссера и оператора обычно идет дальше. И опытный художник, если он согласен с общим решением задачи, стремится как можно глубже понять режиссера и оператора и вместе с ними довести декорацию до ее наиболее реалистического, «живого» вида. Эта работа соединяется с процессом освоения съемочной площадки: и пока художник «доводит» павильон, режиссер и оператор приступают к разработке сцен.

В данном случае нам надо было найти и последовательно выразить следующие условия сцены: Аксинья, страстно и слепо влюбленная в Григория Мелехова, ждет возвращения мужа и предстоящей расправы.

Аксинья – глубокий и цельный характер, которому не свойственно при столкновении с жизнью прятать голову под крыло. Она не ждет чуда, а реально смотрит на свою жестокую участь. И все же в эту страшную минуту она счастлива своей любовью, какой исполнена вся без остатка. Она занята хозяйством: подоила корову и теперь, стоя в прибранной кухне, переливает молоко из подойника в крынки.

Нужно оговориться, что к этому времени натурная сцена возвращения казаков, а с ними Степана Астахова из лагерей еще не была снята. Отмеченная в режиссерском сценарии зеленым кружком, она еще ждала своей очереди и должна была сниматься с наступлением лета. Но все мы, работающие сейчас над павильонной сценой, должны были вообразить далекие песни въезжающих в хутор казаков, приближающийся цокот копыт, собачий лай, скрип ворот, возгласы встречающих. А вот тут, перед нами, в своей кухоньке Аксинья. Она не идет встречать. Весь хутор знает про ее позор, и она, готовая ко всему, ждет расправы у себя дома, и для того чтобы успокоить дрожащие руки, занята своим обычным делом, занята бездумно, механически, мысли ее путаются, двоятся между Григорием и Степаном.

С этого мы и решили начать сцену. Льется молоко из подойника в крынки спокойной белой струей, камера отъезжает, и мы видим уже не только руки Аксины, а всю ее, видим выражение ее лица – странное, замкнутое, с застывшей, окаменевшей улыбкой на устах.

Что выражает эта улыбка? Что нужно было рассказать об этом исполнительнице?

Такую улыбку мне не раз приходилось видеть в подобных обстоятельствах в детские годы, в моей деревенской жизни, и эти впечатления решительно и настойчиво пришли на память.

Улыбка эта означала примерно следующее: режь меня, бей до смерти, а счастье мое все равно во мне. В ней и упрямство, и безнадежность, и как бы усмешка над собой, словно бы разговор с кем-то, сидящим внутри тебя: «Ну что, плохо дело?» – «Плохо». – «Ну и пусть, и пропади все пропадом!»

Вот такая улыбка застыла на Аксиныных губах и не сошла до тех пор, пока ее не раздробил свирепый кулак Степана. Но до этого еще нужно было прожить целую долгую жизнь.

Таким образом, первый кадр был окончательно определен и выстроен нами по принципу неторопливого, как бы наблюдающего и анализирующего приближения глаза объектива к лицу Аксины.

Мы, взглядевшись в нее, поняли ее состояние и вместе с нею услышали тяжелый стук кованых сапог Степана Астахова по ступенькам крыльца. И тут камера, как бы вздрогнув вместе с Аксиной, как бы впервые оценив эту реальную, приближающуюся жестокую опасность, отпрянула от Аксины – и мы вновь увидели ее. Она все еще стояла над своей крынкой, держала подойник в руках, но уже помертвела от физического предощущения удара, боли, быть может, смерти... Мы увидели, как ноги ее подкосились, как она медленно опустилась на лавку.

На этом кончился первый кусок сложной монтажной фразы. Степан Астахов поднимается на крыльцо дома, входит в сени, тоскливо через стекло взглядывает на улицу, где весело и счастливо встречают казаков жены, дети, старики, отцы, матери. Он знает об измене Аксины и медлит переступить порог родного дома.

Но вот он, пересилив себя, оборачивается к двери и рывком открывает ее.

Павильон-кухня в доме Астаховых. Степан, склонясь под притолокой, перешагнул порог и, еще держась за скобу, выпрямился во весь свой крупный рост, смотрит на жену. Глаза его покраснели от бессонных ночей, пшеничные усы мелко дрожат.

И следующий кусок: Аксинья, не оборачиваясь, опершись о стол, смотрит куда-то мимо словно незрячими глазами, и все плывет на ее губах странная, затаенная улыбка. «Ну, Аксинья...» – говорит Степан, не отводя взгляда от жены, и тяжело ступает по скрипучим половицам.

И Аксинья, с трудом разлепляя губы, как во сне, произносит: «Не скроюсь, согрешила я перед тобой, бей, Степан».

Степан приближается, заносит руку словно бы для удара, но еще удерживается, не спешит с расправой. Он только снимает фуражку с головы и, как будто погрузнев, с опущенными плечами идет прочь, в горницу, и по тени видно: снимает там с себя шашку, вешает на гвоздь, подходит к широкой кровати и тяжело рушится на нее. Аксинья остается все в той же позе у стола, словно прислушиваясь к мыслям, беспорядочно мятущимся в голове.

Вся эта монтажная фраза снимается двумя кусками, которые позже нам предстоит разрезать и воссоединить в сложном монтажном порядке.

Первый кусок выстроен так, что центр его действия, смысловая ось, – фигура Степана, его лицо, его глаза. Смысловой осью другого куска является Аксинья – ее фигура, лицо, глаза.

Мы ведем съемку цельными, так называемыми сквозными кусками, чтобы не дробить работу актера, дать возможность ему наиболее полно прожить все смысловые и эмоциональные моменты. Съемка сквозными кусками облегчает и работу оператора, занятого выстраиванием кадра и установкой света.

Первая монтажная фраза, таким образом, закончена. Следующая фраза: Степан Астахов лежит на своей постели, лежит, как свалился, в пыльных сапогах, с тяжким, свинцовым выражением глаз.

Что нам нужно подчеркнуть сейчас?

Хозяин вернулся, а дом – чужой. И вот мы ставим камеру так, чтобы поместить Степана как бы во главе угла, основанием которого является общий вид комнаты с дверью на кухню, где заметна тень Аксины. В красном углу комнаты – иконостас, на одной стене – шашка, на другой – парадный мундир Степана, по углам стоят сундуки. Все говорит о житье-бытье хозяина, и во главе угла он сам, отвернувшийся от комнаты, обращенный лицом к киноаппарату так, что голова его со взлохмаченными, слепившимися волосами занимает целую треть экрана.

Как же достичь такого эффекта?

Вот тут вступает в действие новая сила, имеющая чрезвычайное значение в режиссерской и операторской разработке кадра, монтажного куска, монтажной фразы, – оптика.

Всякий фотограф-любитель знает, какую силу представляет оптика в отображении мира средствами фотографии. Фокусное расстояние объектива – это не только техническое условие съемки. От него зависит специфика художественного отображения и, если хотите, то или иное осмысление зрительного образа.

Если сравнить кадры, снятые оптикой с фокусным расстоянием 75 или 100 миллиметров, и кадры, снятые объективом с более коротким фокусным расстоянием – 25 или 18 миллиметров, то разница между ними огромная.

В первом случае, даже при достаточном отдалении от объекта, угол зрения получается очень суженный, и в кадре почти нет глубины. Резкость изображения сохранена только в плоскости самого объекта, а все остальное оказывается как бы в тумане, и чем глубже фон, тем более расплывчаты контуры.

Напротив, короткофокусные объективы способны при чрезвычайно широком угле зрения воспроизводить с максимальной резкостью всю глубину объекта наблюдения. Киноаппарат в этом случае приобретает зрительную способность молодого здорового глаза.

Другое дело, что широкий угол дает некоторое искажение перспективы. Однако если горизонт и расстояние от объекта выбраны правильно, искажение это может быть почти незаметно.

В иных случаях для усиления эффекта режиссер и оператор даже сознательно прибегают к искажению, как бы обострению перспективы, и достигают таким образом большей экспрессии, большей выразительности в композиции кадра.

В нашей съемке такое обострение имело место, и, повторяю, доминирующим элементом кадра оставалась голова Степана, вместилище всех его тяжелых дум.

Но вот он вздохнул устало и проговорил охрипшим голосом: «Не стряпалась ишо?»

Голос Степана долетел к Аксинье как будто сквозь пелену сна. Прежде чем понять смысл вопроса, она услышала этот голос, ударивший ее, словно гирей по темени. Какова же должна была быть ее реакция?

И опять в памяти возникла где-то когда-то виденная, полузабытая картина, и показалось единственно правильным подсказать актрисе такое действие: прежде чем понять, что спросил Степан, она услышала голос, восприняла его как удар в голову, схватилась за голову, потом закрыла руками рот, боясь, что вырвется произвольный вопль, и только уж затем овладела собою и произнесла негромко, все с той же вновь возникшей затаенной улыбкой: «Нет ишо».

Я привожу этот пример для того, чтобы попытаться проанализировать тот сложный ход мысли, какой неизбежно возникает в процессе режиссуры того или иного драматического куска.

Тут мы имеем дело с многочисленными элементами творчества, где важнейшую роль играет правильное самочувствие актера, глубокое и последовательное понимание им режиссерской задачи и одновременно с этим способность кинематографа запечатлеть актерское действие максимально, подробно и выразительно.

Дальше монтажная фраза развивалась следующим образом. Акси́нья, выведенная из оцепенения голосом Степана, бросается к шкафу за хлебом, задевает ногою за подойник, стоящий на полу, пугается металлического звука, подчеркнутого напряженной тишиной сцены, суетится у шкафа. Она достает хлеб, на секунду припадает пылающей головой к холодному стеклу дверцы, кладет хлеб на стол, и все время руки ее, выражая душевное смятение, мечутся бестолково и суетливо.

Но вот тяжело за скрипела в соседней комнате кровать. Степан перемахнул ноги на пол, встал и, скрипя половицами, вошел в кухню.

И мы видим, как Акси́нья вновь застыла в той же рабской и упрямой позе у стола, опять ждет удара, и голова клонится, жмурятся веки: сейчас, сейчас ударит!

Теперь мы смотрим на Степана. Он не спешит с расправой; стоит у стола, крестится, тяжело опускается на табурет. Перед ним миска с молоком, ложка, краюха хлеба на столе, нож. Акси́нья хватается за хлеб, хочет отрезать кусок для мужа. Степан, не глядя на нее, грубо вырывает краюху, затем отрезает хлеба сам, начинает есть. Ест не спеша, хозяйственно чавкая. Ходят скулы, шевелятся пшеничные усы.

Акси́нья, ощутив все неудобство и тяжесть своей позы, разрешает себе опуститься на скамью, но тут Степан ударом свинцового взгляда запрещает ей садиться. Она вновь выпрямляется и стоит в прежней позе, опершись руками о стол, голова ее клонится ниже и ниже, а улыбка все не сходит с губ.

Степан похлебал молока, облизал ложку, аккуратно положил на стол, обтер пальцы.

Мы продолжаем смотреть на него и даже приближаемся к нему, сосредоточивая все свое внимание на свинцовых глазах. Степан делает движение подняться, и камера чуть отступает, чтобы охватить размах могучих, железных плеч и показать, как поднимается его сжатая в кулак рука. Камера еще отступает, и в кадр входит Акси́нья, полумертвая от ожидания удара казнящей руки. Теперь в кадре два лица.

Степан говорит: «Ну, расскажи, миляга, как мужа ждала, как мужнюю честь берегла».

Усы его дрожат, глаза натекают бешеными, скорбными слезами.левой рукой он схватывает Аксиныю за ворот кофты, а правой, сжатой в кулак, словно молотом, бьет ее в висок.

От этого удара Аксинья отлетает через раскрытую дверь в сени, рушится под лавку, ударяясь всем телом о стену, так что со стены с грохотом сыплются развешанные на гвоздях тазы, корыто, деревянные решета. Как же нужно было все это снять, чтобы сохранить всю выразительность и достоверность этой сцены и в то же время избежать увечья актрисы?

Тут на помощь режиссеру приходит монтажное кинематографическое действие.

Момент удара снимался следующим образом. После того как Степан, взяв Аксиныю за ворот, занес руку для удара, мы прервали съемку.

Следующий кусок снимался с точки зрения Аксины, и Степан наносил свой страшный удар в воздух, так что кулак приходился совсем рядом с объективом аппарата. Далее съемка шла с точки зрения Степана. Аксинья отлетела от удара, падая за рамку кадра, где ее подхватили на руки специально поставленные там люди. Однако движение Аксины нужно было имитировать со всей достоверностью. Поэтому актрису очень сильно толкнули в плечо, и если бы ее не подхватили в момент падения, то наверняка такое падение стоило бы ей серьезного увечья.

Следующий кусок – актриса уже лежала под лавкой, как бы заброшенная туда могучей силой удара; а мы, продолжая имитировать момент ее падения, ударом в стену сбросили на пол все развешанные на стене предметы.

Если бы теперь посмотреть на экране все эти разрозненные куски в том порядке, как они были сняты, они оставили бы хаотическое впечатление – каждый кусок в отдельности представлял бессмысленное и маловыразительное действие.

Когда же все эти куски выстроятся в продуманную и связную монтажную фразу с точным расчетом всего действия по секундам, с так называемой сквозной энергией действия, эта фраза выразит все содержание действия, весь его темперамент, его прямую физическую силу.

Этот прием может объяснить принцип монтажного действия, к которому кинематографу приходится прибегать в решении динамических сцен, будь то сражение, погоня, драка.

И таких решений, разумеется, было немало в фильме «Тихий Дон», где добрая половина действия связана с войной, с атаками конницы и иными динамическими массовыми сценами.

Как видно из приведенного мною эпизода, способы такого монтажного дробления для последующего воссоединения на монтажном столе требуют кропотливой разработки в режиссерском сценарии и создания на съемке специальных производственных условий, которые по возможности должны исключить какой-либо риск для исполнителей. Хотя все же следует оговориться, что в процессе съемки жизнь вносит иногда свои неожиданные коррективы. Понесет лошадь, напуганная пиротехническим взрывом, увлеченный исполнитель не заметит приближающейся к нему автомашины, кто-то споткнулся и упал, а на него во весь опор летит конница, — таких случаев, к сожалению, немало.

Определенный риск, опасность часто сопутствуют работе киноактера. Именно поэтому актеры кинематографа еще в процессе обучения приобретают навыки в разнообразных физических дисциплинах. Они очень много занимаются акробатикой, легкой атлетикой, боксом, фехтованием и специально обучаются верховой езде, плаванию.

Если в театре, даже наиболее современном, взыскательно относящемся к технике движения актера, в динамических сценах применяются различные условные приемы, то в кинематографе такая условность совершенно исключена.

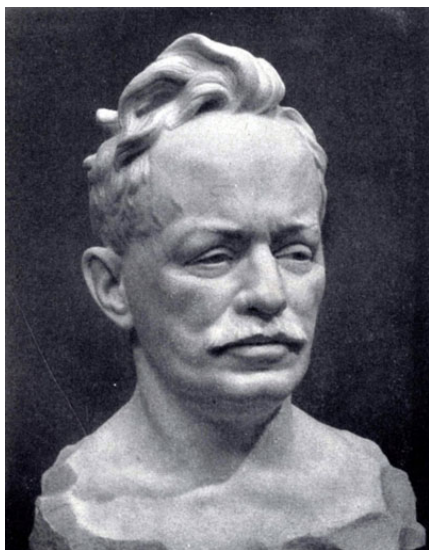
С этим нам пришлось столкнуться, например, в сцене драки между Степаном и братьями Мелеховыми.

При всех монтажных возможностях сцены необходимо было достичь реальной энергии самих ударов, что далось не сразу. Актеры стеснялись, стремились сделать удары невесомыми, и это продолжалось до тех пор, пока мы в самой резкой, решительной форме не потребовали настоящих, сильных ударов. И только тогда, когда партнеры почувствовали реальный вес кулака,

драка приобрела нужный градус злости, ожесточения и смогла стать предметом монтажной съемки.

При решении больших драматических сцен у кинематографа есть еще одно неповторимое преимущество. Это – монтажная детализация действия, способная усилить и обогатить само действие, обострить его силу, придать ему ритмическую точность и красоту.

В сложной монтажной фразе зритель может не заметить ту или иную обогащающую действие выразительную деталь. Но если подробно проследить кусок за куском, скажем, развитие казачьей атаки в фильме «Тихий Дон» или вступление в захваченный австрийский городок, можно будет рассмотреть такие на первый взгляд случайные элементы действия, как мчащаяся навстречу коннице земля (снятая оператором ручной портативной камерой с автомобиля), разрывы падающих снарядов (снятые в разное время, в разных местах, но смонтированные затем в едином нарастающем потоке), и снятый крупным планом бегущий от конницы австриец, и нависшие пики, и вздымающие пыль копыта, и подстреленный конь, вместе со всадником рухнувший наземь, и ощеренные рты атакующих казаков, и мелькающие мимо разбитые окна домов, и мечущаяся теперь посреди мостовой фигура смертельно перепуганного, вконец растерявшегося австрийца...

*Евгений Вучетич,
советский скульптор-монументалист,
педагог, профессор*

Художник и жизнь

<...> Встреча для первой беседы о создании портрета произошла у меня с Михаилом Шолоховым летом 1958 года в Ростове-на-Дону в гостинице «Московская».

Случилось так, что наши гостиничные номера оказались рядом. Это частное обстоятельство ускорило встречу, которая на первый раз вылилась, в общем, в не очень продолжительную беседу. Шолохов немножко шутил. Потом он сказал:

– Ну, ладно, раз решили увековечиться, давай начнем. И посмотрим, что из этого получится.

Работа над его портретом оказалась чрезвычайно тяжелой. Дело в том, что в Вешках, где живет Михаил Александрович, делать портрет было невозможно, в Москве – тем более. Поэтому единственно подходящим местом, где бы с ним можно было относительно спокойно встречаться, был Ростов. Туда я привез глину и даже каркасы, сделанные в Москве. Однако работа оказалась тяжелой, потому что все время у Шолохова толпился народ.

Являясь депутатом Верховного Совета СССР, он не только выполняет свои депутатские обязанности, не только живо интересуется жизнью Ростовской области, но все время, буквально непрерывно кому-то в чем-то помогает. Таким образом, за ним непрерывно тянется вереница разных людей.

...Вот он сидит в кресле немножко усталый, говорит мало, больше слушает, изредка слегка ухмыляясь в усы.

Народ непрерывно галдит, и каждый из присутствующих считает своим долгом подойти ко мне, спросить, что я делаю, хотя отлично видит – что. И уже совершенно обязательно каждый считает своим долгом дать хоть какой-нибудь совет.

Шолохова я знаю очень давно. Впервые мы познакомились в 1933 году, когда он приезжал на строительство ростовского театра. Тогда это был молодой, худенький человек, в потертой кожаной тужурке. Он ходил и внимательно слушал рассказ начальника строительства А.М. Стамблера, подробно рассказывавшего писателю о том, каким будет ростовский театр.

Прошли годы, даже десятилетия. Теперь Шолохов выглядел совершенно другим. Спит он удивительно мало. И это давало возможность проводить у него время утром, днем и вечером, захватывая порой даже ночные часы.

Однажды получилось так, что посетители разошлись часам к одиннадцати, и мы с ним остались, наконец, вдвоем.

Я был несказанно этому рад, так как понимал, что наступило время для настоящей работы, которая завтра с утра обязательно будет снова кем-нибудь прервана.

Мы пробыли с ним вместе до утра. Это была незабываемая ночь.

Он сидел в кресле, покачивая большой и как будто тяжелой головой. Говорили о разном. Я задавал вопросы. Шолохов, словно процеживая каждое слово, каждую мысль, отвечал медленно. Постепенно разговор перешел на литературные темы, а затем мы стали вспоминать. Шолохов рассказал, как он ведет работу над книгой «Они сражались за Родину». Потом он поведал одну удивительную историю, о которой говорил до рассвета. Когда он закончил, я спросил:

– Зачем вы рассказали мне это? Ведь когда-нибудь вы можете захотеть написать об этой истории. А я преждевременно расскажу о ней людям. Что будет тогда?

– Да. Это верно, – после долгой-долгой паузы отозвался Шолохов.

Тогда я снова спросил его:

– Очевидно, я должен буду пообещать вам никому ничего не рассказывать до тех пор, пока вы не напишете об этом сами?

Он опять долго молчал, покачивая своей тяжелой, красивой головой. Потом сказал:

– Да нет. Если тебе когда-нибудь захочется, если ты почувствуешь, что это будет интересно людям, можешь рассказать.

Потом помолчав, иронически улыбаясь, он добавил:

– Ну, разве кто-нибудь сможет рассказать об этой истории лучше, чем о ней напишет Шолохов? Конечно, расскажи. Я разрешаю, если это тебе сильно захочется...

Если бы я не был художником, которому довелось в жизни работать над созданием в скульптуре образа писателя Михаила Шолохова, я никогда не воспользовался бы таким его разрешением. Ни за что никому не рассказал бы об этой удивительной истории.

Но, создавая образ великого советского писателя Михаила Шолохова, я понял, что именно эта история, рассказанная им самим, по-настоящему глубоко раскрыла мне сущность автора «Судьбы человека».

Если бы Шолохов не рассказал мне этой истории, я наверняка в его портрете недорешил бы своей задачи очень во многом. Я просто-напросто недопонял бы Шолохова. И теперь, вспоминая ту ночь, я не уверен в том, что именно эту историю рассказал мне Шолохов просто так.

По поводу его портрета между нами были не то чтобы разногласия, но, во всяком случае, разговоры. В конце концов мы пошли на компромисс. И я обязан рассказать обо всем этом именно тем людям, которые любят Шолохова, чтобы они правильно поняли и мою работу, чтобы высказали по поводу портрета Шолохова свое мнение, оценили, правильно ли я решил образ этого великого советского писателя и донес ли замысел до сердец человеческих.

Итак, вот она, эта история, рассказанная мне писателем Михаилом Шолоховым.

– Жил один казачишка, невзрачный такой. И на казака-то он толком похож не был. Но что поделать – таким уродился. Жил он в какой-то станице, что-то делал, к чему-то, наверное, стремился, а может быть, и не очень стремился. Как бы то ни было, жил он себе, жил, пока не грянула Великая Отечественная война. Ну, сам знаешь, дружок, раз война, значит – все на фронт. Мой казачишка тоже: он ведь не хуже других. Хоть и невзрачный на вид, но духовно-то ведь он как все. Ну, сперва отступали. Очень многие, как известно, поначалу в окружение, а потом в плен попали. Таким образом, оказался в окружении и наш герой. И вот он на территории, оккупированной противником.

Сообразив, переделся быстро в гражданское и ну толкаться по базарам, да в оба глядеть, как наш народ при фашистах жить стал. И не понравились ему новые порядки. А тут облавы начались. Ну, сам знаешь, кому охота в комендатуру, а потом в концлагерь попасть, и решил мой казачишка во что бы то ни стало к своим пробиваться. И если придется жизни лишиться, то умирать с одним условием, чтобы только на родной земле. Рассудив таким образом, потопал он потихоньку по направлению к востоку. А как тебе известно, в первые месяцы войны фронт за сутки по 30–40 километров продвигался. А наш казачишка за это же время более пяти-шести километров сделать не мог. А почему? Сам знаешь, идет ведь ночью, а днем отсыпается где-нибудь или во ржи отлеживается, чтобы враг не заметил.

Лежит, значит, он и видит, как с востока на запад наших в плен гонят под конвоем автоматчиков с собаками. Вообще много кое-чего повидал он в это трудное время. И чем больше шел на восток, тем больше в нем уверенность рождалась, что дойдет обязательно и если придется помирать, то только на родной земле.

До такого он состояния дошел, что на зверя стал похож, облик человеческий потерял. Когда немоготу становилось, подваливался к какой-нибудь нашей молодухе на 2–3 ночки. Вот тебе и все бабье счастье, дружок. Одна его за это обстирает, накормит, напоит. Другая и в дорогу даст чего-нибудь. Таким способом шел он, шел и протопал 900 километров, без малого, значит, тысячу верст отмахал.

Труднее всего было через дороги переходить: кругом патрули. Беда, да и только. Уж таких страстей навидался, что и передать невозможно.

Долго ли, коротко шел мой казачишка, но пришло время, добрался он, наконец, до линии фронта. А как подошел к фронтовой полосе, так ты, человек военный, сам знаешь, что это такое. Артиллерию гонят, резервы подтягивают, всякое снаряжение, боеприпасы, продовольствие. Обратно раненные бредут. Движение машин взад-вперед. Словом, верст на пятьдесят вороне пролететь незамеченной невозможно. А ему во что бы то ни стало всю глубину фронта пройти нужно. Не буду тебе долго рассказывать о том, как сложно все это было. Только до того дошло, что, бывало, за сутки не более ста метров проползать удавалось.

Даже такой случай, между прочим, был. На часового наткнулся ночью. Пришлось ликвидировать, чтобы тихо было. И опять ползком все вперед да вперед. Словом, как ни тянулось время, но пришел конец: в одну туманную, дождливую ноченьку оказался наш герой на берегу реки. На той стороне – наши.

Фашисты беглым огнем обстреливают. Дождь вперемешку со снегом идет. Ни зги не видно.

Дождался глубокой ночи, улучил минуту и... бултых в воду. Дурной! Столько пережил. Столько прошел, чего-чего только не насмотрелся, а тут вместо того, чтобы тихонько спуститься, – бултых! Видно, нервы не выдержали. Фрицы ураганный огонь открыли. А вода до того холодная, что аж огнем жжет. Деваться некуда. Плыть надо. По воде лучи прожекторов забегали, того и гляди обнаружат. Прямо беда. Наберет воздуха, нырнет, под водой подержится сколько возможно, опять выскочит из воды, снова вдох и опять под воду.

Уж до того намучился, пока из зоны ружейного огня выплыл, и не рассказать...

В это время рассвет брезжить начал. Ну, думает, отмучился.

Вдруг наши на воде человека обнаружили, огонь, значит, открыли. И впервые наш с тобой казачишка испугался всерьез. В самом деле: ведь свои убьют и спросить не с кого.

Шолохов замолчал и очень долго покачивал головой, издавая какие-то звуки, как будто говорил сам с собой на непонятном мне языке. Я долго сидел как зачарованный, переживая рассказанное и наблюдая за ним. Потом, когда молчание показалось мне уж слишком тягостным, я осторожно спросил его:

– О чем это вы, Михаил Александрович?

– Да как же, – ответил он, – ведь вот какой-нибудь не очень умный писатель насочинял бы, что вот, мол, наши воевать не умеют: по своим бьют. Но ведь ты же понимаешь, Женюша, война идет! Все, что перед тобой движется, – бить надо! На то война.

Шолохов сделал паузу, а я в это время подумал: «Например, Дудинцев...»

– И почувствовал наш казачишка, что толкнуло его чем-то в левую руку. Ранили. Испугался, но плыть продолжает. Скоро берег, уже очертания деревьев видны. Дрожит от боли и от радости родненький, а от страха – еще больше. «Убьют, окаянные, – думает, – ей-ей убьют. Что тогда делать? Неужто до своей земли не дотяну?»

Второй толчок – уже в правое плечо. Плыть не может. Повисли обе махалки его, как плети. Перевернулся на спину. Ногами отталкивается. Думает: «Нет, доплыву, скоро дом...» И когда третья пуля в голову стукнула, опрокинулся было, но тут ногами дно достал. Совсем светло стало. Смотрит – люди бегут. Пригляделся... Свои!

Превозмогая адскую боль, попытался махнуть руками, чтобы не стреляли больше. И когда стал выползать совсем на берег, почувствовал, что сознание туманится. Испугался этого до невозможности. Кое-как из неподобающего места вытащил зашитый в грязную тряпку партийный билет. Развернуть не успел, потому что упал на песок замертво.

Солдаты подбегают, видят – человек лежит. В руке что-то завернутое держит. Развернули... Партийный билет. Смотрят, ничего не понимают. Подошел молодой лейтенант, политрук. Солдаты к нему:

– Товарищ политрук, как же так? Убитый лежит, партийный билет в руке держит, а на лице улыбка. Что бы это все значило, товарищ лейтенант?

Лейтенант задумался. Что же ответить ребятам?

Выручил, как всегда, бывалый.

– Я думаю, ребята, – сказал он, – дело это, наверное, так было. Человек поставил себе боевую задачу жизни, чтобы только на родной земле помереть, и раз он эту задачу выполнил, то и помер спокойно, с улыбкой.

Шолохов снова замолчал. Я видел, как у него внутренне просветлела душа, хотя внешне он продолжал казаться хмурым и даже суровым.

Я помолчал тоже. Потом он медленно поднял низко опущенную голову и добавил:

– Вот, Женюша, какие дела были. Не хотели наши люди на чужой земле помирать.

Сказав это, Шолохов снова низко опустил голову.

Чтобы сдержать волнение, дошедшее до крайней степени, я вышел на балкон и, опершись о похолодевшие перила, почувствовал, как окунаюсь в прохладу южной ночи... Постепенно мои нервы стали успокаиваться.

Не помню, сколько тогда прошло времени, только до моего слуха начали долетать обрывки каких-то фраз. Прислушался. Разговор. Бесшумно войдя в комнату, я обнаружил, что Шолохов, видимо, не заметивший моего отсутствия, продолжает о чем-то рассказывать и, как бы дирижируя невидимым оркестром, делает руками округлые движения в воздухе.

Прислушался...

– ...Ходил я, ходил вокруг этого проклятого танка и никак не мог отойти от него. Будто беду почуял.

– А где это было? – спросил я, чтобы хоть чуть-чуть уловить нить его, видимо, нового рассказа.

– Ну, я же тебе говорю: на охоте. Все разбрелись. Я один остался. Ходил, ходил, смотрю – фашистский танк. Сгоревший. Весь он аж красный от ржавчины. Ну, я походил вокруг, потом постоял немного и уже хотел было уходить, как вдруг...

Шолохов долго ничего не говорил.

Мне даже показалось, что мысли унесли его куда-то совсем далеко.

– И вдруг вижу, Женюша, родной ты мой, это ведь ужас! Из гусеницы, в засохшем коме земли виднеется спутанная седая прядь женских волос. Меня даже в жар бросило. Рассмотрел. Сантиметров тридцать – сорок длины.

Шолохов показал руками это расстояние.

– Ты понимаешь, – продолжал он, – седая прядь. Коса женская. В гусеницах танка. Что же там произошло? Это просто ужас! Ведь это он, мерзавец, раздавил танком голову матери... Кем же был до войны этот зверь, о чем мечтал, чем думал заняться в жизни? Боже мой!.. Я захотел увидеть лицо той немецкой женщины, что произвела на свет такого мерзавца. И предполагала ли она, кем вырастет ее сын?!

Шолохов опять умолк.

– Ну вот, – как будто бы встрепнулся он, – с тех пор прошло много времени, а случай этот никак не выветривается из моей памяти. Все думаю я над тем, как же все-таки произошло это зверство. Если соображу, может быть, в «Они сражались за Родину» главой вставлю или рассказ напишу.

Незаметно пришло утро. Шолохов отправился, как он выразился, прилечь на часок, а я снова вернулся к своей работе.

Однако прежде, чем взять в руки глину, я стал долго, внимательно, другими глазами смотреть на портрет. И я подумал, что для настоящего, глубокого понимания сущности шолоховского гуманизма и масштабов его поразительной духовной красоты мне, как художнику, минувшая ночь дала больше, чем «Тихий Дон», «Поднятая целина» и даже «Судьба человека», вместе взятые.

Когда работа над этим трудным портретом была окончена, я сообщил об этом Шолохову.

– Тогда давай посмотрим, – сказал он, ухмыляясь в усы.

Встал из-за стола и, обойдя вокруг скульптуры, начал ее внимательно рассматривать, прищуривая то один, то другой глаз и наклоняя голову то на одно плечо, то на другое.

– О чем же он думает? – кивнул Шолохов в сторону портрета.

– О судьбе человека.

– Так, так. Мрачная, значит, она – эта судьба у человека.

– А чему радоваться?

Шолохов помолчал.

– Жизни, – тихо сказал он.

Опять долго длилась пауза.

– Ну ладно, Женюша, а как же насчет нашей с тобой ухмылки?

– Какой ухмылки?

– Как какой? Казачьей.

– Не будет ухмылки.

– Как же так?

– Нечему ухмыляться.

Шолохов так откачнулся, будто его кто-то силой принудил сделать это.

– Но ведь казак не может иначе. Если он даже помирать будет, все равно с ухмылкой в усах.

– Не будет, Михаил Александрович, ухмылки, потому что ухмыляться нечему, – упорствовал я.

– Ну-ну, – сказал он. – Ты художник. Тебе видней.

Через несколько дней Шолохов улетел в Вешенскую. Мы его провожали. Перед самым вылетом, когда кончились прощания и осталось убрать трап, Шолохов появился в дверях самолета и поманил меня пальцем. Я поднялся в машину.

– Женюша, – сказал он тихо, доверительным тоном, – ну как же все-таки без ухмылки?

У него были такие глаза, что описать их невозможно.

– Михаил Александрович, родной, ведь ухмылка будет главой из другой книги.

– Ты думаешь? – спросил он серьезно. – Ну-ну. Может быть, ты по-своему прав. Только, я думаю, было бы правильно поступить так, как это в старину делали казаки на базарах.

– Это как же? – поинтересовался я.

– Да очень просто: грех пополам – и крышка. По рукам ударили, и дело сделано.

– Как-как?

– Господи! Ни тебе, ни мне. Пополам грех: ухмылку, – не в оба уса, а – под один. Ну, понял, наконец?

– Понял. Договорились! Ни вам, ни мне. Пополам грех. Тем более, что ведь это в общем-то мелочи.

– Давай руку, – сказал он весело.

Я подал. Шолохов пожал ее. И потом, когда мы крепко обнялись, он, будто невзначай, обронил прямо мне в ухо:

– А что, Женюша, можно, как говорят люди, увидеть целый мир в капле воды?

– Конечно.

– Тогда запомни: нет мелочей ни в жизни, ни в искусстве.

Вернувшись с аэропорта, я позвонил Ю.А. Жданову¹ и попросил его срочно приехать ко мне в гостиницу.

Когда он вошел, я передал ему буквально весь разговор с Шолоховым по поводу ухмылки.

– Садитесь, – попросил я его, – и следите, чтобы я не испортил.

Собравшись с духом и осторожно приложив палец к левому уголку рта, я тихонько нажал кверху.

Юрий Андреевич схватил меня за руку:

– Не трогайте больше, получилось то, что нужно.

Однажды Шолохов, делая мне надпись на своей книге, закончил ее такими словами: «...от мрачного в твоём творческом видении Шолохова».

Я обиделся. Тогда он засмеялся, отобрал книжку, заключив слово «мрачного» в кавычки, вернул ее обратно.

Теперь всякий раз, когда я смотрю на портрет Шолохова, я испытываю чувство, что неповторимая казачья ухмылка у него затаилась не только в левом уголке рта, но и в левом глазу.

Когда в 1959 году в Ростове-на-Дону была открыта выставка моих работ, мы с Юрием Андреевичем Ждановым, рассматривая экспозицию, остановились у портрета Шолохова. Вспомнив историю с ухмылкой, мы пришли к выводу, что Михаил Александрович был тогда прав...

¹ Юрий Андреевич Жданов (20 августа 1919 года, Тверь — 19 декабря 2006 года, Ростов-на-Дону) — советский и российский учёный, ректор Ростовского государственного университета в 1957—1988 годах.

IV. ДЛѢ ВНЕКЛАСНОЙ РАБОТЫ

*Л.В. Володина, научный сотрудник
Государственного музея-заповедника
М.А. Шолохова*

Конкурс знатоков романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» **(для учащихся 10-11 классов)**

Цель: углубление знаний школьников о жизни и творчестве М.А. Шолохова, воспитание любви к своей малой родине – Вёшенской земле.

Оборудование: карточки с тестами, с отрывками из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», с текстами описания степи, с вопросами для викторины, аудио-видеотехника.

Ход конкурса

Ведущий:

Разрешите представить состав жюри. *(Идёт представление состава жюри).*

Первым заданием конкурса будет письменный тест. Каждый из вас получит карточку с заданиями, в которой вы укажете название школы, в которой вы учитесь, свои фамилию, имя. В каждом тесте 25 вопросов по содержанию романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и несколько вариантов ответов. Нужно выбрать и выделить правильный ответ. На выполнение задания отводится 5 мин.

I. Тест

1. В каком году состоялся литературный дебют Шолохова М.А.?
а) 1922; б) 1923; в) 1925.
2. В каком писательском объединении состоял Шолохов?
а) Пролеткульт; б) РАПП; в) «Перевал»
3. В каком журнале печатались первые главы романа «Тихий Дон»?
а) «Октябрь»; б) «Новый мир»; в) «Дон».

4. Кто из писателей помог Шолохову опубликовать первую книгу романа?
а) *А. Фадеев;* б) *М. Горький;* в) *А. Серафимович.*
5. Кто автор оперы «Тихий Дон»?
а) *Д. Шостакович;* б) *И. Дзержинский;* в) *Р. Щедрин.*
6. В каком году Михаил Александрович получил Нобелевскую премию?
а) *1958;* б) *1965;* в) *1974.*
7. В каком году начинается действие романа «Тихий Дон»?
а) *1912;* б) *1913;* в) *1914.*
8. Как звали мать Григория Мелехова, Ильиничну?
а) *Мария;* б) *Василиса;* в) *Евдокия.*
9. Когда состоялась свадьба Григория и Натальи?
а) *на Пасху;* б) *в мясоед;* в) *на Рождество.*
10. В каком полку начинает службу Григорий?
а) *в Атаманском;* б) *в 12-м Донском;* в) *в 11-м гусарском Изюмском.*
11. Где получил Григорий свое первое ранение?
а) *под г. Каменка-Струмиловом;* б) *под г. Луцком;*
в) *под г. Новороссийском.*
12. Обладателем каких наград стал Григорий в период Первой мировой войны?
а) *Георгиевский крест 4-й и 3-й степени;* б) *«Полный бант» (Георгиевский крест всех четырех степеней);*
в) *Георгиевское оружие «За храбрость».*
13. Какое звание получил Григорий после отстранения от командования дивизией в период расформирования повстанческих частей?
а) *полковник;* б) *младший урядник;* в) *сотник.*
14. Каким воинским подразделением командовал Григорий в Конной армии Будённого?

а) взводом; б) эскадроном; в) дивизией.

15. Кем Аксинья нанимается служить в Ягодном?

а) горничной; б) прачкой; в) черной стряпухой.

16. В какой стране оказался Степан Астахов, попав в плен?

а) в Австрии; б) во Франции; в) в Германии.

17. В какой войне участвовал Прокофий Мелехов?

*а) в Русско-турецкой 1818 – 1829 гг.; б) в Крымской;
в) в Русско-турецкой 1877 – 1878 гг.*

18. Какова рабочая специальность Штокмана?

а) слесарь; б) машинист; в) кузнец.

19. Где получил образование Евгений Листницкий?

*а) в учительском институте; б) в Московском университете;
в) в кадетском корпусе.*

20. В каком из исторических событий участвовал Евгений Листницкий?

а) Брусиловский прорыв; б) взятие Перекопа; в) Ледяной поход.

21. Что подарил командир конной разведки Михаилу Кошевому после взятия Таганрогским полком станицы Каргинской?

а) именной револьвер; б) часы с цепочкой; в) шашку.

22. С кем из земляков Григорий Мелехов поступил в армию Будённого?

а) с Прохором Зыковым; б) с Христоней; в) с Аникушкой.

23. Кто из жителей хутора Татарский получил офицерский чин?

*а) Григорий Мелехов, Прохор Зыков, Илья Бунчук.
б) Григорий и Петр Мелеховы, Митька Кориунов.
в) Григорий и Петр Мелеховы, Евгений Листницкий.*

24. Кто из названных героев может быть отнесен к «иностранцам»?

а) Федот Бодовсков; б) Валет; в) Семен Ахvatкин.

Ответы к тесту:

1 – б	9 – б	17 – б
2 – б	10 – б	18 – а
3 – а	11 – а	19 – в
4 – в	12 – б	20 – в
5 – б	13 – в	21 – б
6 – б	14 – б	22 – а
7 – а	15 – в	23 – б
8 – б	16 – в	24 – б

II. Узнайте героя по литературному портрету

(Ведущий читает отрывки из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и предлагает участникам конкурса узнать по описанию героя произведения. Отвечает тот, кто первым поднимает руку. За каждый правильный ответ участник конкурса получает 1 балл).

а) «Под черной стоячей пылью коклюшкового шарфа смелые серые глаза. На упругой щеке дрожала от смущения и сдержанной улыбки неглубокая розовеющая ямка. Григорий перевел взгляд на руки: большие, раздавленные работой. Под зеленой кофточкой, охватившей плотный сбитень тела, наивно и жалко высывались, поднимаясь вверх и врозь, небольшие девичье-каменные груди». *(Наталья).*

б) «На большом, чуть рябоватом выбритом лице его светлели заботливо закрученные усы, смоченные волосы были приглажены расческой, возле мелких ушей взбиты, с левой стороны чуть курчавились начесом. Он производил бы приятное впечатление, если бы не крупный приподнятый нос да глаза. На первый взгляд не было в них ничего необычного, но, присмотревшись, Григорий почти ощутил их свинцовую тяжесть. Маленькие, похожие на картечь, они светлели из узких прорезей, как из бойниц, приземляли встречный взгляд, вlepлялись в одно место с тяжелым мертвячим упорством». *(Фёдор Подтёлков).*

в) «Она была... полна той тугой полнотой, которая присуща всем здоровым, физического труда девушкам, – может быть, немного сутула и, пожалуй, даже некрасива, если б не большие синие глаза, диковинно красившие всю ее... У неё от напряжения (неловко было управляться с волосами не скинув платка) чуть шевелились просвеченные низким солнцем розовые ноздри. Линии рта были мужественны и в то же время – детски нежны. На приподнятой верхней губе темнел крохотный пушок, четче оттеняя неяркую белизну кожи». *(Анна Погудко).*

III. Узнайте героя по речевой характеристике

(Ведущий читает отрывки из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и предлагает участникам конкурса узнать героев произведения. Отвечает тот участник, который первым поднимет руку. За каждый правильный ответ участник конкурса получает 1 балл).

а) «Гляжу на Дон, а на нем зыбь, и от солнца он чисто серебряный, так и переливается весь, аж глазам глядеть на него больно. Повернусь кругом, гляну – господи, красота-то какая! А я ее и не примечала». *(Дарья).*

б) «Здорово, односумка! Здорово! Живую тебя видать! А мы уж думали, что ты дуба дала в энтот поселке. Ох, и тяжелёхонько ж ты лежала... Ну, как он, тифок, прихорашивает вашего брата? А меня, вот видишь, как белые поляки обработали, в рот им дышло!» *(Прохор Зыков).*

в) «Ежели не вернусь к осени – управляйтесь без меня; зяби вспашите, сколько осилите, жита посейте хучь с десятину. <...> Война войной, но без хлеба жить тоже скучно. Ну, храни вас Господь!» *(Пантелей Прокофьевич).*

г) «А ботинок, стал-быть, на мою ногу не нашлось... В английской державе, под ихними людьми, таких ядреных ног нету... Мы же пашаницу сеем и едим, а там, небось, как и в России, на одном жите сидят. Откель же им такие ноги иметь?» *(Христоня).*

д) «Мы ось с тобой шепчемся, як гуси у камыши, а гавкни ризко – и пид пулю. Чёрная глухота у народи. Война его побудить. Из хмары писля грому дощ буде...» *(Гаранжа).*

е) «Всех, кто поднимет на рабоче-крестьянскую власть вооруженную руку, мы истребим! Ваши хуторские казаки, расстрелянные по приговору ревтрибунала, были нашими врагами. Вы все это знаете. Но с вами, тружениками, с теми, кто сочувствует нам, мы будем идти вместе, как быки на пахоте, плечом к плечу». *(Штокман).*

IV. О ком из героев говорят?

(Ведущий читает отрывки из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и предлагает участникам конкурса ответить, о ком из героев романа идёт речь, а отвечает тот, кто первым поднимет руку. За каждый правильный ответ участник конкурса получает 1 балл).

а) Пантелей Прокофьевич: «Она от работы хоронится, как собака от мух, а сама все норовит сладкий кусок сожрать да увятыться на игрища». *(О Дарье).*

б) Дуняшка: «А ты знаешь... ежели она узнает, что он взаправду помер, – она от тоски сама помрет. Жизнь-то от нее уж отошла, одна зацепка у ней – Григорий». *(Об Ильиничне)*.

в) Мавра: «Хоть бы баба была, а то так... Ни заду, ни пуза, одна страма... В стану – перервать можно, как оса; глазюки – черные, здоровющие, стригеть ими, как сатана, прости бог». *(О жене Прокофия Мелехова)*.

г) Листницкий: «Меня удивляет то обстоятельство, что в среде нашего офицерства есть такие вот... субъекты. Удивляет – потому, что до сих пор мне не ясно его отношение к родине, к войне... Однажды в разговоре он выразился очень туманно, но все же достаточно ясно для того, чтобы понять, что он стоит за наше поражение в этой войне». *(О Бунчуке)*.

д) Ильинична: «И службу-то себе какую нашел: нет чтобы, как и другие казаки, в верных частях служить, а он – вишь! – поступил в казнительный отряд! Да разве ж это казацкое дело – казнителем быть, старух вешать, да детишек безвинных шашками рубить?!» *(О Митьке Коришунове)*.

е) Котляров: «А ты на холостом ходу работаешь. Куда ветер, туда и ты, как флюгерок на крыше. Такие люди, как ты, жизнь мутят». *(О Григории)*.

V. Работа с видеоматериалами

Демонстрируются несколько фрагментов из кинофильмов «Они сражались за Родину», «Тихий Дон», «Судьба человека». Ведущий предлагает участникам конкурса определить, какой из отрывков относится к фильму «Тихий Дон»? Отвечает тот, кто первым поднимет руку. За каждый правильный ответ участник конкурса получает 1 балл.

1. «Они сражались за Родину»
2. «Тихий Дон»
3. «Судьба человека»

1. «Тихий Дон»
2. «Судьба человека»
3. «Они сражались за Родину»

1. «Судьба человека»
2. «Тихий Дон»
3. «Они сражались за Родину»

VI. Работа с текстом

Участники конкурса получают карточки с описанием степи разными авторами.

Ведущий предлагает определить, какое из описаний степи принадлежит Шолохову.

На выполнение задания отводится 5 минут.

а) «Трава поникла, жизнь замерла. Загорелись холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски». (А.П. Чехов).

б) «Сальские степи, по которым весной Маныч гонит мутные воды поверх камышей, пустынно и ровны, как застывшая, зазеленевшая пелена моря. Здесь, по Манычу, с незапамятных времен летели стрелы с берега на берег, рубились азиатские кочевники со скифами, аланами и готами; отсюда гунны положили всю землю пустотой до Северного Кавказа... Роскошны были эти степи весной, – напившаяся земля торопилась покрыться травами и цветами; влажные вечерние зори румянили край неба в стороне Чёрного моря; огромные звезды пылали до самого горизонта: из-за Каспия, как персидский щит, выкатывалось яростное солнце». (А.Н. Толстой).

в) «Травы от корня зеленели густо и темно, вершинки просвечивали на солнце, отливали медянкой. Лохматился невызревший султанистый ковыль, круговинами шла по нему вихрастая жмурка, пырей жадно стремился к солнцу, вытягивая обзерненную головку. Местами слепо и цепко прижимался к земле низкорослый железняк, изредка промеженный шалфеем, и вновь полководьем расстилался взявший засилье ковыль, сменяясь разноцветьем: овсюгом, желтой сурепкой, молочаем, чингиской – травой суровой, однолюбой, вытеснившей с занятой площади все остальные травы...». (М. Шолохов).

г) «Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. <...> Ничего в природе не могло быть лучшего. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог весть откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями

шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов». (Н.В. Гоголь).

д) «Уже давно не стало видно и последней телеги. Опустела степь. Весело и кротко распевают, сыплют трели жаворонки. Мирно и спокойно догорает ясный день. Привольно зеленеют кругом хлеба и травы, далеко-далеко темнеют курганы; а за курганами необъятным полукругом простерся горизонт, между землей и небом охватывает степь полоса голубоватой воздушной бездны, как полоса далекого моря». (И. Бунин).

VII. Найдите и поясните диалектные слова

Участники конкурса получают карточки с текстами из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Ведущий предлагает найти и письменно объяснить диалектные слова, словосочетания.

На выполнение задания отводится 5 минут.

Карточка № 1. «— Ну, чего вы вскагакались? Цыцте! — прикрикнул Пантелей Прокофьевич. — Бабы, живо зашивайте! Надысь ишо говорил: оглядите бредень. <...> Рыба к берегу зараз идет, боится бурю. Вода, небось, уж мутная пошла. Ну-ка, выбеги, Дуняшка, послухай — играет ерик?».

Карточка № 2. «— У вас — девка, невеста, у нас — жених... Не снюхаемся ли каким случаем? Узнать бы гребтилось — будете ли вы ее выдавать зараз, нет ли? А то, может, и породнились бы? <...>

— Теперича самое цветок лазоревый, что ж держать, аль мало перестарков в девках кулюкают? — выступила Василиса...

— За нашу наезжали сваты ишо на провесне. Наша не засидится».

Ответы:

Карточка № 1. Вскагакались — заговорили все разом; цыцте — замолчите; надысь — третьего дня; ишо — ещё; зараз — сейчас; небось — наверное, может быть; послухай — послушай; играет ерик — небольшой овраг, протока, на дне которых весной собирается вода.

Карточка № 2. Не снюхаемся — не сладимся; гребтилось — хотелось; зараз — сейчас; теперича — теперь; аль — или; кулюкают — сидят по углам; ишо — еще; цветок лазоревый — степной тюльпан.

VIII. Викторина

Последнее задание конкурса – викторина. Конкурсанты получают карточки с вопросами, на которые письменно отвечают.

На выполнение задания отводится 5 минут.

1. Какому общевоинскому званию соответствует казачье звание литературного героя?

- а) подъесаул Полковников
- б) есаул Калмыков
- в) сотник Чубов
- г) хорунжий Бунчук
- д) старший урядник Пантелей Мелехов
- е) вахмистр Егоров

Ответы:

- а) капитан
- б) майор
- в) ст. лейтенант
- г) лейтенант
- д) ст. сержант
- е) старишина

2. В каждом пункте задания среди перечисленных персонажей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» найдите реальное историческое лицо.

а) Илья Дмитриевич Бунчук, Иосиф Давыдович Штокман, Михаил Васильевич Кривошлыков;

- б) Калмыков, Кудинов, Капарин;
- в) Листницкий, Лукомский, Котляров;
- г) Чернецов, Астахов, Атарщиков;
- д) Зыков, Подтелков, Мохов;
- е) Погудко, Полковников, Яков Подкова.

Ответы:

- а) Михаил Васильевич Кривошлыков
- б) Кудинов
- в) Лукомский
- г) Чернецов
- д) Подтелков
- е) Полковников

3. Ответьте на вопрос: в каком родстве состоят герои романа «Тихий Дон»?

- а) Дед Гришака и Мишатка Мелехов – *(прадед и правнук)*.
- б) Аникушка и Григорий Мелехов – *(троюродные братья)*.
- в) Прокофий Мелехов и Ильинична – *(свекор и невестка)*.
- г) Митька Коршунов и Григорий Мелехов – *(шурин и свояк)*.
- д) Грипка Коршунова и Наталья Мелехова – *(родные сестры)*.
- е) Наталья и Дуняшка Мелеховы – *(невестка и золовка)*.
- ж) Анна Ивановна и Лиза Моховы – *(мачеха и падчерица)*.
- з) Пантелей Мелехов и Мирон Коршунов – *(сваты)*.

IX. Подведение итогов конкурса

Пока жюри подводит итоги, ребята совершают экскурсию по Усадьбе М.А. Шолохова.

Критерии оценки деятельности конкурсантов: победитель определяется по наибольшему количеству набранных баллов.

*Л.В. Володина, научный сотрудник
Государственного музея-заповедника
М.А. Шолохова*

Конкурс знатоков романа М.А. Шолохова «Поднятая целина»

(для учащихся 9-10 классов)

Цель: приобщение учащихся к изучению творчества М.А. Шолохова, к нравственным и эстетическим ценностям родного края.

Оборудование: аудио- и видеотехника, подлинные иллюстрации романа «Поднятая целина» художников О. Верейского и В. Колесникова, женская и мужская казачья одежда, фонокинохрестоматия.

Основные этапы конкурса:

I этап. Тест. Время выполнения 5 минут.

II этап. Блиц-турнир. Время выполнения 20 минут.

III этап. Работа с видеоматериалами. Время выполнения 5 минут.

IV этап. Театрализация. Время выполнения 6 минут.

V этап. Ответы на вопросы по тексту романа М.А.Шолохова «Поднятая целина». Время выполнения 6 минут.

VI этап. Работа с иллюстрациями. Время выполнения 3 минуты.

VII этап. Работа с текстом романа М.А.Шолохова «Поднятая целина». Время выполнения 7 минут.

Ход конкурса

(Ведущий обращается к участникам конкурса)

Встреча с миром шолоховских героев – это всегда приобщение к настоящему искусству слова, обогащение духовного мира человека.

(Ведущий представляет членов жюри).

Конкурс состоит из семи заданий. Первым заданием будет тест. Каждый из вас получит карточку с тестами, в которой вы должны указать свои школу, фамилию, имя. В тесте 11 вопросов и несколько вариантов ответов. Нужно выбрать и подчеркнуть правильный ответ. На выполнение задания отводится 5 мин.

I. Тест

1. Михаил Шолохов: факты биографии, творчества

а) В каком году родился М.А. Шолохов?

(1902, 1904, 1905)

б) В каком году молодая семья Шолоховых впервые выехала в Москву?

(1923, 1924, 1926)

в) Какова цель поездки М.А. Шолохова в Москву?

(работа, учёба, издание произведений)

г) В каком году состоялся литературный дебют М.А. Шолохова?

(1922, 1923, 1925)

д) Перечислите романы, написанные Михаилом Александровичем Шолоховым.

е) Назовите рассказ М.А. Шолохова, который был написан в годы Великой Отечественной войны.

2. Роман М.А. Шолохова «Поднятая целина»: история создания и публикации

а) В каком году М.А. Шолохов приступил к написанию романа «Поднятая целина»?

(1929, 1930, 1931)

б) На страницах какого журнала появились первые главы романа «Поднятая целина»?

(«Октябрь», «Новый мир», «Нива»)

в) В каком году была издана 1-я книга романа «Поднятая целина»?

(1931, 1932, 1934)

г) В каком году была написана 2-я книга романа «Поднятая целина»?

(1953, 1954, 1959)

д) Какой премии был удостоен Михаил Александрович Шолохов за роман «Поднятая целина»?

(Сталинской, Нобелевской, Ленинской)

Ответы к тесту:

1. Михаил Шолохов: факты биографии, творчества

а) 1905 г.

б) 1924 г.

в) По издательским вопросам

г) 1923 г.

д) Романы «Тихий Дон», «Поднятая целина», главы романа «Они сражались за Родину»

е) «Наука ненависти»

2. Роман «Поднятая целина»: история создания и публикации

а) 1930 г.

б) «Новый мир»

в) 1932 г.

г) 1959 г.

д) Ленинской

II. Блиц-турнир

1. Вопросы на знание содержания романа «Поднятая целина»

Ведущий конкурса задает вопросы, а отвечает тот, кто первым поднимет руку. За каждый правильный ответ участник получает 1 балл. Если ответ будет неполным или неправильным, дополняют и отвечают другие участники конкурса.

1. Какие должности занимали в колхозе Давыдов, Нагульников, Разметнов?

(Председатель колхоза, секретарь партийной ячейки, председатель с/совета).

2. Каким орденом был награжден Макар Нагульников?

(«На защитной рубахе его червонел орден Красного Знамени»).

3. С каким багажом приехал Семен Давыдов в Гремячий Лог из Ленинграда?

(«Основной багаж его, кроме двух смен белья, носков и костюма, это – отвертки, плоскогубцы, рапира, крейцмессель, кронциркуль, шведский ключ и прочий немудрый инструмент»).

4. Кому был подарен набор слесарных инструментов?

(Ипполиту Шалому. «За всю свою жизнь получил я два подарка: кисет от своей старухи..., да вот этот инструмент лично от товарища Давыдова за мою ударность в кузнечном деле...»).

5. Как учитывали работу колхозника в колхозе?

(За отработанное время (один день) ставили один трудодень).

6. Как фамилия Фрола Рваного?

(Дамасков)

7. Где жила Лушка после того, как ушла от Нагульнова?

(У тетки Алексеевны, в крытой чаканом хатке, стоявшей на самом краю обрыва у реки).

8. Кто забрал у гремяченцев скошенное сено?

(Колхозники колхоза «Красный луч» хутора Тубянского).

9. О чем попросил Давыдов Островнова, написав ему записку после посещения школы?

(«Завхозу Островнову Я.Л. Отпустите за счет моих трудодней учительнице Л.С. Егоровой муки пшеничной, размольной 32 кг, пшеницы 8 кг, сала свиного 5 кг»).

10. Что нашли Давыдов и Шалый в сарае Фрола Рваного?

(«На метровой глубине нашли массивный сверток. В промасленный брезент был тщательно завернут станковый пулемет «максим». Через полчаса Давыдов бережно разложил возле ямы четыре цинки с пулеметными лентами, винтовку, початый ящик винтовочных патронов и восемь ручных гранат с капсюлями»).

11. Кого послали в Гремячий Лог работать секретарем комсомольской организации?

(Ивана Найденова, который был зимой в Гремячем с агитколонной).

12. При каких обстоятельствах получил ранение Хижняк?

(«Вы видели шрам на щеке? Это я его полоснул кинжалом, когда меня забирали. Это было четыре года назад, в Краснодаре» – говорит Лятевский).

13. От кого получали сведения о готовящемся заговоре на Дону Половцев и Лятевский?

(От бывшего полковника генштаба императорской армии Седого-Никольского, ныне агронома краевого сельхозуправления).

14. В какое учебное заведение направили учиться Варвару Харламову?

(В Миллеровский сельскохозяйственный техникум).

15. Кто больше всех понравился вам из героев «Поднятой целины» и почему?

(Варианты ответов участников конкурса)

16. Кого из героев романа вы считаете отрицательными и почему?

(Варианты ответов участников конкурса)

17. Расскажите, пожалуйста, почему деда прозвали «Щукарем»?

(«Десятый год мне шёл, и тут я был натурально пойматый на крючок..., каким рыбу ловят... Только что потихонечку нащупал леску и рот к ней приложил, а дед ка-ак смыканёт удилицу вверх! Леска-то осмыгнулась у меня в руке, крючок и пронзил верхнюю губу. Дед тянул щуку, а вытянул парнишку... С той поры и кличут меня Щукарём»).

2. Роман М.А. Шолохова «Поднятая целина» в кино и опере

1. Кто из российских режиссеров первым снял фильм по роману М.А. Шолохова «Поднятая целина»?

(Юлий Яковлевич Райзман).

2. В каком году первый фильм «Поднятая целина» вышел на экраны страны?

(Весной 1940 г.).

3. Через сколько лет кинематограф вновь обратился к экранизации романа «Поднятая целина»?

(Через 20 лет)

4. Кто написал сценарий ко 2-й экранизации фильма «Поднятая целина»?

(Ю. Лукин, Ф. Шахмагонов).

5. Кто из актеров дважды сыграл роль деда Щукаря?

(В. Дорофеев).

6. Назовите автора оперы «Поднятая целина».

(Иван Иванович Дзержинский).

7. В каком театре состоялась премьера оперы «Поднятая целина»?

(Ленинградский Малый оперный театр).

III. Работа с видеоматериалами по произведениям М.А. Шолохова

Демонстрируется несколько фрагментов из кинофильмов «Они сражались за Родину», «Тихий Дон», «Судьба человека», «Поднятая целина».

Задание: Определите, какой из эпизодов относится к фильму «Поднятая целина».

За каждый правильный ответ участник конкурса получает 1 балл. Если ответ будет неправильным, то могут отвечать другие участники конкурса. Отвечает тот, кто первым поднимет руку.

IV. Узнай героя (данный конкурс проходит с элементами театрализации)

Задание:

а) Узнать героя по костюму и речевой характеристике;

б) Определить, о ком говорит данный герой?

За каждый правильный ответ участник конкурса получает 1 балл. Если ответ будет неправильным, то могут отвечать другие участники конкурса. Отвечает тот, кто первым поднимет руку.

1. Дед Щукарь.

Щукарь о Демиде Молчуне:

«Всю жизнь молчит, гутарит в крайностях, через это его и жена бросила. Казак он не глупый, а вроде дурачка, али, нежнее сказать, как бы с придурью, что ли, али бы вроде мешком из-под угла вдаренный. Мальчонком был, я его помню, сопливый такой и никудышный, без порток бегал, и никаких ба-

лантов за ним не замечалось, а зараз вот вырос и молчит. Его при старом прижими тубянской батюшка даже причастия лишал...».

2. Лушка.

Лушка о Давыдове:

«...И тебе стало страшно, что о тебе подумают в Гремячем добрые люди, честные колхозники. Так ведь? Тебе наплевать на меня! Не со мной, так с другой ты все равно гулял бы за хутором. Но тебе и грешить хочется, и в холодке, в тени, хочется остаться, чтобы никто про твои блудни не знал. Вот ты какой, оказывается, жук!»

3. Нагульнов

Нагульнов о Баннике:

«Он же, подлюка, с генералом Мамонтовым таскался. До тех пор нам супротивничал, покуда его в Черном море не выкупали, да ишо и зараз норovit поперек дороги лечь, вреду наделать мировой революции! А какие он мне тут слова про советскую власть и про партию говорил? На мне от обиды волосья дыбом поднялись!».

V. Угадай слово

Каждый участник получает карточку с фрагментами текстов романа М.А. Шолохова «Поднятая целина». Указав свои школу, фамилию, имя, необходимо выполнить задание:

Вставить в отрывки шолоховских произведений пропущенные слова, выбрав из предложенных наиболее точные.

На выполнение задания отводится 6 минут.

1. Над хутором (бесновался, буйствовал, выл) (влажный, промозглый, сырой) ветер. Шумовито гудели над речкой в левадах тополя и вербы. (Чёрная, темная, смоляная) – глаз коли – наволочь крыла хутор.

2. Придушенные сыростью, по проулкам долго звучали голоса. Валил снег. Зима (вытряхивала, выбрасывала, выметала) последние озимки... В Гремячем же Логу ночью (стынет, мерзнет, холодеет) глухая тишина. Искрятся пустынные, окрестные бугры, (заметенные, осыпанные, запорошенные) лебяжьим пухом молодого снега.

3. В балках, на сувалках, по бурьянам пролиты густо-синие тени. Почти касается горизонта дышло Большой Медведицы. (Черной, смуглой, темной) свечой тянется к тягостно высокому черному небу раина, растущая возле сельсовета. Звенит, колдовски (шепчет, бормочет, бурлит) родниковая струя, стекая в речку.

В текучей речной воде ты увидишь, как падают (отсветившие, отслужившие) миру звезды.

4. Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке (гложет, грызет, жуёт), скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами. Под месяцем неярко (светится, горит, переливается) на стволе вишни янтарный натек замерзшего клея. Сорви его и посмотри: комочек клея, будто вызревшая нетронутая слива, покрыт нежнейшим (дымчатым, сизым, серым) налетом.

5. Изредка упадет с ветки ледяная корочка – ночь (укутает, завернёт, обмотает) хрустальный звяк тишиной. Мертвенно-недвижны отростки вишневых веток с рубчатыми серыми сережками на них: зовут их ребяташки («кукушкиными, галкиными, сорокиными) слезами».

Тишина...

И только на зорьке, когда с севера, из-под тучи, овеяая снег холодными крылами, прилетит московский ветер, (зазвучат, зазвенят, загомонят) в Гремячем Логу утренние голоса жизни...

VI. Работа с иллюстрациями

Роман «Поднятая целина» иллюстрировали художники О. Верейский, А. Лаптев, Л. Чарская, И. Пчелко, П. Пинкисевич, А. Базилевич.

Задание: Составить по предложенной вам иллюстрации устный рассказ, близкий к тексту романа. На выполнение задания отводится 3 мин. Отвечает тот, кто первым поднимет руку.

VII. Найдите и поясните диалектные слова

Каждый участник конкурса получает карточку с текстом, в котором нужно найти и объяснить письменно значение диалектных слов. На карточке нужно указать свою фамилию, имя и школу. На выполнение работы отводится 7 мин.

Карточка № 1. Зараз расскажу все до нитки. Жеребцы нехай бегут трюпком, а я пожалюсь тебе. Хучь ты и пасмурный человек, а должон понять и восчувствие поиметь... Со мной до скольких разов сурьезные случаи происходили.

Карточка № 2. Зачали воду греть, дьячок с попом были пьяные, как сукины дети. Один налил в купелю вару, а другой не попробовал и – «господи – сусе, крещается раб божий» - да как ширнет меня в кипяток, с головой затопил... Так на мне шкура и полезла! Принесли домой, а я – весь в волдырях. Ну, конечно, через это и грызь в пупке нажил, от боли кричал дюже... Десятый год мне шел, и тут я был натурально пойматый на крючок...

Ответы:

Карточка № 1. Зараз – сейчас; нехай – пусть; трюпком – медленно; пожалюсь – пожалуюсь; хучь – хотя; должен – должен; восчувствие поиметь – поиметь сочувствие; до скольких разов сурьезные – сколько раз серьезные.

Карточка № 2. Зачали – начали; вару – кипятка; сусе – Иисусе; ширнет – засунет; грызь – грыжа; дюже – сильно; пойматый – пойманный.

Пока жюри подводит итоги конкурса, школьники посещают дом-музей, в котором писатель жил с семьей с 1928 по 1935 гг. Затем возвращаются в Детский музейный центр для подведения итогов.

VIII. Подведение итогов, вручение грамот, призов, сувениров.

*Л.В. Володина, научный сотрудник
Государственного музея-заповедника
М.А. Шолохова*

Литературный конкурс «Публицистика военных лет М.А. Шолохова»

(для учащихся 9-10 классов)

Цель: познакомить школьников с очерками военных лет М.А. Шолохова; углубить и расширить знания о жизни и творчестве писателя в годы Великой Отечественной войны; воспитать чувство патриотизма.

Ход конкурса:

Ведущий рассказывает о творческой и гражданской (жизненной) судьбе писателя, судьбе его произведений.

Условия конкурса таковы: каждый из вас получит путеводитель, в котором 14 заданий. Часть из них предполагает знание содержания военных очерков М.А. Шолохова, а ответить на другие вопросы вам поможет экспозиция военного зала. На выполнение работы отводится 45 минут.

Содержание путеводителя

Фамилия

Имя

Школа

Вёшенцы, как вся страна, о Великой Отечественной войне узнали 22 июня 1941 года. 23 июня Михаил Александрович Шолохов дает срочную телеграмму Наркому обороны Семёну Константиновичу Тимошенко: «...Прошу зачислить в фонд обороны СССР присуждённую мне Сталинскую премию первой степени. По вашему зову в любой момент готов вступить в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину».

В качестве военного корреспондента газет «Правда» и «Красная звезда» М.А. Шолохов уходит на фронт.

– На каких фронтах побывал писатель?

1. Западный фронт с августа 1941 г.

2. Южный фронт с октября 1941 г.

3. Юго-Западный фронт с декабря 1941 г.

4. Южный фронт с января 1942 г.
5. Сталинградский фронт с сентября 1942 г.
6. Западный фронт с мая 1943 г.
7. 3-й Белорусский фронт с марта по май 1945 г.)

– **Какая картина предстала перед глазами Михаила Александровича при въезде в одно из сел Смоленской области? (Очерк «По пути к фронту»).**

(«Въезжаем в то, что недавно называлось селом. По сторонам обгорелые развалины домов. Торчат одни печные задымленные трубы. Груды кирпича на месте, где недавно были жилища; обгорелая домашняя утварь, осколки разбитой посуды, детская кроватка с покоровившимися от огня металлическими прутьями»).

– **Вспомни, о чем говорил спешившийся казак автору очерка «На Дону»?**

(«...Управиться с сенокосом и по-хорошему убрать хлеб... в прошлом году черепашка нас одолевала, сейчас Гитлер приступает, всё какое-то неудовольствие». Вспомнил казак и о Первой империалистической войне. Восьмерых немцев он тогда уложил в атаке. Как-то прочитал в газете, что и Гитлер будто тоже на войне германской был. «Что же он мне тогда из этих восьмерых под руку не попался?! Раз махнуть – и свернулся бы надвое!» – говорил казак).

– **Каким предстает перед читателями один из лучших разведчиков Белов в очерке «Люди Красной Армии»?**

(Было что-то звериное в движениях, в скользкой походке разведчика Белова. Под ногой его не хрустнул ни один сучок, а шел он по земле, захлавленной сосновыми ветками и сучьями, но шел так бесшумно, будто ступал по песку. Разведчик неохотно говорил о себе, зато с восторгом о своих боевых товарищах. Воистину скромность – неотъемлемое качество всех героев.

Он сутуловат и длиннорук. Улыбается редко, но как-то по-детски – всем лицом, и тогда становятся видны его редкие белые зубы. Шоколадные глаза его часто щурятся. Словно ночная птица, он боится дневного света, прикрывая глаза густыми ресницами).

– **Можно ли назвать ефрейтора Фрица Беркмана культурным, порядочным человеком? Обоснуйте ответ. (Очерк «Военнопленные»).**

(Сам Беркман считает себя культурным, порядочным человеком и, разумеется, решительным противником ненужной жестокости. Но когда

подвыпившие солдаты со смехом и шутками потащили в сарай молодую женщину-колхозницу, он, чтобы не слышать ее криков, ушел со двора. Его культурность – это лишь маска, едва прикрывающая ятрусость и равнодушие).

– В чем сила шолоховского публицистического слова?

(Публицистическое слово писателя имело огромную силу на передовой среди солдат. Оно несло в себе предчувствие победы, веру в героизм и силу духа родного народа, в которых он видел залог неизбежности торжества человечности и созидания над силами фашистского варварства и разрушения).

– Покажи с помощью стрелки название приведённых отрывков из очерков М.А. Шолохова.

Мотоциклиста убило, а мотоцикл перевернулся два раза и заглох. Подбежал я, смотрю, мотоцикл-то целехонький. Мой дружок – очень геройский парень, а на мотоцикле ездить не умеет. Я тоже не умею, а бросать его жалко. Взяли мы его за руль и повели. – Разведчик улыбается, говорит: – Руки он мне, проклятый, оттянул, пока я его по лесу вел, а все-таки довели мы его до своих. На другой день прорвались из окружения и мотоцикл прикатили. Теперь на нем наш связист скачет, аж пыль идет! Вот с этого дня мне и понравилось ходить в разведку. («Люди Красной армии»).	«На юге»
«В плену их внешний облик разительно меняется. Вот они толпятся в просторной комнате, ежатся от холода и зябко дуют на руки. Обросшие лица их грязны и скучны, в глазах – грусть почти такая же, как у людей. От давным-давно немых тел и засаленного обмундирования их прет густым, острым запахом псины. На касках итальянских берсальеров жалко повисли обтрепанные петушиные перья. С запаришивевших в окопах гитлеровцев недавний лоск и наглую самоуверенность словно ветром сдуло. Итальянский офицер в женских	«На Дону»

шерстяных чулках, снятых с какой-либо колхозницы, униженно протягивает руку за папирсой и лепечет о том, что он не курил уже пятьдесят дней». («На юге»).	
«Медвежковатый Федя на ходу вытирает черным промасленным платком потеющие ладони, снисходительно, покровительственно улыбается, басит: – Всю ночь ты меня учила, и все тебе мало. Хватит! Без тебя ученый и свое дело знаю. Ты вот лучшие, как приедешь домой, скажи бригадиру вашему, что если они будут такие копны класть, какие мы видели дорогой, возле Гнилого лога, так мы с него шкуру спустим. Так ему и скажи! Понятно? Женищина пытается еще что-то сказать, но муж досадливо отмахивается от нее, совсем низким, рокочущим басом говорит: – Да хватит же тебе, уймись, ради бога! Вот придем на площадь, там все одно лучшие тебя скажут!» («На Дону»).	«Люди Красной Армии»

– В конверте лежат 3 отрывка из разных военных очерков М.А. Шолохова. Укажите их название на обратной стороне.

1) «Старый рабочий Правденко говорит:

– У меня два сына в Красной Армии. Один – в авиации, другой – в пехоте. Мой отцовский наказ им: бить врага беспощадно, до полного уничтожения и в воздухе и на земле. А если понадобится им подспорье, то и я, старик, возьму винтовку в руки и трякну стариной!

Доцветающая озимая пшеница – густая, сочно-зелёная, высокая – стоит стеной, как молодой камыш. Рожь выше человеческого роста. Сизые литые колосья тяжело клонятся, покачиваются под ветром.

Сторонясь от встречной машины, всадник сворачивает в рожь и тотчас исчезает: не видно лошади, не видно белой рубашки всадника, только околыш казачьей фуражки краснеет над зелёным разливом, словно головка цветущего татарника».

(«На Дону»)

2) «Вскоре приходит генерал Козлов. Пожилой, с седыми висками, неторопливый в движениях, генерал – участник пяти войн. Он здоровается с нами, устало садится на скамью и, положив большие, мясистые руки на разостланную на столе карту, говорит:

– Чаем вас угощали? Нет? Как же это так? Подайте нам чаю, да поживее!

Крестьянин в прошлом, генерал с восемнадцатью лет находится на военной службе. У него простое русское лицо, слегка приподнятый нос и насмешливо-умные голубые глаза.

– Немецкая пехота стала значительно хуже по сравнению с тысяча девятьсот четырнадцатым годом, – неторопливо говорит он. – За танками идут, а как только нет танков, переходят к обороне, с места не тронутся. Штыковой атаки не принимают, боятся, финны лучше дрались. Неврастениками стали немецкие солдаты. По письмам к родным, по дневникам видно, да и с пленными говоришь – противно становится. Плачут, дрожат, пресмыкаются. Не те солдаты, что были в прошлую войну, далеко не те!»

(«Первые встречи»)

3) «– Дед мой с Наполеоном воевал и мне, мальчонке, бывало, рассказывал. Перед тем, как войной на нас идтить, собрал Наполеон ясным днём в чистом поле своих мюратов и генералов и говорит: «Думаю Россию покорять. Что вы на это скажете, господа генералы?» А те в один голос: «Никак невозможно, ваше императорское величество, держава дюже серьёзная, не покорим». Наполеон на небо указывает, спрашивает: «Видите в небе звезду?» – «Нет, – говорят, – не видим, днём их невозможно узреть», – «А я, – говорит, – вижу. Она нам победу предсказывает». И с тем тронул на нас своё войско. В широкие ворота вошёл, а выходил через узкие, насилушки проскочил. И провожали его наши до самой парижской столицы. Думаю своим стариковским умом, что такая же глупая звезда и этому германскому начальнику привиделась, и как к выходу его наладят – узкие ему будут ворота сделаны, ох, узкие! Проскочат, нет ли? Дай бог, чтобы не проскочил! Чтобы другим отныне и довеку неповадно было!»

(«В казачьих колхозах»)

– Из представленных букв составь название одного из очерков и впиши в таблицу.

н с г т у ь н с о («Гнусность»).

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Подведение итогов конкурса. Определением победителя, вручением участникам грамот, призов конкурс завершается.

*Т.В. Шевцова, старший научный сотрудник
Государственного музея-заповедника
М.А. Шолохова*

**Культурно-образовательный проект
«Деятельность Государственного музея-заповедника
М.А. Шолохова по воспитанию патриотизма подрастающего
поколения»**

Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова – уникальный комплекс мемориальных, историко-этнографических и природных достопримечательностей, который представляет редкую возможность рассказать о всемирно известном прозаике XX века через буквальную среду жизни его самого, героев его произведений, казачества. Расположенный на границе трёх областей, музей является культурно-просветительным центром всероссийского значения.

Музей-заповедник знакомит с жизнью и творчеством великого писателя М.А. Шолохова, приобщает к истокам казачьей культуры самую широкую аудиторию из разных уголков России и зарубежья, является мощным фактором воспитания подрастающего поколения и одним из основных центров культурного и патриотического воспитания молодёжи.

В 2003 году был разработан музейный проект «Деятельность Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова по воспитанию патриотизма подрастающего поколения». В основе проекта лежит изучение биографии и творческого наследия М.А. Шолохова, бытовой и духовной культуры казачества с учетом современного уровня шолоховедения, музееведения, этнокультурного материала, представленного в экспозициях и иных музейных пространствах. Музейные работники используют современные формы и методы работы, опираясь на многообразие музейных предметов и экспозиций, создающих неординарную культурно-воспитательную среду, которая эмоционально, эстетически и этически воздействует на молодежь. Данный проект включает следующие направления деятельности: патриотическое, экологическое, эстетическое, археологическое, историко-литературное, краеведческое, декоративно-прикладное, причем патриотическое воспитание является стержнем каждого из них.

Основная цель проекта: создание системы воздействия на подростков и старшеклассников на базе музейного пространства с целью воспитания в

духе патриотизма и гражданственности, верности своей стране, уважения к славным традициям прошлого и настоящего своего края, ценностного отношения к шолоховскому наследию.

Для достижения этой цели были выдвинуты конкретные задачи:

1. Совершенствование традиционных, разработка и апробация инновационных форм и методов работы с молодежью.
2. Разработка и реализация вариативной системы музейного проекта для возрастных групп учащихся (от 14 до 17 лет) с учетом их интересов, способностей и возможностей.
3. Художественно-эстетическое развитие личности подростка через его включение в культурно-творческую деятельность.

Одной из ведущих форм организации патриотического воспитания являются музейные мероприятия, где одна и та же форма может сочетаться с разными средствами, и наоборот, одно и то же средство может использоваться в различных формах воспитания.

Деятельность музея по воспитанию патриотизма представлена в виде системы воспитательных воздействий:

1. Формирование ценностного отношения к прошлому и настоящему шолоховского края.
2. Развитие творческих способностей.
3. Использование музейных предметов как действенного средства воспитания гражданственности, верности и преданности Отечеству, уважительного отношения к языку своего народа, чувства любви к родным местам, гордости за то, что являешься земляком великого писателя М.А. Шолохова.

Данное направление работы дает возможность подростку открыть для себя духовное богатство той земли, на которой он живет, узнать о яркой и разнообразной культурной жизни его предков; расширить представления о роли донского казачества в формировании общерусских идей вольности, свободы, равенства, познакомиться с художественным миром М.А. Шолохова, попытаться найти ответ на вопросы: «Для чего жить и что такое я?»; найти для себя общественные идеалы и ценности, дающие веру в жизнь, помогающие в преодолении неудач; научиться делать правильный жизненный выбор в соответствии с общечеловеческими ценностями и правовыми нормами. Музейный проект в решении этих проблем опирается, прежде всего, на примеры из жизни и творчества писателя, на яркие, запоминающиеся литературные шолоховские образы, которые формируют патриотическое отношение подрастающего поколения к историческому прошлому страны, родного Донского края, к лучшим традициям казачества.

Особенности проекта:

1. Решение поставленных целей и задач предполагает комплексный подход к патриотическому воспитанию на базе уникальных музейных предметов, с опорой на художественные произведения М.А. Шолохова и исторические памятники, являющиеся частью казачьей культуры.
2. Программа проекта «Деятельность Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова по воспитанию патриотизма подрастающего поколения» строится с учетом особенностей музея-заповедника: его расположения (в радиусе 300 км не существует другого достаточно крупного музея, который бы смог хранить духовную и материальную культуру прошлого этого региона), территории (около 40 тыс. га), на которой расположены 20 памятников истории и культуры федерального значения, фондовой коллекции (более 71.000 единиц хранения, из них более 40.000 – основного фонда), действующих (15) и временных экспозиций.
3. Проект является перспективным (долгосрочным).
4. Программа музейного проекта осуществляется адресно.

Участники музейного проекта

«Деятельность Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова по воспитанию патриотизма подрастающего поколения»

- I группа – клуб «Возрождение»;
- II группа – старшеклассники, учащиеся 9-11 классов;
- III группа – Краснодарская краевая общественная организация детей-инвалидов и инвалидов детства (г. Краснодар);
- IV группа – Детская школа искусств им. М.А. Балакирева (г. Москва);
- V группа – участники международной программы «Содружество».

Основные направления, мероприятия, формы и методы работы с группами – участниками проекта

I группа – Клуб «Возрождение»:

- экскурсии в музей боевой Славы (созданный сотрудниками музея-заповедника на базе объединенного районного военного комиссариата);
- встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, участниками боевых действий в Афганистане, Чеченской республике;
- подготовка рефератов на военно-патриотическую тему;
- сбор воспоминаний об участниках Великой Отечественной войны, оформление альбомов памяти;

- акция «Милосердие».

II группа – старшеклассники, учащиеся 9-11 классов:

- тематические занятия: «Жизнь и творчество М.А. Шолохова», «История казачества», «Бытовая и духовная культура казаков Верхнего Дона», «История государственной символики РФ и Ростовской области»;
- экскурсии в Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова;
- участие в археологической экспедиции на территории Шолоховского района;
- проведение ежегодных литературно-краеведческих конференций, конкурсов;
- организация индивидуальной исследовательской работы с учащимися;
- подготовка рефератов;
- участие в экологическом движении «Шолоховский родник»;
- музейные праздники.

III группа – Краснодарская краевая общественная организация детей-инвалидов и инвалидов детства (г. Краснодар):

- экскурсии в Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова;
- встречи с семьей Шолоховых;
- подготовка совместных выставок детских работ;
- подготовка и проведение совместных художественно-реабилитационных сборов юных почитателей творчества Шолохова.

IV группа – Детская школа искусств им. М.А. Балакирева (г. Москва):

- экскурсии в Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова;
- встречи с семьей Шолоховых;
- подготовка совместных выставок детских работ;
- создание совместных программ по работе с подрастающим поколением в рамках детского литературно-фольклорного праздника «Вёшенские веснушки» и Московского открытого фестиваля «Шолоховская весна»;
- создание совместных программ по ознакомлению молодёжи Шолоховского района с профессиональной музыкальной культурой и современными информационно-художественными технологиями музыкального творчества;
- проведение мастер-классов;
- участие в музейных праздниках и торжествах.

V группа – участники международной программы «Содружество»:

- экскурсии в Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова;

- участие в музейных праздниках и торжествах;
- оказание помощи в комплектовании музея-галереи М.А. Шолохова в школе № 207 г. Киева.

Этапы реализации музейного проекта
«Деятельность Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова по воспитанию патриотизма подрастающего поколения»

I этап – диагностический:

- распределение функциональных обязанностей организаторов проекта;
- проведение исследовательской работы по изучению реальной и потенциальной аудитории участников проекта;
- изучение программ, материалов, литературы по данной проблеме;
- определение содержания программ проекта;
- подготовка к изданию методических материалов.

II этап – организационный:

- проведение анкетирования групп участников проекта с целью определения направления деятельности по формированию патриотических качеств личности;
- разработка программ проекта и их внедрение в сферы деятельности;
- проведение мероприятий с группами – участниками проекта по реализации основных направлений проекта;
- издание методических материалов;
- оценка эффективности проекта.

III этап – рефлексивный:

- продолжение работы по разработке и изданию методических материалов;
- проведение с группами участников проекта мероприятий, посвященных дню рождения М.А. Шолохова и Дню памяти М.А. Шолохова;
- оценка эффективности проекта.

Итогом реализации музейного проекта «Деятельность Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова по воспитанию патриотизма подрастающего поколения» (учащиеся 14-17 лет) должно стать воплощение следующих идей:

1. Формирование всесторонне развитой личности на принципах духовности, патриотизма, нравственности, креативности.
2. Создание музейными средствами системы патриотического воспитания, ориентированной на подростков от 14 до 17 лет, так как в этот период происходит осознанное восприятие действительности и

окружающего мира, складываются моральные ценности и жизненная позиция, мировоззренческие идеалы.

3. Создание музейной технологии патриотического воспитания молодежи посредством интерактивных приемов.

Реализация этих идей проекта позволит создать в музее воспитательную систему для большего количества групп молодежи, способствующей патриотическому воспитанию подрастающего поколения в неформальной сфере.

Результаты исследовательской и практической деятельности Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова показывают, что проект «Деятельность Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова по воспитанию патриотизма подрастающего поколения» на сегодняшний момент очень актуален. Уже на первых этапах работы он получил самую высокую оценку участников не только в Шолоховском районе, но и в Москве, Киеве, Краснодаре, Донецке (Украина). Проект помогает подросткам из разных регионов глубже узнать жизнь и творчество М.А. Шолохова, историю казачества, познакомиться с одним из наиболее известных литературных мест нашей Родины, а молодежи Шолоховского района прикоснуться к культурно-историческому наследию России и Украины. Всё это дает возможность каждому молодому человеку осознать, что уважение к традициям народа, любовь к Родине – это не просто слова, а истинные патриотические чувства, которые живут в сердце каждого настоящего гражданина своего Отечества.